Въ редакцію журнала „Сѣвернаго Вѣстника"
отъ автора
9-го января 1896 г. Владикавказъ.

А. Е. РОССИКОВА.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ
ГОРНОЙ ЧЕЧНИ.

ТИФЛИСЪ.
Типографія Грузинскаго Издательскаго Товарищества.
1895.

Напечатано по распоряженію Распорядительнаго Комитета Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРНОЙ ЧЕЧНИ.

I.

Бурное историческое прошлое Чечни въ связи съ индивидуальными особенностями самихъ чеченцевъ, которыми рѣзко отличается это племя отъ другихъ народностей Кавказа, давно утратившихъ свою опредѣленную физіономію, съ давнихъ лѣтъ поселили недовѣріе со стороны русскаго человѣка къ Чечнѣ и чеченцамъ. Русскій человѣкъ вообще заглядываетъ въ Чечню неохотно, развѣ по службѣ, по обязанности, а въ такіе глухіе и отдаленные уголки, какъ Чаберлой и истоки Шаро-Аргуна, избѣгаетъ заглядывать даже по службѣ. Для большинства русскихъ людей чеченецъ не больше, не меньше, какъ разбойникъ, а Чечня—притонъ разбойничьихъ шаекъ. Вслѣдствіе этого свѣдѣнія наши о Чечнѣ и чеченцахъ небольшія, въ высшей степени сбивчивы, не точны, и при томъ въ большинствѣ случаевъ ограничиваются селеніями, лежащими вблизи большихъ проѣзжихъ дорогъ, да и тѣ не идутъ дальше формальныхъ, офиціальныхъ, доставляемыхъ мѣстной администраціей. Кто этотъ своевольный, страстный, порывистый и безпокойный обитатель Сѣвернаго Кавказа—чеченецъ? Гдѣ его первоначальная родина? Кто его предки? Намъ до сихъ поръ достовѣрно почти ничего неизвѣстно. Сами чеченцы по преданіямъ считаютъ себя выходцами изъ Ичкеріи, одной изъ составныхъ частей Горной Чечни, гдѣ въ сѣдой древности по народнымъ сказаніямъ обитало двѣнадцать чеченскихъ фамилій. Каждая фамилія имѣла свои фамильныя преданія о происхожденіи. Одна фамилія производила себя отъ грековъ, другая отъ грузинъ, третья отъ франческовъ (европейцевъ), наконецъ четвертая отъ русскихъ (чаберлоевцы). Въ языкѣ чеченцевъ существуютъ искаженныя слова кумыкскія, грузинскія, нѣмецкія и даже русскія. Послѣднее обстоятельство, въ связи съ фамиль-

ными преданіями, вѣроятно, и послужило основаніемъ предположенію, что предками чеченцевъ были славяне, даже русскіе, но предположеніе это единичное, никѣмъ не провѣренное существуетъ, какъ отдѣльное мнѣніе, и только. Однако каково-бы небыло происхожденіе чеченцевъ мы знаемъ, что всѣ они имѣютъ одинаковые нравы, обычаи, характеръ, говорятъ на одномъ языкѣ, который распадается на нѣсколько весьма близкихъ другъ къ другу нарѣчій. По лингвистическимъ даннымъ, разработаннымъ Усларомъ и Загурскимъ, языкъ чеченскій весьма близокъ къ языку лезгинскому и на этомъ основаніи чеченское племя относятъ къ восточно-горской группѣ кавказскихъ народовъ. Это послѣднее кажется все, наиболѣе точное, что мы знаемъ о чеченцахъ. Въ опредѣленіи личности, характера чеченца, его индивидуальныхъ силъ и способностей такая же путаница. По свѣдѣніямъ однихъ жестокость, корыстолюбіе, мстительность являются преобладающими чертами его характера, другіе напротивъ считаютъ чеченца мечтателемъ, даже, до нѣкоторой степени, поэтомъ, но далеко не матеріалистомъ. Одни признаютъ въ чеченцѣ умъ бойкій, но легкій и низменный, которому не свойственна точность, опредѣленность, идейность и отвлеченность, характеризующая умъ разсудочный; они [redacted] почти не признаютъ за нимъ способности къ усвоенію глубокихъ культурныхъ знаній; другіе все чеченское племя считаютъ способнымъ, воспріимчивымъ, со всѣми данными для будущей культурной жизни. Одни называютъ чеченцевъ мятежниками, зачинщиками всѣхъ смутъ и волненій, другіе (напримѣръ Пассекъ) говорятъ, что зачинщиками всѣхъ событій даже въ самой Чечнѣ были аварцы (лезгины). Опредѣлить насколько всѣ эти мнѣнія о чеченцахъ вѣрны нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, такъ какъ не смотря на существованіе устныхъ преданій, множества памятниковъ древности—христіанскихъ церквей, башенъ, могильниковъ, кургановъ,—древняя исторія Чечни совершенно не разработана, а матеріалы историческихъ событій новѣйшаго времени до нашихъ дней составляютъ неприкосновенное достояніе архивовъ. Мы знаемъ, что въ началѣ нынѣшняго вѣка всѣ чеченцы были свободнымъ народомъ безъ всякихъ сословныхъ подраздѣленій, народомъ, не признающимъ надъ собой никакой верховной власти. „Мы всѣ уздени!" говоритъ чеченецъ и въ наше время, т. е. люди, зависящіе только отъ самихъ себя; знаемъ, что они въ высшей степени своевольны,

своенравны и что этотъ духъ своеволія и своенравія, несмотря на всевозможныя репресаліи со стороны русскаго правительства, живъ и по нынѣ и плохо мирится съ новымъ строемъ жизни. Что же касается наклонности чеченцевъ къ хищничеству, къ грабежамъ, за которую особенно часто порицается все чеченское племя, то у Рамановскаго въ его „Кавказъ и Кавказская война", приводятся два факта, въ высшей степени любопытныхъ для характеристики чеченцевъ и насъ русскихъ, во время войны. Въ самомъ началѣ войны на Кавказѣ Императоромъ Александромъ I-мъ былъ сдѣланъ строгій выговоръ командующему войсками генералу Ртищеву за то, что онъ иногда разрѣшалъ русскимъ войскамъ дѣлать набѣги на земли ближайшихъ горцевъ, *)" не будучи вызываемъ къ тому неизбѣжной необходимостью". Императоръ прямо высказался, что командующіе войсками на Линіи, только тогда заслужатъ его благоволеніе, когда „будутъ снискивать дружество горскихъ народовъ ласковымъ обхожденіемъ и выведутъ изъ употребленія набѣги и нападенія"... Тотъ же генералъ Ртищевъ, проникнутый мирной политикой, въ высшей степени ласково принимаетъ чеченскихъ депутатовъ, заключаетъ съ ними дружескій договоръ и одаривъ подарками, отпускаетъ. Когда же ему случилось поѣхать въ Тифлисъ, между Моздокомъ и Владикавказомъ тѣ же самые чеченцы-депутаты напали на него и ограбили...

Таковы наши свѣдѣнія объ обитателяхъ Чечни. Если же коснуться территоріи занимаемой чеченцами, то окажется, что свѣдѣнія наши еще бѣднѣе, еще сбивчивѣе. До сихъ поръ, напримѣръ, нѣтъ ни одного полнаго географическаго описанія Чечни. На картахъ селенія зачастую нанесены невѣрно и на столько невѣрно, что безъ проводника можно вмѣсто одного селенія попасть въ другое и т. д. Между тѣмъ эта въ сущности ничтожная горсть людей въ свое время заставляла говорить о себѣ почти всю Европу, а насъ русскихъ тревожиться, браться за оружіе и не покидать его многіе десятки лѣтъ подърядъ.

При такой неполнотѣ и даже скудости свѣдѣній о Чечнѣ и чеченцахъ, намъ думается, не будетъ излишнимъ подѣлиться впечатлѣніями и наблюденіями, добытыми путемъ личнаго знакомства съ страной и народомъ въ его обыденной будничной обстановкѣ.

---

*) Рамановскій: „Кавказъ и Кавказская война". Стр. 359 и 368.

новкѣ. На этотъ разъ мѣстомъ нашихъ странствованій была центральная часть горной Чечни, тотъ самый уголокъ обширнаго Кавказа, который и по нынѣ считается разсадникомъ смутъ, очагомъ мятежей и всевозможныхъ волненій. Мы прошли его пѣшкомъ изъ конца въ конецъ и кромѣ услугъ и самаго сердечнаго вниманія со стороны чеченцевъ—ничего другого не видали. Маршрутъ нашъ былъ слѣдующій: изъ укрѣпленія Ведено по Веденскому плато, Хорочоевскому ущелью мы разсчитывали проѣхать на дрогахъ до озера Кезеной-амъ; отъ озера Кезеной-амъ начать путешествіе пѣшкомъ по верхнему Чаберлою черезъ селенія: Кезеной, Макажой, Буни, Босхой, и перевалъ Хиндой-ламъ въ селеніе Кери; изъ Кери по Шаро-Аргуну черезъ селенія: Химой, Шарой, Киселой и по ущелью Харгабе-ахкъ къ ледникамъ горы Дыклосъ-мта и Доносъ-мта (по чеченски—Харгабе-ламъ); отъ истоковъ рѣки Харгабе-ахкъ черезъ селенія Холундой и Киселой къ истокамъ рѣки Шаро-Аргунъ въ селеніе Сантухой; изъ Сантухоя въ истоки рѣчки Хорочой-ахкъ и ущельямъ рѣчки Чанты-Аргунъ въ укрѣпленіе Евдокимовское, которымъ собственно и закончилось наше пѣшее путешествіе по горной Чечнѣ.

Ичкерія одна изъ составныхъ частей горной Чечни. Въ административномъ отношеніи она входитъ въ составъ 8-го участка Грозненскаго округа Терской области. Ичкерія—слово чеченское, въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ ровное мѣсто среди горъ, среди возвышенности. Въ примѣненіи къ географическому положенію Ичкеріи это названіе какъ нельзя больше характерно и соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Мѣстоположеніе Ичкеріи—сѣверный склонъ Кавказскаго хребта, собственно передовая цѣпь его, извѣстная подъ именемъ Черныхъ горъ, на протяженіи между рѣкъ: Аргуномъ и Аксаемъ. Въ этихъ предѣлахъ Черныя горы, протягиваясь съ запада на востокъ, представляютъ двѣ гряды: сѣверную и южную расчлененныя продольной долиной верстъ въ 15—20 шириною. Долина выполнена рядами поперечныхъ отроговъ, между которыми восточный и западный выше другихъ и какъ-бы замыкаетъ ее со стороны рѣкъ Аргуна и Аксая. Такимъ образомъ территорія Ичкеріи опредѣляется именно этой продольной долиной, обрамленной сѣверной и южной грядой Черныхъ горъ.

Нѣкогда вся Ичкерія тонула въ густомъ непроходимомъ лѣсу, который въ наши дни значительно разрѣженъ, отчасти для безопасности русскими войсками во время войны, отчасти самими жителями подъ пашни. По дну долины, по южному склону сѣверной гряды Черныхъ горъ, среди обработанныхъ полей и луговъ разсѣяны ичкеринскія селенія, хутора, отселки. Лѣсъ здѣсь выступаетъ не болѣе какъ отдѣльными островками и состоитъ чаще всего изъ фруктовыхъ деревьевъ: изъ яблони, груши, алычи, кизила, калины. Это послѣднее обстоятельство даетъ основаніе предполагать, что преобладающими породами ичкеринскихъ лѣсовъ, нынѣ или исчезнувшихъ, или переродившихся, были фруктовыя деревья. Сравнительно лучше сохранился лѣсъ по склонамъ южной гряды, гдѣ нерѣдкость встрѣтить сплошныя насажденія изъ чистаго бука. Все населеніе Ичкеріи, въ настоящее время не превышающее 2000 душъ обоего пола, принадлежитъ частью къ древнимъ ичкеринскимъ фамиліямъ, положившимъ начало Ичкеріи, частью къ различнаго рода поселенцамъ позднѣйшаго времени. Изъ числа ичкеринскихъ селеній наиболѣе значительный въ истокахъ р. Басса—аулъ Мяхкеты, въ истокахъ р. Алистанжи—Звирхи, въ истокахъ р. Хулхулау—Хорочой, въ истокахъ р. Аксая—Дарго и Белгатой. Сѣвернѣе перечисленныхъ ауловъ, собственно по возвышенностямъ и склонамъ поперечныхъ отроговъ ютятся аулы: Цонторой, Тезенъ-каль, Курчалой, Эрсиной, Дишни-Ведень, Агишпатой, и наконецъ, по подошвѣ южнаго склона сѣверной гряды и его отроговъ, аулы: Гуной, Аллерой и пр. Не смотря на близость Ичкеріи къ плоскости, она до сихъ поръ остается заброшеннымъ, мало доступнымъ уголкомъ, благодаря отсутствію колесныхъ дорогъ. Одна единственная шоссейная дорога—Веденское шоссе—разсѣкаетъ Ичкерію, слѣдуя черезъ Веденское укрѣпленіе, Чаберлой въ Дагестанъ. Внѣ этого шоссе сообщеніе поддерживается лишь вьючныя тропы, передвиженіе по которымъ совершается безпрепятственно только лѣтомъ. Главное занятіе жителей—земледѣліе и скотоводство. Изъ числа воздѣлываемыхъ земледѣльческихъ продуктовъ первое мѣсто занимаетъ кукуруза, составляющая насущный кусокъ хлѣба ичкеринцевъ.

Веденское плато съ укрѣпленіемъ Ведено составляетъ центральную часть Ичкеріи, которая, какъ мы видѣли выше, издавна считается колыбелью чеченскаго народа. Преподнятая на 2430 футовъ надъ уровнемъ моря, небольшая Веденская терраса, ши-

риною около версты, тянется въ длину верстъ на шесть на семь и представляетъ неправильный четыреугольникъ, опоясанный Черными горами, съ юга—Гизгинъ-ламомъ и Чермой-ламомъ; съ сѣвера Малхъ-Басса и Эрсенъ-кортъ, а съ востока и съ запада отрогами тѣхъ-же хребтовъ. Это одинъ изъ живописныхъ и доступныхъ въ наши дни уголковъ Ичкеріи! И самое плато, и окружающія горы—все тонетъ въ яркой изумрудной зелени травъ и лѣсовъ! Это пышный садъ, засаженный и разукрашенный самимъ Богомъ, въ которомъ человѣкъ, къ сожалѣнію, является въ роли самаго безжалостнаго истребителя и разрушителя. Зеленый дернъ, которымъ закрытъ каждый свободный отъ лѣса откосъ и вся терраса, нѣсколько покатая къ сѣверу, благодаря обычной нечистоплотности обитателей веденской слободки и крѣпости замѣняется высокими сорными травами. Громадные, нѣкогда непроходимые, дремучіе лѣса, которыми и по нынѣ опушены горы отъ самыхъ подошвъ, до гребней, замѣтно рѣдѣютъ мѣстами замѣнились кустарниковыми порослями—ольшатника, орѣшника, дубняка, мѣстами совсѣмъ исчезли, образовавъ поляны, которыя служатъ или для сѣнокоса, или распахиваются подъ кукурузу—любимое пастбище кабановъ, съ которыми цѣлое лѣто владѣльцы полянъ ведутъ ожесточенную борьбу, весьма оригинальную по своимъ пріемамъ. Среди кукурузнаго поля обыкновенно устраивается засада или вышка, небольшая площадка на высокихъ столбахъ, куда на ночь забирается караульщикъ, чаще всего женщина, старуха и дикими почти нечеловѣческими воплями оглашая воздухъ, распугиваетъ кабановъ... Такихъ полянъ близъ Ведено ни одна, ни двѣ, а нѣсколько зіяетъ по склонамъ окружающихъ горъ. Три изъ нихъ за присутствіе нефти называются нефтянками. Онѣ находятся на югѣ у подошвы сѣверныхъ отроговъ Чермой-лама.

Съ запада и востока Веденское плато круто обрывается въ двѣ узкія и глубокія балки, на днѣ которыхъ по занесеннымъ щебнемъ, гравіемъ и галькой русламъ и опушонныхъ кустарникомъ отвѣсныхъ береговъ, разбиваясь на нѣсколько потоковъ, бѣгутъ двѣ быстрыя прозрачныя рѣчки: на востокѣ Хулхулау, притокъ Сунжи, берущій свое начало съ горы Цабо-меръ, части Сулакотерскаго водораздѣльнаго хребта, и на западѣ небольшой притокъ впадающій въ Хулхулау близъ аула Ца-Ведень, который не имѣетъ особаго названія, а именуется жителями тоже Хулхулау.

Въ обѣихъ рѣчкахъ водится рыба: форель, пискари, усачи. Ловятъ рыбу особой, приспособленной къ мелководнымъ горнымъ рѣчкамъ сѣткой, укрѣпленной на дугообразной трости съ длиннымъ шестомъ. Воду предварительно мутятъ, выпугиваютъ рыбу изъ подъ камней, ставятъ сѣтку противъ теченія и вытаскиваютъ въ удачный ловъ штукъ по десяти по пятнадцати мелькой и крупной форели и другихъ рыбъ. Въ западной части плато расположена крѣпость, обнесенная высокими стѣнами, съ четырмя башнями на углахъ стѣнъ. Среди обширнаго луга, какимъ представляется Веденская терраса и позолоченныхъ солнцемъ кукурузныхъ полей, среди мирно снующихъ по дорогамъ чеченцевъ и русскихъ эта крѣпость съ башнями и бойницами производитъ странное, почти грустное впечатлѣніе. Кому угрожаютъ эти башни своими бойницами? Гдѣ тотъ врагъ, поражать котораго предназначено крѣпости? Невольно навертываются вопросы и только обращаясь мысленно къ прошлому веденской террасы, глазъ примиряется съ современнымъ существованіемъ крѣпости, какъ единственнымъ памятникомъ минувшихъ смутъ и волненій. Основана Веденская крѣпость въ 1859 году и нѣкогда служила штабъ-квартирой Куринскаго полка. Къ сѣверной сторонѣ крѣпости примыкаетъ слободка, тоже обнесенная стѣнами, но менѣе высокими. Слободка состоитъ изъ нѣсколькихъ улицъ, трехъ четырехъ десятковъ ветхихъ, турлучныхъ домиковъ, въ которыхъ доживаютъ свой вѣкъ такіе же ветхіе ветераны отставные солдаты, имѣется церковь, когда-то была школа, нынѣ за ненадобностью закрытая, паркъ въ преданіяхъ сторожилъ прекрасно разработанный и разукрашенный цвѣтниками, военный клубъ и пр., и пр. Словомъ по многимъ даннымъ когда-то въ Ведено жизнь била ключомъ, но съ уходомъ Куринскаго полка и церковь, и дома, и паркъ, и клубъ, и даже сами жители какъ-то вдругъ опустились, пріуныли, захирѣли и въ настоящее время ждутъ со дня на день, когда пробьетъ ихъ часъ, когда объявитъ начальство, что Веденская крѣпость за ненадобностью упраздняется. Подъ этимъ гнетомъ спятъ и бодрствуютъ современные слобожане и естественно заботятся ни объ улучшеніи или расширеніи своихъ хозяйствъ, а лишь о томъ, что-бы, пока еще не поздно, взять отъ мѣстечка все, что можно безнаказанно взять. Между тѣмъ мягкій, влажный климатъ, умѣренная, непродолжительная зима, не жаркое, обильное дождями, лѣто при благопріятныхъ

почвенныхъ условіяхъ, ставятъ Ичкерію вообще и веденское плато въ частности на ряду съ плодороднѣйшими уголками Сѣвернаго Кавказа. И дѣйствительно, небольшой садъ бывшаго началь[redacted]ника Веденскаго округа, который въ настоящее время арендуется начальникомъ восьмого участка, находящійся на правомъ берегу р. Хулхулау, въ разстояніи одной версты отъ крѣпости, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что при желаніи и небольшомъ умѣніи Веденское плато можетъ производить ни одну кукурузу, а рѣшительно все, „что ни ткнешь въ землю“, какъ выразился одинъ изъ обывателей. Въ саду мы видѣли: лучшіе сорта грушъ, яблонь, сливъ, вишенъ, всевозможныя овощи и прекрасно устроенную пасеку, которая пользуется большою популярностью среди мѣстнаго чеченскаго населенія. Ичкеринцы и сами поняли благопріятныя мѣстныя условія и издавна занимаются пчеловодствомъ, но примитивно. Такая благоустроенная пасека, какую завелъ въ своемъ саду начальникъ участка, гдѣ встрѣчаются самой новѣйшей системы заграничные улья, для мѣстнаго населенія прямо находка. Медъ ичкеринскій высшаго качества, необыкновенно душистый и вкусный, особенно беноевскій, не смотря на почти первобытный способъ веденія этого дѣла. Садомъ начальника участка, какъ нельзя лучше опредѣляется и современное назначеніе такихъ пунктовъ, какъ укрѣпленіе Ведено и существующей при немъ слабодки. Для мирнаго развитія и процвѣтанія края туземному населенію горной Чечни необходимы культурныя знанія, разсадниками которыхъ и должны быть ближайшія русскія поселенія. Но къ сожалѣнію культурныя задачи не входятъ въ военныя соображенія. Буртунаевская крѣпость упразднена, а вмѣстѣ съ нею упразднился и русскій поселокъ. Тоже въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, ожидаетъ и Веденскую крѣпость съ слободкой.. Между тѣмъ, кто былъ въ плоскостной Чечнѣ, тотъ, навѣрное, знаетъ, что за короткій промежутокъ послѣ замиренія, плоскостные чеченцы успѣли не только вновь обстроить свои селенія новыми, въ большинствѣ случаевъ деревянными, а иногда и каменными свѣтлыми, просторными саклями, близъ которыхъ нерѣдкость встрѣтить фруктовый садъ, обширный чистый огороженный дворъ, но и избороздить земельные участки цѣлою сѣтью ирригаціонныхъ каналовъ, поднять земледѣліе до цвѣтущаго состоянія и въ настоящее время наполн[redacted]яютъ ближайшіе рынки своими продуктами. Все это конечно, говоритъ за то, что при благопріятныхъ условіяхъ этотъ народъ способенъ заниматься ни одними разбоями и мятежами, какъ это думаютъ многіе, но и мирнымъ трудомъ.

Историческое прошлое Веденской террасы запечатлѣно цѣлымъ рядомъ кровопролитныхъ событій, связанныхъ съ именемъ Шамиля, знаменитаго въ свое время дагестанскаго героя, событій еще свѣжихъ въ памяти веденскихъ старожилъ и стариковъ чеченцевъ, жителей ближайшихъ ауловъ. Старики разсказываютъ, что нѣкогда Веденское плато представляло сплошной, дремучій, непроходимый лѣсъ, въ юго-западномъ углу котораго, на правомъ берегу лѣваго рукава рѣки Хулхулау, при выходѣ его изъ тѣснаго, лѣсистаго ущелья, верстахъ въ двухъ или трехъ отъ нынѣшней крѣпости, на небольшой полянкѣ, окружонной высокими лѣсистыми обрывистыми хребтами, ютился чеченскій аулъ Веденъ, бывшая резиденція Шамиля, гдѣ онъ прожилъ цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ. Аулъ Веденъ былъ не только крѣпостью, прекрасно укрѣпленнымъ естественными преградами и искусственными сооруженіями пунктомъ, но и оплотомъ, защитой для всей Ичкеріи. Съ паденіемъ Веденя Шамиль вынужденъ былъ бѣжать въ Дагестанъ и больше уже не возвращался въ Ичкерію. Въ 1859 году аулъ былъ взятъ русскими войсками и уничтоженъ до тла. Въ настоящее время поляна не сохранила ни единаго камня, ничего кромѣ воспоминанія о бывшемъ грозномъ селеніи и почти совершенно лишена главной своей защиты дремучихъ лѣсовъ на окружающихъ её хребтахъ. О Шамилѣ, какъ и о чеченцѣ существуютъ разныя мнѣнія и почти всѣ они сводятся къ одному, что Шамиль былъ не больше, не меньше, какъ умный разбойникъ, фанатикъ и даже изувѣръ. За отсутствіемъ безпристрастной характеристики оспаривать какое-бы то ни было мнѣніе о личности, даже такой недюжинной, какою былъ, несомнѣнно, Шамиль, весьма трудно, но существуютъ факты, доказывающіе, что этотъ фанатикъ и изувѣръ обладалъ большою вѣротерпимостью. Такъ старожилы Веденской крѣпости и участники компаніи 1859 г. разсказываютъ, что близъ аула Веденъ, въ лѣсахъ существовало нѣсколько раскольничьихъ скитовъ. Раскольники, бѣжавшіе изъ Россіи, подъ покровительствомъ Шамиля, свободно совершали свои богослуженія, строили часовни, а когда положеніе аула Веденъ сдѣлалось ненадежнымъ, онъ для безопасности перевелъ веденскихъ раскольниковъ въ Дагестанъ, гдѣ также

существовало нѣсколько раскольничьихъ скитовъ подъ охраной и защитой Шамиля, который за притѣсненія раскольниковъ строго и немилосердно наказывалъ виновныхъ. Событія 1877 года, когда скорѣе по недоразумѣнію, нежели вслѣдствіе серіозно-обдуманнаго возмущенія Ичкерію, Чаберлой и истоки Шаро-Аргуна вновь огласили залпы русскихъ орудій, опять была пролита русская и чеченская кровь и обагрила окрестности Веденской террасы, Ичкеріи и Чаберлоя,—прервали на нѣкороткое время мирное развитіе Чечни, послѣ чего она вновь вступила на путь постепеннаго улучшенія своего матеріальнаго и нравственнаго положенія. Съ тѣхъ поръ прошло семнадцать лѣтъ, въ которыя населеніе Чечни дѣйствительно сдѣлало нѣкоторые успѣхи на пути развитія своего благосостоянія.

Выѣхали мы изъ укрѣпленія повидимому при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Вопервыхъ, тусклое утро, затянутое тучами небо и туманъ на горахъ не предвѣщали хорошей погоды, условіе весьма важное при отправленіи въ такое дальнее путешествіе, какое предстояло намъ; во вторыхъ, среди слобожанъ и мѣстной администраціи ходили упорные слухи о томъ, что въ Чаберлоѣ готовится возстаніе, что изъ Турціи пріѣхалъ какой-то имамъ*) и скривается въ чеченскихъ аулахъ по Шаро-Аргуну, что, наконецъ, войска готовятся къ выступленію въ разные пункты для предупрежденія возстанія. Зная по опыту, какъ мало правды во всѣхъ подобныхъ слухахъ, какъ зачастую распускаются такіе и подобные слухи или просто отъ нечего дѣлать, или изъ желанія запугать, не допустить постороннее око въ сокровенные уголки, мы не придали имъ никакого значенія и ни разу не пожалѣли объ этомъ впослѣдствіи. Отъ укрѣпленія Ведено до самаго озера Кезеной-амъ идетъ широкая колесная дорога, проложенная еще въ 1871 году, во время проѣзда Государя Александра II-го на озеро, отчего и названа мѣстными жителями царской дорогой. Извиваясь между купами тамъ и сямъ уцѣлѣвшихъ деревьевъ и цѣлаго зеленаго моря кукурузныхъ полей, дорога сначала бѣжитъ по черноземно-глинистому грунту Веденской террасы, которая, широкой гладкой равниной протягиваясь еще версты на три, на четыре на югъ,

*) Имамъ—духовное лицо, человѣкъ съ богословскимъ образованіемъ.

постепенно съуживается и переходитъ въ ущелье извѣстное подъ именемъ Хорочоевскаго. Слѣва, по краю террасы, по склонамъ горъ довольно густыми насажденіями тянулись преимущественно буковые лѣса; справа, склоны хребтовъ и плато почти совершенно обнажены. По всхолмленнымъ пологимъ склонамъ, гдѣ нибудь на вершинѣ холма или на краю обрыва, одиноко, кудрявымъ шатромъ возвышалась то груша, то яблоня, иногда два три старыхъ развѣсистыхъ дерева на днѣ ложбины или на гребнѣ хребта. Всѣ свободныя отъ лѣсу мѣста или засѣяны подъ кукурузу, или превращены въ покосныя поляны. Это участки ближайшаго ичкеринскаго селенія Дышни-Веденъ. Вскорѣ показался и самый аулъ. Онъ пріютился на правомъ, пологомъ, обрывающимся къ рѣкѣ Хулхулау склонѣ, верстахъ въ двухъ отъ укрѣпленія и протягивается версты на полторы въ длину. По офиціальнымъ даннымъ въ Дышни-Веденѣ считается 255 дворовъ съ населеніемъ 1177 душъ обоего пола. По внѣшнему виду чеченскіе аулы, по крайней мѣрѣ въ Ичкеріи, производятъ лучше впечатлѣніе, нежели горныя осетинскія селенія, можетъ быть, потому, что ичкеринскія сакли турлучныя, снаружи гладко смазаны глиной и выглядятъ не такъ мрачно, хотя всё въ нихъ,—и плоскія крыши, нависшія надъ переднимъ фасадомъ, и крохотныя окна, вездѣ, впрочемъ, застекленныя, даже въ самыхъ отдаленныхъ углахъ горной Чечни, я въ кунацкой зажиточнаго чеченца окна со стеклами, и низенькія двери, и самый типъ построекъ чеченскихъ въ общемъ,—ничѣмъ не отличается отъ осетинскихъ. Аулъ Дышни-Веденъ*) въ 1877 г., въ самый критическій моментъ войны Россіи съ Турціей, возставшій, съ оружіемъ въ рукахъ, противъ, русской власти, былъ заслуженно наказанъ русскими войсками, уничтожившими его почти до основанія. Сознавшіе свою вину жители, вымоливъ у русскаго правительства прощеніе, явились на старое мѣсто, возстановили разоренныя сакли и занялись расчисткою въ лѣсахъ полянъ подъ пашни. Въ настоящее время дышневеденцы, какъ и другіе ихъ сосѣди ичкеринцы въ отношеніи земельнаго вопроса испытываютъ многія неудобства. Лѣсныя поляны, находясь въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, служатъ причиною безконечныхъ пирѣканій между населеніемъ и лѣснымъ вѣдомствомъ, которое охраняя поляны для зарощенія лѣсомъ, налагаетъ свое

*) Хроника возстанія 1877 года. Терскій сборникъ 1891 года.

запрещеніе на пользованіе ими. Вообще земельный вопросъ въ Чечнѣ, какъ и въ Осетіи, является самымъ больнымъ, самымъ чувствительнымъ вопросомъ для населенія, такъ сказать безконечною злобою дня, источникомъ всевозможныхъ столкновеній, недоразумѣній, даже смутъ... и коренится не въ нашихъ дняхъ, а въ глубинѣ вѣковъ, въ отдаленномъ прошломъ Чечни, неосвѣщенномъ ничѣмъ, кромѣ слабыхъ указаній въ устныхъ преданіяхъ самаго народа, и въ той сумятицѣ гражданскихъ и земельныхъ отношеній, какую внесла война, длившаяся нѣсколько десятковъ лѣтъ подърядъ. Въ Чечнѣ, представлявшей нѣкогда страну съ рѣдкимъ населеніемъ, чеченецъ бралъ и расчищалъ подъ свои угодія земли столько, сколько хотѣлъ, сколько ему въ данный моментъ надобилось, пользуясь единственнымъ правомъ, правомъ захвата, священнымъ въ глазахъ населенія и въ наши дни. Въ военное время, въ силу различныхъ военныхъ соооброженій, приходилось земли эти, отбирать у чеченцевъ, и иногда прочно осѣвшія селенія перемѣщать на другія мѣста, причемъ границы новыхъ мѣстъ поселенія не указывались ясно, вслѣдствіе чего между новыми поселенцами и сосѣдними возникали безконечные споры, раздоры, вникать въ которые не было ни времени, ни возможности и спорящихъ для успокоенія вновь переселяли. Заниматься серіозно хозяйтвомъ при такихъ условіяхъ естественно не было никакой возможности и чеченцы продолжали смотрѣть на свое хозяйство, какъ говорится спустя рукава, ведя его такъ, что-бы при новомъ вольномъ или невольномъ переселеніи терпѣть, какъ можно меньше убытку, восполняя недостатокъ средствъ для существованія грабежами и разбоями. Въ настоящее время, хотя и установленъ нѣкоторый порядокъ въ пользованіи землей, но до окончательнаго разрѣшенія вопроса, какъ мы увидимъ ниже, все еще очень далеко!..

Между тѣмъ сумрачный день становился все яснѣе и яснѣе. Кое где по ложбинамъ еще курился туманъ. Солнце, прорываясь сквозь густую пелену облаковъ, поднимало ихъ все выше и выше. Дорога подбѣжала къ самому берегу и по глинистому, хрещеватому грунту стала углубляться въ Хорочоевское ущелье, по лѣвому боку, приподнятому сажени на двѣ, обрывистому къ рѣкѣ Хулхулау, которая точно съ разбѣгу, широко разливается по руслу и, ударяясь о высунувшіяся съ берега для защиты дороги плотины, шумно отступаетъ вправо. Короткое въ длину,

просторное въ ширину Хорочоевское ущелье залегаетъ въ одной изъ складокъ южной гряды Черныхъ горъ: Чермой-лама и Гизгинъ-лама, среди невысокихъ хребтовъ съ пологими склонами, опушенными довольно густымъ смѣшаннымъ лѣсомъ, который у подошвы или переходитъ въ кустарникъ, или совсѣмъ исчезаетъ, и ярко-зеленые скаты, тамъ и сямъ разсѣченные бѣлыми известняковыми осыпями, круто сбѣгаетъ къ широкому дну, сплошь заваленному бѣлой галькой изъ известняковъ, т. е. тою самою породою, изъ которой сложены окружающія горы. Холмистыя вершины Чермой-лама и Гизгинъ-лама совершенно обнажены и представляютъ лучшіе въ Ичкеріи покосные луга и постбища. Въ настоящее время земли эти составляютъ собственность казны и арендуются ичкеринцами. Хорочоевское ущелье служитъ однимъ изъ ближайшихъ путей, по которому производятся торговыя сношенія, обмѣнъ продуктовъ между Дагестаномъ, Ичкеріей и вообще Чечней. Мы то и дѣло встрѣчали лезгинъ въ громадныхъ бараньихъ шапкахъ, сопровождавшихъ цѣлыя вереницы лошадей, нагруженныхъ то дагестанскими фруктами и бурками, то чеченской кукурузой, которая вывозится въ громадномъ количествѣ и почти исключительно одна питаетъ Дагестанъ. Кукуруза въ Чечнѣ главный продуктъ земледѣльческаго труда, единственный почти источникъ благосостоянія, къ которому направляются всѣ мирныя думы чеченца, тревоги, печали и воздыханія; онъ воспѣваетъ её въ своихъ мирныхъ пѣсняхъ, вводитъ въ пословицы:—„Безъ кунаковъ (друзей) домохозяинъ, что безъ кукурузнаго зерна мельница", гласитъ чеченская пословица.—По религіи чеченецъ магометанинъ, но такой же магометанинъ, какъ осетинъ христіанинъ, т. е. видитъ въ религіи одну внѣшнюю обрядовую сторону, совершенно не вникаетъ въ смыслъ и значеніе этихъ обрядовъ и далеко не проникнутъ сознаніемъ величія Бога и смиреніемъ предъ его всемогущей волей.

„Шолъ одинъ бѣдный чеченецъ по своему кукурузному полю", начинается одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ и любопытныхъ чеченскихъ разсказовъ, „шолъ и радовался: кукуруза уродилась у него прекрасная!—„Благодарю тебя, Господи, что послалъ мнѣ такой обильный урожай!"—возглашалъ онъ съ благодарностью, вознося глаза къ небу, и сталъ уже мечтать, какъ поправитъ свое хозяйство и заживетъ не хуже другихъ своихъ

сосѣдей.—„Да и почему-бы Богу не дать мнѣ такого урожая?“ уже совершенно ободренный мечтами спрашивалъ онъ себя: „развѣ я не аккуратно молюсь пять разъ въ день, не держу уразы (постовъ), не соблюдаю праздниковъ“?... И чѣмъ больше думалъ чеченецъ на эту тему, тѣмъ все больше и больше убѣждался, что почти безгрѣшенъ передъ Богомъ и что урожай посланъ ему вполнѣ по заслугамъ. Между тѣмъ на небѣ давно ужъ появилась туча и пока, погруженный въ свои размышленія чеченецъ дошолъ до противоположнаго конца кукурузнаго поля, туча разразилась грозою: грянулъ громъ, пошелъ сильный градъ и выбилъ всю кукурузу. Уцѣлѣлъ только одинъ стебель, подъ деревомъ. Чеченецъ пришолъ въ ярость, грозно взглянулъ на небо и крикнулъ: „ну, Богъ, цѣлься хорошенько и въ то, что уцѣлѣло подъ деревомъ“!

Какъ видно изъ этого краткаго разсказа, религіозное міровозрѣніе чеченеца не глубоко, не выходитъ изъ предѣловъ чисто внѣшняго представленія объ обязанностяхъ, налагаемыхъ религіей, а понятіе его о Богѣ далеко отъ того нравственнаго идеала, передъ которымъ даже въ несчасти смиряется духъ истинно вѣрующаго. Въ этомъ отношеніи чеченцы мало отличаются отъ язычниковъ.

У большого селенія Хорочой ущелье расширяется въ глубокую просторную котловину, замкнутую съ запада горою Хорочъ, а съ востока—Тюрья; съ юга же громаднымъ изумруднымъ горбомъ въ нее вдается сѣверный отрогъ Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта, извѣстный подъ именемъ Зарго. Хребтомъ Зарго Хорочоевское ущелье расчленяется на два: одно съ рѣкою Хулхулау отклоняется на юго-востокъ; зарывшись среди крутыхъ лѣсистыхъ береговъ, между хребтами Зарго и Тюрья, Хулхулау навсегда исчезаетъ съ нашего пути въ узкомъ и глубокомъ ущельи, составляющемъ бассейнъ ея истоковъ, по которому проходитъ вьючная тропа, соединяющая Дагестанъ съ Чечней, та самая ближайшая дорога, по которой направляется въ Дагестанъ чеченская кукуруза, и другое ущелье, слѣва, тоже глубокое и тѣсное, протягиваясь на юго-западъ, служитъ продолженіемъ только что пройденнаго нами Хорочоевскаго ущелья, по дну котораго струится тоже небольшая рѣченка, Хорочой, и вливаетъ свои быстрыя воды въ Хулхулау тутъ же у входа въ котловину. Вода—душа природы! гдѣ есть вода, гдѣ ея много, тамъ жизнь во всѣхъ ея

формахъ и проявленіяхъ сквозитъ изъ каждой щели матери земли. Вся котловина, обставленная невысокими и некрутыми горами, почти сплошь затянутыми то лѣсомъ, то густыми покосными травами или дерномъ, гдѣ нѣтъ ни единаго скалистаго или обрывистаго склона, гдѣ все тонетъ въ зелени обильной и разнообразной растительности, дышала такою свѣжестью, такимъ обиліемъ даровъ земныхъ, при которомъ, казалось, не могло быть мѣста человѣческимъ печалямъ; котловина какъ-бы самой природой предназначается для процвѣтанія человѣка въ довольствѣ, мирѣ и добрѣ. Однако, вглядываясь по ближе въ существованіе обитателей котловины, не трудно было убѣдиться, что ни процвѣтанія, ни довольства здѣсь нѣтъ. Приземистый аулъ Хорочой, раскинувшійся по обѣ стороны рѣкъ, съ его традиціонными саклями, которыя то сиротливо жались къ морщинистому откосу горы Хорочъ, то тонули среди небольшихъ участковъ, засѣянныхъ кукурузой и изрѣдка подъ тѣнью фруктовыхъ деревьевъ, являлся какимъ-то убогимъ, жалкимъ пятномъ на пышномъ лонѣ природы. Крохотные участки, засѣянные кукурузой—это весь земельный надѣлъ хорочоевца подъ пахату, такъ сказать, всѣ его надежды и упованія, ибо двѣ трети площади дна котловины, которой собственно и ограничивается владѣнія хорочоевскаго общества, негодны, представляя занесенныя галькой русла рѣкъ. На 156 дворовъ, съ населеніемъ 802 души, всего удобной земли у хорочоевцевъ 154 десятины, при чемъ подъ кукурузными полями всего 70 десятинъ. Естественно, что существовать при такомъ малоземельи было-бы немыслимо, если-бы не выручало хорочоевца скотоводство на прекрасныхъ пастбищныхъ лугахъ, преимущественно по склонамъ отрога Зарго. Но въ пользованіи этими пастбищами царитъ полный произволъ и безправіе. Съ давнихъ лѣтъ претендентами на пастбища являются ни одни ичкеринцы, но и андійцы-дагестанцы. Постоянные раздоры, смуты, столкновенія побудили правительство признать, въ 1863 году, пастбищныя горы казенною собственностью и распредѣлить между тѣми же обществами, не обозначая при этомъ границъ пользованія. Дѣло такимъ образомъ не улучшилось ни на іоту. Арендаторы вносятъ установленную плату въ казну, но по прежнему жестоко тѣснятъ другъ друга. Нерѣдко андійцы перегоняютъ свои стада на пастбища ичкеринскія безъ всякаго разрѣшенія и права; ичкеринцы также незаконно пользуются пастбищами, которыя андійцы счи-

тают своими и рѣдкое лѣто проходитъ безъ яростныхъ схватокъ между пастухами, иногда съ рѣзней и кровопролитіемъ, обоюдною местью въ послѣдствіи: поджогами, убійствами, т. е. цѣлою массою жертвъ и лишеній, легко устранимыхъ при болѣе точномъ опредѣленіи правъ и границъ пользованія. Такова внутренняя жизнь обитателей этого живописнаго уголка. Самая большая постройка въ аулѣ это мечеть, длинное четырехъ-угольное зданіе, сложенное изъ тесаннаго камня у подножья горы Хорочъ, по склону которой живописно извиваясь сбѣгаетъ быстрый ручей Чахчере, быстрая вода, какъ называютъ его хорочоевцы. По приглашенію нашего проводника мы зашли въ саклю его отца. Внутри чеченская сакля, или, вѣрнѣе, кунацкая такъ же гладко смазана глиной, какъ и снаружи, не исключая земляного пола. Изъ мебели чаще всего встрѣчается кровать деревянная и низенькія чеченскія скамейки; по стѣнамъ на полкахъ тщательно сложенныя постели, ковры, развѣшано оружіе: старые дѣдовскіе шашки, кинжалы, пистолеты. Кунацкая, куда проникаетъ посторонній глазъ, всегда у чеченцевъ чистая, опрятная; въ семейной же половинѣ, гдѣ живутъ дѣти и жены, царитъ грязь, копоть отъ примитивно построенныхъ каминовъ, недостатокъ свѣта и чистаго воздуха, т. е. тѣ-же самыя условія, при которыхъ родились, росли, развивались и жили ихъ прадѣды. Культура коснулась, по крайней мѣрѣ, горнаго чеченца чисто внѣшеней показной своей стороной. Въ умственномъ и нравственномъ отношеніи онъ еще мало ушелъ отъ своихъ прародителей и будетъ двигаться впередъ по мѣрѣ улучшенія его матеріальной и соціальной жизни, и особенно когда среди этого населенія явится школа, этотъ лучшій проводникъ для развитія благоденствія населенія во всѣхъ отношеніяхъ.

„Съ чеченцами, народомъ сильнымъ, живущимъ въ состояніи совершеннаго равенства, не признающимъ никакихъ между собою властей, а потому и зависимости, употребляю я единственное средство—терпѣніе" *), говоритъ генералъ Ермоловъ въ одномъ изъ своихъ писемъ съ театра войны. Въ современномъ состояніи чеченцевъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ является, конечно, не терпѣніе, а просвѣщеніе, особенно, принимая во вниманіе

*) Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Дубровина, т. 6-й.

горячую привязанность чеченцевъ къ родинѣ, съ которой они разстаются неохотно, тоскуютъ на чужбинѣ и такъ воспѣваютъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ *): „Бывало (на родинѣ) волкъ холодной ночью воетъ; мы думаемъ: онъ съ голоду воетъ; нѣтъ, онъ отъ стада оторвался, вотъ причина! Не походимъ-ли и мы на этого волка, оторванные отъ родныхъ могилъ? За что Богъ караетъ насъ, какъ судно, шедшее въ Мекку и разбитое бурей!"

По внутреннему своему складу чеченецъ спартанецъ, легко переноситъ нужду и всѣ возможныя лишенія, но до крайности гордъ и самолюбивъ. Въ этомъ отношеніи характеренъ одинъ чеченскій разсказъ:—„Грузинскій князь, хвастаясь своимъ богатствомъ и силою, сталъ смѣяться надъ простотой и бѣдностью чеченца. Чеченецъ выслушалъ его и гордо отвѣтилъ: „Въ жизни своей я ѣзжу только на иноходцахъ, ѣмъ пищу съ медомъ и на постели сплю съ дѣвицей". „Что это значитъ"? спросилъ грузинскій князь. „А вотъ что", отвѣтилъ чеченецъ: „Я чаще всего хожу пѣшкомъ, на лошадь сажусь, когда устану, ѣмъ пищу, когда голоденъ и рѣдко имѣю свиданіе съ женой".

Какъ всѣ азіатскіе народы, чеченцы гостепріимны, съ величайшимъ радушіемъ встрѣчаютъ гостей.—Въ аулѣ Хорочой, между прочимъ, мы пробовали медъ изъ пасеки домохозяина. На видъ онъ очень прозраченъ, необыкновенно душистъ и пріятенъ на вкусъ. Подъ навѣсомъ сакли стояло нѣсколько ульевъ мѣстнаго изготовленія. Это не больше, не меньше, какъ плетеныя изъ прутьевъ корзины конусообразной формы, смазанныя снаружи глиной.

Отъ аула Хорочой, извиваясь по склону отрога Зарго, дорога круто поднимается вверхъ живописными зигзагами версты въ три или четыре, точно бѣлая змѣйка между пышною зеленью травъ и небольшихъ порослей кустарниковъ: ивы, ольхи и др. Каждый поворотъ открывалъ намъ все шире и шире видъ на Хорочоевское ущелье, арену смутъ въ прошломъ о чемъ свидѣтельствуютъ народныя ичкеринскія преданія. Волна великихъ народныхъ передвиженій и бурныхъ массовыхъ смутъ, двигаясь въ Европу черезъ Кавказскій перешеекъ, это русло, по-которому вливались въ Европу азіатскіе народные потоки, оставляла повсюду слѣды въ духовномъ творчествѣ коренныхъ обита-

*) Сборникъ свѣдѣній о Терекой области. Выпукъ I. 1878 годъ.

телей. Подобные слѣды мы находимъ въ устныхъ преданіяхъ ичкеринцевъ и вообще чеченцевъ. Такъ, въ однихъ ичкеринскихъ преданіяхъ упоминается имя Чингизъ-хана, который съ разношерстной толпою своихъ наемныхъ и побѣжденныхъ, съ огнемъ и мечемъ прошелъ Дагестанъ, Ичкерію, Аргунскій округъ и вообще Чечню, воздвигая по пути башни, для обезпеченія за собой покоренныхъ странъ, и курганы (могилы) павшимъ въ бою своимъ собратіямъ; въ другихъ—о Мамаѣ, человѣкѣ въ высшей степени честолюбивомъ, который преслѣдовалъ исключительно завоевательныя цѣли и наводилъ ужасъ своею алчностью и жестокостью. Онъ занялъ построенныя Чингизъ-ханомъ башни, покорилъ осѣвшія остатки его ордъ и оставляя надъ побѣжденными своихъ управителей, хановъ, обагрилъ Ичкерію новою кровью. Чингизъхановы башни, конечно, давно исчезли съ лица ичкеринскихъ земель, но на мѣсто нихъ выростали новыя, свидѣтельствовавшія о новыхъ народныхъ смятеніяхъ. Къ числу послѣднихъ относится Хорочоевская башня, уныло торчащая среди безбрежнаго моря зелени, верстахъ въ двухъ отъ селенія Хорочой. Кто её построилъ и въ какое время—не извѣстно. Стоитъ она на краю обрывистаго выступа горы Цызербѳ въ видѣ четырехугольной пирамиды, слегка пошатнувшись надъ рѣкой, точно всматривается въ пропасть, куда буйные вѣтры, время и непогоды ссыпаютъ ея старческія кости, стоитъ ни годъ, ни два, а многіе десятки лѣтъ на память потомству о томъ, что у предковъ ихъ были враги, а какіе и когда неизвѣстно. Съ этой башней связываютъ такую легенду: очень давно въ Хорочоевскомъ ущельѣ жила сильная фамилія Эрбый, состоящая изъ семи братьевъ и матери Эртель-Эмиль, необыкновенной красавицы. Братья были очень горды и, что-бы укрѣпить могущество и силу своей фамиліи, построили высокую башню. Въ башнѣ они спрятали живую воду, которую съ великимъ трудомъ и опасностями добыли, разсчитывая напиться и продлить свой вѣкъ до дня воскресенія изъ мертвыхъ. Не зная, что это за вода, мать, въ отсутствіе сыновей, напилась сама, вымыла бѣлье, а помои вылила на дворъ. На дворѣ ходили пѣтухъ и барашекъ, увидѣли помои и тоже напились. Вернулись братья, а живой воды нѣтъ. Спрашиваютъ мать, та отвѣтила, что воду всю потратила. Разсердились братья, бросили мать, родительскій домъ и пошли бродить по свѣту. Разъ идутъ они и видятъ, что громадный змѣй поѣдаетъ скотину и людей. Жаль

стало братьямъ несчастныхъ людей. Безстрашные и сильные они вступили съ змѣемъ въ борьбу. Долго не уступалъ имъ змѣй, но наконецъ не выдержалъ и обратился въ бѣгство. Ползетъ змѣй, подъ нимъ земля проваливается, а братья за нимъ и преслѣдовали его до тѣхъ поръ, пока не настигли и не отрубили ему голову. По пути змѣя образовалась балка, по которой нынче течетъ рѣка Сунжа. Братья пошли дальше, но гдѣ поселились не извѣстно. Мать же ихъ, красавица Эртель-Эмиль, говорятъ, до сихъ поръ жива, ходитъ съ пѣтухомъ и барашкомъ по свѣту и разыскиваетъ своихъ безвѣсти пропавшихъ сыновей... Вотъ все, что мы узнали о происхожденіи Хорочоевской башни.

Погода окончательно разъяснилась. На блѣдно-голубомъ небѣ яркимъ заревомъ горѣло солнце, но не грѣло, а парило влажную землю; кое гдѣ бродили странницы тучки, но тумана уже не было. Дорога все круче и круче подымалась въ гору. Лошадь шажкомъ еле тащила тяжелыя дроги, безпрестанно останавливалась, тяжело дышала и фыркала. Мы шли пѣшкомъ. Впереди среди изгибовъ и извилинъ надъ нами показалось каменное зданіе, казарма, выстроенная для рабочихъ, подъ наблюденіемъ которыхъ находится царская дорога. Старый дряхлый чеченецъ вышелъ къ намъ на встрѣчу изъ казармы и шамкая беззубымъ ртомъ пролепеталъ какое то привѣтствіе. Мы попросили у него воды и подъ тѣнью зданія, на краю дороги, сдѣлали короткій привалъ. Передъ нами открывался весь горизонтъ. На сѣверѣ изумруднымъ ковромъ разстилалась знакомая намъ Веденская терраса и едва примѣтно возвышалась крѣпость; вдали темнѣли ичкеринскіе аулы: Эрсиной, Курчалой. Съ востока и запада во всемъ своемъ великолѣпіи выступали Черныя горы съ скалистыми отдѣльностями въ вышинѣ; внизу подъ нами справа, среди лѣсной чащи темнѣло глубокое и тѣсное въ этомъ мѣстѣ Хорочоевское ущелье и тихо журчала рѣченка Хорочой. Только на югѣ, куда собственно лежалъ нашъ путь, за хребтомъ Зарго пока не было видно ничего кромѣ пышныхъ покосныхъ травъ, усѣянныхъ цвѣтами на крутыхъ склонахъ. Отъ казармы, извиваясь зигзагами еще верстъ пять, шесть среди скалистыхъ склоновъ, задрапированныхъ то папортниками, то кустами бѣлаго и розоваго шиповника, малины или просто субальпійскими травами, дорога сворачиваетъ въ Хорочоевское ущелье и по правому боку его бѣжитъ до самаго Керикетскаго перевала, все время высоко надъ рѣкой. Здѣсь

передъ нами выступила цѣлая семья новыхъ еще невиданныхъ горъ. На югѣ, въ видѣ громадныхъ уваловъ, расчлененныхъ неглубокими балками, въ первый разъ выступилъ передъ нами Керикетскій хребетъ, которымъ собственно отдѣляется Дагестанъ отъ Ичкеріи. Справа, круто сбѣгая къ ущелью, возвышались три горы: Мухандукъ, Рыгынкъ и Дзагани. На всемъ протяженіи, куда хваталъ глазъ не виднѣлось ни единой скалы, ни одного обривистаго склона: всѣ горы представляютъ одинъ сплошной лугъ, задернутый субъальпійскими и альпійскими травами до самыхъ вершинъ, гдѣ только изрѣдка выступали бѣлыя известняковыя обнаженія. Тамъ и сямъ по склонамъ темнѣли коши (ночное пристанище овецъ), бродили пастухи съ стадами, но не видно было ни одного селенія, никакихъ признаковъ осѣдлаго пребыванія человѣка ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ. Очевидно всѣ эти горы издавна привлекали вниманіе человѣка исключительно своими прекрасными горными лугами, но обитаемы никогда не были. Становилось жарко. Солнце достигло зенита и цѣлымъ потокомъ горячихъ лучей обдавало беззащитную дорогу. Отъ рѣки время отъ времени дохнётъ прохладный вѣтерокъ, да тутъ же и замретъ точно въ истомѣ. И лошадь, и мы, и возница изнывали отъ жажды. Кругомъ ни капли воды, ни единаго ручейка не сбѣгало съ окружающихъ горъ. На днѣ ущелья тихо плескалась рѣка и этотъ плескъ, на подобіе монотонной колыбельной пѣсни, одиноко дрожалъ среди глубокой тишины и окружающаго безмолвія. Мы несказанно обрадовались, когда недоходя версты или двухъ до перевала наткнулись на цѣлую группу родниковъ, которые были тутъ же у самой дороги.

Керикетскій или, какъ его называютъ дагестанцы, перевалъ Хагалія, возвышается на 6993 фута надъ уровнемъ моря и представляетъ довольно ровную площадь, покатую къ югу. Среди пышной зелени травъ и цвѣтовъ на вершинѣ перевала возвышается пирамида, сложенная изъ камня въ память проѣзда Государя Александра II въ 1871 году. Но ни цвѣты и зелень останавливаютъ здѣсь вниманіе наблюдателя. Передъ изумленными взорами путешественника открывается картина, рѣдкая по красотѣ даже на Кавказѣ, съ которой могутъ сравниться развѣ только виды живописной Швейцаріи! Впереди цѣлая группа горъ, угрюмо надвигаясь одна на другую выступами и остроконечными мысами въ видѣ кольца, расчлененнаго съ сѣвера, огибаютъ глубокую котловину, на днѣ которой, на высотѣ 5978 футовъ, залегаетъ одно изъ крупныхъ горныхъ альпійскихъ озеръ Сѣвернаго Кавказа, озеро Кезеной-амъ. Сквозь густыя тучи надъ котловиной тамъ и сямъ прорывалось солнце, озаряя гладкую, зеркальную поверхность обширнаго водоема между обрывистыми, прихотливо-извилистыми берегами. Съ Керикета мы видѣли сѣверную часть озера, ту часть, которая большимъ заливомъ живописно вдается въ Алхарскую долину у подошвы скалистой, почти совершенно лишонной растительности громадной горы Кашкеръ-ламъ, замыкающей озеро съ запада; по склону ея надъ озеромъ, извиваясь между выступами и промоинами далеко, далеко бѣжитъ Царская дорога и какъ-то вдругъ обрывается за поворотомъ. Съ сѣвера озеро совершенно открыто. Низкіе бугристые берега едва сдерживаютъ въ этомъ мѣстѣ озеро. Въ весеннее половодіе избыткомъ воды оно заливаетъ не только берега, но часть Алхарской долины, на что указываютъ небольшія болотца въ низменныхъ мѣстахъ и ярко-зеленыя пышныя болотныя травы. Съ юга отлогимъ конусомъ съ промытыми и изрытыми водою боками, обрывистыми ко дну котловины, возвышается гора Шимерой, невысокимъ холмистымъ отрогомъ замыкающая озеро и съ запада, гдѣ на горизонтѣ въ видѣ высокого плоскогорія надвигается часть Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта съ вершиною Абдалъ-Забузалъ. Суровый, безжизненный ландшафтъ, какъ-бы самой природой предназначенъ, для того, что-бы рѣзче рельефнѣе оттѣнить всю оригинальную прелесть горнаго озера, безпечно притаившагося подъ защитой угрюмыхъ сторожей скалъ, коварно скрывая слѣды и тайну своего происхожденія подъ гладкой, серебристой поверхностью, на днѣ. Издали оно производитъ странное, необычайное впечатлѣніе, какого-то таинственнаго, неуловимаго каприза природы! Только всесильная природа можетъ создать такія условія, при которыхъ сдерживается громадная масса воды на высотѣ почти шести тысячъ футовъ! Окидывая взоромъ окрестность, нельзя не замѣтить, что въ жизни озера со дня его образованія произошло много и значительныхъ перемѣнъ. Прежде всего оно уменьшилось въ своихъ размѣрахъ. Живописная долина Алхаръ, протягиваясь верстъ на пять, на шесть къ сѣверо-западу, между хребтами Керикетскимъ и Кашкеръ-ламомъ, въ настоящее время тонетъ въ яркой зелени покосныхъ травъ, а нѣкогда представляло дно того же

озера Кезеной-амъ, нынѣче усохшаго до настоящаго своего уровня. Небольшая, прозрачная и быстрая рѣчка Эхки, берущая начало изъ узла, соединяющаго Керикетъ съ Кашкеръ-ламомъ, разсѣкаетъ долину во всю длину и впадаетъ въ сѣверный рукавъ озера, служа однимъ изъ источниковъ его питанія. Долина Алхаръ представляетъ лучшія сѣнокосныя угодія и нѣкогда всецѣло принадлежала Шамилю. Въ настоящее время частью представляетъ казенную собственность и арендуется Чаберлоевцами, частью входитъ въ земельныя угодія андійцевъ-дагестанцевъ. Съ Керикетскаго перевала дорога крутыми короткими зигзагами наподобіе винта сбѣгаетъ на дно долины къ топкому и болотистому устью рѣки Эхки. Нѣкогда здѣсь, на берегу сѣвернаго рукава озера Кезеной-амъ, подъ охраной и покровительствомъ Шамиля существовало русское поселеніе изъ бѣглыхъ солдатъ. Солдаты занимались изготовленіемъ пороха, патроновъ и получали все необходимое для своего существованія отъ жителей ближайшихъ чеченскихъ селеній. Въ настоящее время, кромѣ нѣсколькихъ кутановъ (овчарниковъ) Алхарская долина не имѣетъ никакихъ слѣдовъ осѣдлаго пребыванія человѣка.

Переѣзжавъ долину поперекъ между рукавами, топями и, наконецъ, бродомъ черезъ самую рѣчку Эхки, дорога вновь стала ползти въ гору по склону Кашкеръ-лама надъ самымъ озеромъ. Изумрудныя воды его, какъ взоръ скорбящей красавицы, глубоки, темны, не прозрачны. Говорятъ, глубина озера такъ велика, что до настоящаго времени никакими снарядами не удалось достать дна его. За то въ блестящей поверхности отражалось небо, солнце, даже странницы тучки, окружающія горы, все, какъ въ зеркалѣ!... Небольшой вѣтерокъ время отъ времени будилъ сонную поверхность воды, вздымая легкія волны, которыя ударяясь о берега, оглашали окрестность то плескомъ, то тихимъ прибоемъ. На мѣстахъ прибоя клубилась бѣлая пѣна. Еще два, три поворота и все озеро версты въ три, въ три съ половиной длиною и съ версту шириною открылось, какъ на ладони. Вблизи озеро поражаетъ не только своей величиной, изумруднымъ цвѣтомъ зеркальной поверхности, но главнымъ образомъ прихотливымъ очертаніемъ береговъ, крутыхъ, обрывистыхъ, которые остроконечными и тупыми мысами, длинными косами или просто скалистыми выступами, въ поразительномъ соотвѣтствіи съ востока, запада и юга вдаются въ озеро, образуя большіе и малые

заливы и множество бухтъ. Въ собственномъ смыслѣ озеро состоитъ изъ трехъ громадныхъ заливовъ: сѣвернаго, который вдается въ Алхарскую долину; восточнаго, омывающаго низменные берега не менѣе живописной и красивой долины Каухи, залегающей въ складкахъ горъ Азалъ и Цацакой, съ рѣчкой того же имени, которая впадаетъ въ восточный заливъ, и самаго большого залива, западнаго, между Кашкер-ламомъ и Шимероемъ. На западѣ озеро далеко отступаетъ отъ обрывистаго склона, обнажая береговую полосу, заваленную обломками скалъ, занесенную иломъ и разрушенными породами известняковъ. Соотвѣтствіе въ расположеніи мысовъ и выступовъ до нѣкоторой степени проливаетъ свѣтъ на образованіе котловины и самаго озера. Несомнѣнно, горы, замыкающія озеро, нѣкогда представляли одинъ нераздѣльный хребетъ, который подъ вліяніемъ могучихъ дѣятелей природы—воды, воздуха и времени—постепенно поддавался процессу разрушенія, завершившимуся грандіознымъ проваломъ, заполненнымъ водою. Подобное чисто научное объясненіе близко сходится съ довольно распространенной среди чеченцевъ легендой объ образованіи озера.—„На мѣстѣ нынѣшняго озера", разсказываютъ чеченцы, „нѣкогда былъ большой аулъ Кезеной. Жители аула позабыли Бога и обычаи, завѣщанные предками. Разъ спустился съ неба ангелъ и въ видѣ странника обошолъ всѣ сакли, прося пріюта и пищи. Кезеноевцы не только не приняли и не накормили странника, но чуть было не затравили его собаками. Зашелъ странникъ въ послѣднюю саклю на самомъ краю селенія, къ одной бѣдной вдовѣ. Вдова очень обрадовалась гостю, чѣмъ могла накормила и уложила отдыхать на своей постели. На утро странникъ открылъ вдовѣ, что онъ не простой человѣкъ, а ангелъ, посланный Богомъ испытать кезеноевцевъ. „Кезеноевцы народъ злой и испорченный и за это Богъ жестоко накажетъ ихъ: земля разверзнется и поглотитъ селеніе со всѣми жителями; впослѣдствіи здѣсь образуется глубокое озеро и будетъ существовать вѣчно", сказалъ ангелъ и, предупредивъ вдову, что-бы она поскорѣе собрала свое имущество и переселилась на ближайшую гору, исчезъ. Едва бѣдная вдова успѣла покинуть селеніе, какъ земля дѣйствительно разверзлась и аулъ провалился, а на мѣсто него образовалось глубокое озеро, которое въ память погибшаго селенія окрестные жители назвали Кезеной-амъ.

Въ озерѣ въ громадномъ количествѣ водится рыба, исклю-

чительно форель, отчего русскіе поселенцы называютъ его „Форельнымъ“ озеромъ. Самый удачный ловъ бываетъ зимою. По словамъ нашего возницы зимою ему удавалось вывозить пудовъ по десяти и пятнадцати крупной форели. Вмѣстѣ съ рыбой въ сѣтяхъ очень часто попадаются обломки сосновыхъ деревьевъ, что даетъ поводъ темному люду къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Вблизи окружающія горы выглядятъ менѣе безжизненными, чѣмъ издали. Печальныя обнаженія, скалы, осыпи оживляются зелеными лужайками, пятнами, засѣянными то пшеницей, то ячменемъ, по склонамъ и лощинамъ, одиноко или небольшими группами жмутся чахлыя сосны, поросли березняка. Присутствіе сосны на скалахъ дѣлаетъ вѣроятнымъ разсказы жителей, что на днѣ озера погребенъ сосновый лѣсъ. Очень возможно, что до провала горы были покрыты сосновымъ лѣсомъ, часть котораго вмѣстѣ съ разрушенными породами устилаетъ дно озера и служа доказательствомъ, что провалъ совершился не до нынѣ, служа доказательствомъ, что провалъ совершился не очень давно, на столько недавно, что деревья не успѣли еще совершенно разрушиться, по всей вѣроятности, на глазахъ современныхъ обитателей Ичкеріи и Чаберлоя—чеченцевъ, на что указываетъ легенда и чисто чеченское названіе озера Кезеной-амъ.

Вдали показалась караулка инженернаго вѣдомства, небольшое каменное зданіе на гребнѣ плоскаго отрога, который въ видѣ порога отдѣляетъ озеро отъ сосѣдней глубокой балки на западѣ. Вокругъ не видиѣлось ни одного селенія. Два, три кутана на склонѣ Кашкеръ-лама свидѣтельствовали о временномъ пребываніи здѣсь человѣка въ лѣтнюю пору, когда стада выгоняются на горныя пастбища.—Между тѣмъ вечерѣло. На западѣ краснымъ заревомъ догорало солнце, окрашивая и небо, и воду, и горы розоватымъ свѣтомъ заката. Вѣтеръ усилился. Озеро помутнѣло, вздулось, вспѣнилось и дико, необузданно начало биться въ своей каменной клеткѣ, точно собиралось выйти изъ береговъ и поглотить въ своей бездонной глубинѣ пріунывшую окрестность. Громадные валы, догоняя другъ друга то съ шумомъ захлестывали низменные берега, то вдругъ отступали и набѣгая на скалы разбивались, обдавая брызгами крутые склоны противуположнаго берега до самой дороги. Оглушительный плесекъ воды, вмѣстѣ съ завываніями порывистаго вѣтра, точно стономъ, наполняли воздухъ. Подгоняемые вѣтромъ мы быстро спустились внизъ. У караулки насъ дожидалъ проводникъ Малочи чеченецъ-чаберлое-

вецъ и поздоровался съ такимъ радушіемъ, точно много лѣтъ знакомъ былъ съ нами. Въ караулкѣ рѣшено было переночевать, что-бы на слѣдующій день раннимъ утромъ начать путешествіе пѣшкомъ по Чаберлою. Пріютились мы въ довольно просторной комнатѣ съ нарами, кое какой мебелью, со всѣми принадлежностями для невзыскательнаго русскаго путешественника, даже съ самоваромъ. Старшина ближайшаго селенія Хой, Ахбулатъ, небольшого роста юркій, подвижной старикъ, типичный чеченецъ, отдалъ приказаніе наловить форели. Черезъ какой нибудь часъ, обычная на каждой остановкѣ суета, угомонилась и окруженные любопытными, которыхъ, Богъ знаетъ откуда, набралось чуть ни съ цѣлый десятокъ, мы сидѣли за самоваромъ. Чаберлоевцы народъ рослый, хорошо сложенный, нѣсколько сухощавый, съ открытой, пріятной физіономіей, по типу, пожалуй, очень близкой къ русской, но съ суровымъ проницательнымъ взглядомъ темныхъ глазъ.

Начались обычные разспросы: куда идемъ и зачемъ идемъ? Одного никто и никакъ не могъ понять, зачѣмъ можетъ пуститься въ такое дальнее путешествіе женщина, да еще пѣшкомъ. Этотъ вопросъ занималъ рѣшительно всѣхъ и малыхъ, и старыхъ, пока наконецъ, посвоему, не былъ разрѣшонъ Ахбулатомъ, хоевскимъ старшиною. „У насъ, у чеченцевъ, есть поговорка: стоячая вода скоро тухнетъ, лежачій каменъ—покрывается мхомъ, а человѣкъ, когда долго сидитъ на одномъ мѣстѣ—рано старится. Ты не хочешь состариться, вотъ и ходишь по горамъ!“ добродушно замѣтилъ онъ къ общему удовольствію окружающихъ, повидимому совершенно удовлетворенныхъ такимъ объясненіемъ.

II.

На слѣдующее утро по прежнему дулъ вѣтеръ; по прежнему трепетало и билось о скалы озеро, но небо было ясное, безоблачное, предвѣщая ясный солнечный день. Хоевскій старшина уже былъ у караулки, такъ сказать, на высотѣ своего призванія, суетился, бѣгалъ и придерживаясь чеченской пословицы, „некованный конь къ горной ѣздѣ не годенъ“, нѣсколько разъ внимательно осмотрѣлъ копыта лошади, сѣдло, отдавалъ какія то приказанія, что-то искалъ, кого-то бранилъ, словомъ всѣми силами старался обнаружить полную готовность оказать намъ все-

возможныя содѣйствія, даже такія, которыя совершенно не требовались, напримѣръ, рыбный завтракъ въ шесть часовъ утра [redacted] своими неотступными просьбами непремѣнно откушать, [redacted]. въ сущности, гораздо больше мѣшалъ, нежели содѣйствовалъ. Подъ свистъ вѣтра и плескъ взволнованнаго озера, Малочи навьючилъ лошадь и мы двинулись въ путь.

Чаберлоемъ называется та часть горной Чечни, которая непосредственно примыкаетъ съ юга къ западной части центральной Ичкеріи. Естественной границей между Чаберлоемъ и Ичкеріей служитъ южная гряда Черныхъ горъ, именно Керикетскія и Чаберлоевскія горы. По характеру территоріи Чаберлой раздѣляется на верхній и нижній, а по положенію той и другой части на восточный и западный. Верхній Чаберлой (восточный) занимаетъ обширную, высокоприподнятую, въ среднемъ до 5000 ф. надъ ур. м., котловину, обрамленную: съ сѣвера упомянутыми горами, Керикетскими и Чаберлоевскими, составными частями южной гряды Черныхъ горъ, съ юга—второй передовой цѣпью Кавказскаго хребта, извѣстной подъ именемъ Скалистыхъ горъ на протяженіи отъ горы Босхой-ламъ (8498 ф. надъ ур. м.), до горы Азалъ (8435 ф. надъ ур. м.), съ господствующей вершиной Абдалъ-Забузалъ (8540 ф. надъ ур. м.), съ востока и запада – поперечными отрогами, идущими къ сѣверу отъ горы Босхой-ламъ и Азалъ, которыми южная гряда Черныхъ горъ связывается съ Скалистыми. Замкнутая такимъ образомъ котловина представляетъ двѣ террасы: восточную и западную. Восточная терраса съ озеромъ Кезеней-амъ въ сѣверной части, гдѣ мы находились, выше по положенію и совершенно лишена населенія. Все дно ея изрыто и разсѣчено глубокими балками, оврагами, промоинами и почти нацѣло выполнено крутыми и пологими то глинистыми, то скалистыми склонами обрамляющихъ высокихъ горъ. Всѣ воды, орошающія верхній Чаберлой, стекаютъ на дно котловины и сливаются, собственно говоря, въ одну рѣчку, верховье которой извѣстно подъ именемъ Ахкете, а среднее и нижнее теченіе подъ названіемъ селеній, расположенныхъ по ней. Ахкете протекаетъ по дну котловины съ сѣверо-востока на югъ и, разсѣкая цѣпь Скалистыхъ горъ, образуетъ тѣсное Ансадоевское ущелье, южнѣе котораго Ахкете уже въ Дагестанской области вливается въ рѣку Андійское-койсу. Главный притокъ Ахкете, Карганъ, течетъ въ направленіи съ сѣвера на югъ. Кромѣ названной рѣки

котловина верхняго Чаберлоя въ юго-западномъ углу разсѣкается глубокой балкой Ахкъ-Келой, съ рѣчкой того-же имени, впадающей въ рѣку Ачехой—притокъ рѣки Шаро-Аргуна. Балка Ахкъ-Келой обрамляетъ на всемъ своемъ протяженіи подошву горы Босхой-ламъ. Въ общемъ обѣ рѣки съ ихъ мелкими притоками въ обычное время года мелководны; весною же во время таянія снѣговъ и въ дождливое осеннее время бурны, переполняются водой, за неимѣніемъ мостовъ мало или совсѣмъ недоступны и почти прерываютъ сообщеніе между селеніями. Въ противуположность Ичкеріи, верхній Чаберлой въ настоящее время почти совершенно лишонъ древесной растительности и поражаетъ своимъ угрюмымъ, суровымъ видомъ, который нѣсколько скрашивается и смягчается травянистой субъ-альпійской растительностью по склонамъ Скалистаго хребта отъ Босхой-лама до Азала, да почти сплошными посѣвами хлѣбовъ по самому дну котловины.

Вся площадь верхняго Чаберлоя, включая и самые склоны окружающихъ горъ, не привышаетъ 300, 400 квадратныхъ верстъ. Общее число населенія около 4500 душъ обоего пола. Оно сложилось изъ трехъ, четырехъ коренныхъ фамилій, каковы, напримѣръ, Макажоевская, Туидухоевская, Садоевская и др., и позднѣйшихъ переселенцевъ изъ Дагестана и другихъ мѣстъ. Все населеніе верхняго Чаберлоя группируется въ нѣсколько обществъ. Наиболѣе значительныя селенія: Хой, Макажой, Нижелой, Буни, Хиндой, Босхой, Садой, Цикорой и др. Главное занятіе жителей этихъ ауловъ—земледѣліе и скотоводство. Вообще говоря, естественныя условія страны далеко не благопріятствуютъ развитію экономическаго благосостоянія среди населенія. Достаточно указать, что верхній Чаберлой въ теченіи восьми мѣсяцевъ бываетъ закрытъ снѣгомъ, вслѣдствіе чего хлѣба очень часто не вызрѣваютъ, а скотоводство сильно страдаетъ отъ недостатка пастбищныхъ и сѣнокосныхъ угодій.

Относительно путей сообщенія нужно замѣтить, что въ верхнемъ Чаберлоѣ, хотя кромѣ Царской дороги, которая, разсѣкая восточную окраину территоріи, направляется собственно въ Дагестанъ, до настоящаго времени и нѣтъ колесныхъ дорогъ, но имѣются болѣе или менѣе сносныя и разработанныя вьючныя тропы. Одна изъ такихъ тропъ соединяетъ верхній Чаберлой съ Царской дорогой и нижнимъ Чаберлоемъ или вѣрнѣе—съ главнымъ пунктомъ горной Чечни, укрѣпленіемъ Шатоевскимъ, а дру-

гая, проложенная по Ансадоевскому ущелью, съ западнымъ Дагестаномъ. Въ административномъ отношеніи верхній Чаберлой входитъ въ составъ 7-го участка Грозненскаго округа.

Отъ караулки по пологому склону, закрытому густой пышной травой, мы спустились въ лощину, концомъ своимъ упирающуюся въ глубокую балку Анзукъ-чуэ, прорытую небольшой у верховьевъ рѣченкой Ахкете въ отрогахъ Абдалъ-Забузала и Кашкеръ-лама. У сліянія лощины съ балкой сочатся источники и быстрыми прозрачными потоками сбѣгають въ рѣчку. По словамъ мѣстныхъ жителей, источники вытекаютъ изъ озера Кезеной-амъ, но насколько это справедливо провѣрить намъ не удалось. Озеро отъ балки отдѣляется порогомъ саженъ въ сто шириною. Очень возможно, что вода, просачиваясь черезъ мягкія породы, имѣетъ источникомъ своимъ непосредственно озеро, но съ другой стороны нѣтъ никакого основанія не предположить существованія другого совершенно самостоятельнаго, но скрытаго резервуара, изъ котораго и вытекаютъ источники. Среди безжизненныхъ размытыхъ водою глинистыхъ склоновъ, какъ рѣдкое исключеніе тамъ и сямъ зеленѣли небольшія лужайки, поросшія короткимъ дерномъ. Въ глубинѣ балки на востокѣ возвышалась гора Гекачъ-ламъ съ небольшой сосновой рощицей, пріятно оживлявшая печальный ландшафтъ. Уцѣлѣвшая какимъ то чудомъ на склонѣ совершенно обнаженной горы сосновая роща напоминала оазисъ, какъ нельзя лучше подтверждая разсказы жителей о громадныхъ сосновыхъ лѣсахъ, которыми были закрыты не только окружающія озеро горы, но, можетъ быть, вся восточная терраса Чаберлоевской котловины, нынѣ почти несохранившая реальныхъ признаковъ присутствія древесной растительности.

На склонѣ Гекачъ-лама, надъ самымъ обрывомъ въ балку, въ ложбинѣ, темнѣлъ первый на нашемъ пути чаберлоевскій аулъ Хой. Среди группы сѣрыхъ, приземистыхъ саклей уныло торчали полуразрушенныя башни. Селеніе Хой состоитъ изъ 92 дворовъ, съ населеніемъ 473 души обоего пола. О земельныхъ угодіяхъ хоевцевъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній даже офиціальныхъ. По словамъ старшины, пахатныя поля ограничиваются склонами въ балку, гдѣ дѣйствительно тамъ и сямъ зеленѣли засѣянныя пашни. Изъ лощины тропинка, мѣстами размытая водой, мѣстами заваленная осовами глины, сбѣгаетъ на правый склонъ Кашкеръ-лама и такъ идетъ по косогору до самаго аула Кезеной. Рѣчка

Ахкете, зарывшись въ балки, отклонилась отъ нашего пути къ югу, гдѣ вдали плоско-вогнутыми буграми, закрытыми пышными покосными травами, возвышались отроги горы Абдалъ-Забузала.

Аулъ Кезеной, тотъ самый Кезеной, которому по легендѣ положила начало гостепріимная вдова, пріютился на утесѣ громаднаго выступа горы Кашкеръ-лама, извѣстнаго подъ именемъ Кезеной-ламъ, надъ самой дорогой и состоитъ изъ 7 дворовъ съ населеніемъ 33 души обоего пола. Сложенныя изъ сѣраго камня сакли почти сливаются съ сѣрымъ утесомъ, напоминая скорѣе птичьи гнѣзда, нежели человѣческія жилища. Отъ аула сбѣгаетъ внизъ крутая, узкая тропинка, по которой женщины таскаютъ на спинахъ воду и вообще доставляется все, необходимое для обитателей, вьюками или на собственныхъ плечахъ. Глядя на этотъ аулъ, какъ то безпріютно торчащій на утесѣ, гдѣ свободный вѣтеръ, бури и непогоды подтачиваютъ даже камни, куда вьючная лошадь съ трудомъ втаскиваетъ тяжести, невольно приходишь въ изумленіе передъ тѣми неудобствами, съ которыми можетъ примирить свое существованіе человѣкъ. По склону Казеной-лама небольшими участками разстилались пашни, все достояніе кезеноевцевъ, виднѣлось кладбище съ могилами отцовъ и дѣдовъ, глубоко чтимыхъ чеченцами, съ которыми они неразрывно связываютъ свое земное существованіе и оплакиваютъ разлуку на чужбинѣ. „Оторванные отъ родины, отъ родныхъ могилъ!“ непремѣнно двбавляетъ чеченецъ, слагая пѣсни на чужой сторонѣ. На могилахъ поставленныя стоймя печально возвышались каменныя плиты, традиціонные чеченскіе памятники. Слѣва среди зеленыхъ покосныхъ луговъ и пашенъ, у подошвы одного изъ отроговъ Абдалъ-Забузала, показался еще аулъ Ихорой.

— „Плохое житье ихороевцевъ!“ печально проговорилъ нашъ проводникъ, глядя на свой родной аулъ.

— „Отчего?“ полюбопытствовали мы.

— „Земли такъ мало, такъ мало, что пахать совсѣмъ негдѣ. Андийцы (дагестанцы) заняли все, почти до самаго аула“.

— „Значитъ и у андийцевъ тоже мало земли?“

— „Какъ сказать?“ смутился проводникъ. Знаешь, у насъ, у чеченцевъ, говорится: „владѣлецъ шести коровъ на чужое молоко не польстится. И у нихъ мало земли, и у насъ мало, но мы чужое не беремъ, а они силой отнимаютъ“.

Оказывается ихороевцы и андийцы такъ стѣснены въ поль-

зованіи земельными угодіями, что почти не могутъ обойтись безъ самовольныхъ захватовъ. Ежегодно между сосѣдями происходятъ кровопролитныя стычки съ перемѣнными счастьемъ. На этотъ разъ андійцы одолѣли ихороевцевъ и захватили часть ихъ земли въ свое пользованіе, но подчинившіеся силѣ обиженные ихороевцы ведутъ борьбу съ большимъ ожесточеніемъ, и можетъ быть, при счастіи, отобьютъ всѣ земли въ свое пользованіе будущей весной. И такъ изъ году въ годъ.

Такія и подобныя земельныя неурядицы, жалобы и сѣтованія на малоземелье преслѣдовали насъ всюду, по всему Чаберлою и дальше... Между тѣмъ тропинка, обогнувъ выступъ и балку за выступомъ, стала спускаться. Впереди открылась вся западная терраса Чаберлоевской котловины величиною въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ, сильно углубленная къ срединѣ и обставленная вышеназванными высокими горами. На всемъ пространствѣ, какъ говорится ни куста, ни задоринки: вся котловина открыта и совершенно безлѣсна вмѣстѣ съ окружающими горами. Среди волнистой глади на при[redacted] видиѣлись аулы: Верхній, Средній и Нижній Макажой, южнѣе-Тундухой, на западѣ Буни и т. д. Двѣ поперечныя балки Беахъ-Ветли, какъ называютъ ихъ чаберлоевцы, съ небольшими быстрыми потоками, сбѣгающими въ рѣчку Ахкете, разсѣкли намъ путь. Это естественныя границы, отдѣляющія владѣнія хоевцевъ, кезеноевцевъ и макажоевцевъ. Нѣкогда балки принадлежали Шамилю; во время войны онъ обратилъ ихъ въ войсковую собственность, распахивая подъ ячмень; въ настоящее время балки представляютъ спорныя покосныя угодія, изъ за которыхъ ежегодно происходятъ ссоры и столкновенія между хоевцами, кезеноевцами и макажоевцами.

Время клонилось къ полудню, когда, перейдя еще одну небольшую балку съ рѣченкой Чаари-ахкъ, мы стали приближаться къ Нижнему Макажою. Вдали показались еще два, три селенія на широкомъ пологомъ склонѣ: Уреой, Харкирой, Садой. Солнце не выносимо жгло. Залитая полуденнымъ сіяніемъ жаркаго лѣтняго дня, котловина со всѣми своими селеніями, горами, обожженными солнцемъ склонами производила впечатлѣніе какой-то безпріютности, гдѣ человѣку не предоставила природа никакой естественной защиты ни отъ стужи и вѣтра зимою, ни отъ зноя лѣтомъ, гдѣ все открыто, голо, беззащитно, куда не кинешь

взглядъ! Въ Макажоѣ насъ встрѣтилъ старшина по имени Чага высокій, стройный старикъ. Суровое изборожденное морщинами лицо его, казалось, не знало улыбки. Чага считается однимъ изъ почетныхъ людей Чаберлоя, горячій защитникъ общественныхъ интересовъ и правъ, участникъ многихъ стычекъ съ русскими, а въ послѣднее время съ андійцами изъ за Алхарской долины и другихъ спорныхъ земельныхъ угодій, о чемъ свидѣтельствовали глубокіе шрамы на лицѣ и головѣ старика. Онъ любезно пригласилъ насъ въ кунацкую по-чеченски, такъ какъ, къ великому нашему сожалѣнію, ни слова не зналъ по русски. Возможность укрыться отъ знойнаго солнца и горячаго вѣтра даже въ чеченской саклѣ доставила намъ истинное удовольствіе. Началось угощеніе традиціоннымъ кавказскимъ шашлыкомъ и другими кушаньями изъ баранины въ разныхъ видахъ.

Чаберлоевскія сакли за отсутствіемъ лѣса сложены изъ камня, чаще всего изъ извѣстняковъ, изнутри гладко смазаны глиной, какъ и ичкеринскія сакли. Въ кунацкой Чага, на первомъ планѣ, возвышалась громадная корзина, сплетенная изъ прутьевъ, „чда", мѣсто для храненія хлѣбныхъ зеренъ. Среди обычной обстановки и украшеній изъ оружія, на матицѣ висѣло нѣсколько копченыхъ бараньихъ курдюковъ, и ножницъ для стрижки овецъ.

Макажой одинъ изъ самыхъ большихъ чаберлоевскихъ ауловъ, имѣетъ нѣсколько отселковъ, разбросанныхъ на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга. По официальнымъ даннымъ всѣхъ дворовъ въ Макажоѣ 190, жителей до 1009 человѣкъ обоего пола. О земельныхъ угодіяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, но вообще, какъ и вездѣ въ Чаберлоѣ, у макажоевцевъ земли мало, такъ мало, что почти нѣтъ выгонныхъ полей и скотина пасется на крохотныхъ участкахъ, чуть ни на привязи. По обыкновенію, въ кунацкую набралось много народу. На первомъ планѣ, разряженныя въ яркіе шолковые бешметы, стояли двѣ дочери Чага, молоденькія дѣвушки. Онѣ весело улыбались и довольно бойко поглядывали на насъ, представляя замѣтный контрастъ съ дѣвушкой осетинкой, которая при постороннихъ людяхъ можетъ простоять цѣлый часъ, не поднимая глазъ.

Хотя до прохлады было еще далеко и солнце съ большимъ ожесточеніемъ продолжало палить, мы, отдохнувъ часа два, двинулись дальше. Компанія наша, состоящая изъ четырехъ человѣкъ, увеличилась. Вопервыхъ, Чага ни за что не хотѣлъ отпу-

стить насъ однихъ и, ведя лошадь въ поводу (чеченецъ старикъ рѣдко ходитъ пѣшкомъ), пошолъ за нами пѣшкомъ, и во вторыхъ— два макажоевца, отецъ (бывшій милиціонеръ) съ сыномъ, оба довольно порядочно говорящіе порусски, направляясь по своимъ дѣламъ въ селеніе Кери, также рѣшили сопровождать насъ. Отъ Макажоя, пересѣкая неглубокія балки и овраги, дорога нѣкоторое время идетъ между пашнями, затѣмъ развѣтвляется: одна по луговому скату направляется на западъ, мимо аула Цикаро въ тѣсное Ансадоевское ущелье; другая на югъ, на аулъ Буни, куда собственно и лежалъ нашъ путь. На перекресткѣ дороги одиноко возвышается памятникъ изъ тесаннаго, а, можетъ быть, сглаженнаго временемъ и непогодами камня, въ формѣ креста, съ изображеніемъ какихъ то круговъ съ крестами въ срединѣ. Кресты свидѣтельствуютъ о христіанскомъ происхожденіи памятника, но къ какому времени онъ относится, нѣтъ никакихъ указаній. По изысканіямъ московскаго археологическаго общества и нѣкоторымъ чеченскимъ преданіямъ, въ древности чеченцы были христіане, что подтверждается и реальными остатками христіанства, разсѣянными по всей горной Чечнѣ въ видѣ полуразрушенныхъ христіанскихъ церквей, часовенъ, каменныхъ крестовъ. Чеченскія преданія приписываютъ всѣ эти постройки грузинамъ, которые въ царствованіе царицы Тамары явились въ Чечню первыми миссіонерами и распространителями христіанства. Концомъ христіанскаго вліянія въ Чечнѣ можетъ считаться восемнадцатый вѣкъ и начало девятнадцатаго, когда на смѣну христіанству явилось магометанство и остается господствующей религіей до настоящаго времени. Современные чеченцы-чаберлоевцы приписываютъ одинъ изъ памятниковъ какому-то храброму предводителю Хвалчи Тундухою, который хитростью съ небольшимъ войскомъ обратилъ въ бѣгство громадныя полчища непріятелей. Ночью онъ велѣлъ засыпать дорогу кремневымъ щебнемъ и двинулся на непріятеля. Подъ копытами лошадей отъ кремней сыпались искры и поднялся такой стукъ, точно двигалось несмѣтное войско. Непріятель струсилъ и обратился въ бѣгство.

Неподалеку отъ впаденія небольшой рѣчки Каргаинъ въ р. Ахкете, которая отсюда носитъ уже другое названіе Анцалта, виднѣлся аулъ Тундухой. Рѣчка Каргаинъ течетъ каскадами по неровному дну въ глубокой трещинѣ среди отвѣсныхъ обнаженныхъ известняковыхъ склоновъ, вбирая по пути побочныя воды:

слѣва небольшую рѣченку Макажой-инъ, справа Тундухой-инъ. У впаденія послѣдней, на краю обрыва въ глубокую балку, возвышается полуразрушенная башня и виднѣются слѣды заброшеннаго селенія. „Это старый Тундухой!" объявили намъ наши спутники, „разрушенный Шамилемъ за непокорность". Жители заперлись въ башню и долго не сдавались. Шамиль разорилъ селеніе, разрушилъ башню, а непокорныхъ побросалъ въ пропасть. Уцѣлѣвшіе тундухоевцы покинули разоренный аулъ и поселились на новомъ мѣстѣ, на томъ самомъ, гдѣ мы застаемъ ихъ нынѣ. Въ Тундухоѣ всего 15 дворовъ съ населеніемъ 78 человѣкъ обоего пола.

Мы перешли мостъ, переброшенный черезъ рѣчку Каргаинъ и по засыпанной щебнемъ тропинкѣ, изнемогая отъ зноя, направились въ селеніе Буни. Воздухъ точно застылъ: ни вѣтерка, ни единаго свѣжаго дуновенія. Солнце жгло лицо, руки, даже ноги черезъ обувь. Трудность передвиженія пѣшкомъ, въ страшную жару нѣсколько смягчалась безконечными разсказами нашихъ спутниковъ, знакомившими насъ съ окружающею мѣстностью и бытомъ населяющихъ ее чеченцевъ, общественный бытъ и нравы которыхъ до настоящаго времени отличаются необыкновенной простотой и патріархальностью, напоминая первобытныя общества, до которыхъ цивилизація еще не коснулась. У нихъ нѣтъ и не было ни князей, ни рабовъ. Въ своемъ замкнутомъ кругу они образуютъ одинъ классъ людей вольныхъ. Въ Чечнѣ выдвигаетъ человѣка ни знатность происхожденія, ни богатство, а храбрость, ловкость, индивидуальная сила. Только это даетъ вѣсъ и значеніе личности среди общества. Матеріальная обезпеченность очень мало выдѣляетъ чеченца изъ общей массы. Кунацкая зажиточнаго чеченца почти ничѣмъ не отличается отъ кунацкой бѣдняка. Представитель многочисленной семьи, съ преобладающимъ мужскимъ элементомъ въ глазахъ чеченцевъ также пользуется большимъ почетомъ. „Отецъ семерыхъ сыновей—на сходѣ гордъ!" гласитъ чеченская пословица.

Селеніе Буни, куда направлялся нашъ теперь путь, по словамъ проводниковъ, есть макажоевскій отселокъ; жители его выселенцы изъ нынѣшняго Макажоя. Названіе Буни, по словамъ проводниковъ, дано по слѣдующему поводу. Очень давно по сосѣдству съ землями зельдоевцевъ поселились макажоевцы въ шалашахъ и стали тѣснить сосѣдей. Ни одно стадо зельдоевцевъ не могло прой-

ти, что-бы владѣльцы шалашай не напали и не отбили нѣсколько штукъ. Не имѣя возможности справиться собственными силами, эзельдоевцы обратились за помощью къ хунзахскому князю, которому въ то время всѣ обитатели Чаберлоя платили дань. Пріѣхалъ князь, а владѣльцы шалашей закололи быка, сварили его и цѣлымъ подали князю; наѣлся, напился князь и совершенно довольный уѣхалъ къ себѣ въ Хунзахъ. Думали эзельдоевцы, что дѣлать, бросили земли и переселились въ Харкарой, аулъ, существующій въ настоящее время на лѣвомъ берегу Анцалта, южнѣе Тундухоя. Владѣльцы шалашей только этого и ждали: завладѣли ихъ землями, вмѣсто шалашей построили дома, основавъ селеніе Буни (шалашъ). Такъ просто разрѣшались, будто бы, нѣкогда сложные земельные вопросы у чаберлоевцевъ.

Постоянныя войны и набѣги образовали въ Чаберлоѣ особый классъ личныхъ рабовъ изъ военно-плѣнныхъ, кулы (холопы), какъ называютъ ихъ чаберлоевцы. Кулы составляли неотъемлимую собственность своего господина, который могъ дѣлать съ нимъ что угодно: продавать, вымѣнивать иногда за семь аршинъ ситцу. Не смотря на такое безправное положеніе, рабство въ соціальномъ смыслѣ этого слова не считалось въ Чечнѣ позорнымъ. Отпущенный рабъ на волю поступалъ въ классъ вольныхъ людей и дѣлался равноправнымъ съ ними, хотя никогда не имѣлъ того значенія, какимъ пользовался коренной чеченецъ, такъ какъ былъ безроденъ, не имѣлъ фамиліи, обширнаго родства. Иногда такой волноотпущенникъ женился на свободной чеченкѣ и дѣлался членомъ ея семьи. Въ глазахъ свободнаго чеченца рабъ являлся представителемъ сословія низшаго въ чисто нравственномъ, моральномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ слѣдующій чеченскій разсказъ, записанный нами въ Чаберлоѣ со словъ нашихъ спутниковъ.

„Умирая, отецъ завѣщалъ своему сыну: не вести дружбы съ невольникомъ, не жениться на дочери невольника, не брать въ долгъ денегъ у вновь разбогатѣвшаго купца. Умеръ отецъ, а сынъ и думаетъ: нужно испытать, правъ-ли отецъ, оставляя мнѣ такое завѣщаніе—и завелъ дружбу съ холопомъ, женился на дочери холопа и занялъ денегъ у вновь разбогатѣвшаго купца. Разъ отправился онъ на охоту, убилъ оленя, притащилъ домой и зарылъ подъ поломъ сакли. Жены не было дома. Когда она вернулась онъ сказалъ ей, что случайно на охотѣ убилъ невольника и зарылъ во дворѣ. „Пожалуйста не разсказывай никому! Иначе мнѣ плохо будетъ". Жена поклялась, что никому не скажетъ. Въ это время у одного ближайшаго дагестанскаго князя пропалъ холопъ. Князь разыскивалъ его вездѣ и между прочимъ въ томъ селеніи, гдѣ жилъ этотъ чеченецъ. На бѣду послѣдній поссорился съ женой и даже прибилъ ее. Разсерженная жена не долго думая побѣжала къ братьямъ и разсказала, что мужъ убилъ княжескаго холопа и зарылъ у себя во дворѣ. Узналъ объ этомъ, князь не медленно арестовалъ чеченца и объявилъ, что платье и оружіе убійцы онъ отдастъ тому, кто согласится убить виновнаго. Первымъ явился невольникъ, тотъ самый, съ которымъ завелъ дружбу чеченецъ, и предложилъ свои услуги покончить съ пріятелемъ; купецъ же поторопился подать просьбу князю не лишать жизни виновнаго до тѣхъ поръ, пока онъ не взыщетъ своихъ денегъ. Тутъ только убѣдился чеченецъ горькимъ опытомъ въ справедливости отцовскаго завѣщанія, признался во всемъ князю и въ доказательство своей невинности велѣлъ отрыть убитаго имъ оленя. Князь немедленно освободилъ чеченца и даже въ знакъ вѣчной дружбы побратался съ нимъ".

Въ Чаберлоѣ отпущеннымъ на волю рабамъ отводились земли на мѣстѣ стараго кладбища, гдѣ бывшіе холопы построили селеніе Цикарой и по настоящее время называются кладбищенцами.

Не вдаваясь въ подробное описаніе всѣхъ смутъ, пережитыхъ чаберлоевской котловиной во время продолжительной войны русскихъ съ Шамилемъ, укажемъ только на 1877 годъ, когда простымъ броженіемъ, вызваннымъ, благодаря ложнымъ слухамъ, пущеннымъ кѣмъ-то о намѣреніи русскаго правительства вербовать чеченцевъ въ солдаты, воспользовался Алибекъ и въ качествѣ защитника и охранителя общечеченскихъ интересовъ вызвалъ сочувствіе среди чаберлоевскихъ обществъ, за что жители многихъ селеній верхняго Чаберлоя, какъ напр. Макажой, Буни, Садой и др. были наказаны русскими войсками.

Миновавъ нѣсколько не большихъ рѣчекъ, быстрымъ потокомъ въ каменистомъ руслѣ, сбѣгающихъ въ сѣверо-западномъ направленіи въ р. Каргаинъ, мы, наконецъ, стали подходить къ небольшому селенію Буни. Не доходя селенія бьютъ изъ подъ скалы источники; когда-то былъ здѣсь колодезъ, но онъ усохъ. Обиліе влаги здѣсь нѣсколько оживило мѣстность и охладило го-

рячій воздухъ. Солнце склонилось къ западу и косыми трепещущими лучами скользило по всхолмленной поверхности котловины. Селеніе Буни пріютилось на пологомъ склонѣ, не подалеку отъ подошвы Босхой-лама и состоитъ изъ 40 дворовъ съ населеніемъ 240 человѣкъ обоего пола. Въ Буни мы зашли всего на нѣсколько минутъ, такъ какъ намъ предстоялъ еще довольно длинный переходъ черезъ перевалъ Хиндой-ламъ въ селеніе Кери. Въ Буни съ нами простился Чага, передавъ свою роль бунискому старшинѣ, Хеги, тоже почетному въ Чаберлоѣ старику, который учавствовалъ во всѣхъ столкновеніяхъ Шамиля съ русскими и отличался упорною непокорностью.

Отъ Буни по холмообразнымъ уваламъ и невысокимъ пригоркамъ пышнымъ ковромъ разстилались субъальпійскіе луга въ полномъ цвѣту. Среди яркой зелени травъ виднѣлись бѣлые и розовые анемоны, разныхъ цвѣтовъ примулы, розовая и бѣлая ромашка и многіе другіе цвѣты выставляли свои разноцвѣтныя головки навстрѣчу заходящему солнцу, наполняя воздухъ благоуханіемъ. Два-три болотца во впадинахъ между холмами сверкали зеркальной поверхностью среди густой и высокой зелени кислыхъ злаковъ. Впереди по склону Босхой-лама, затканному изумрудомъ короткаго дерна, виднѣлись аулы: Верхній, Средній и Нижній Босхой; послѣдній пріютился на довольно плоской вершинѣ холма, круто, совершенно отвѣсной стѣной, обрывающагося въ глубокое ущелье Босхой-ахкъ, куда, собственно, и лежалъ теперь нашъ путь. Говорятъ нѣкогда съ обрыва съ высоты саженъ въ тридцать, сорокъ, спасаясь отъ преслѣдованія Шамиля, бросился внизъ одинъ чаберлоевецъ, имѣлъ силы подняться и скрыться въ кустахъ одной изъ боковыхъ балокъ, гдѣ впослѣдствіи его и нашли жители мертвымъ. Ущелье открывается какъ то неожиданно. Скорѣе отселокъ нежели селеніе, (Босхой нежний) состоитъ всего изъ 40 душъ населенія и шести дворовъ, которые живописно гнѣздятся почти по самому краю обрыва подъ защитой высокой полуразрушенной босхоевской башни на выступѣ. Видъ на ущелье сверху поражаетъ своей красотой. Прорытое шумной и бурной рѣченкой, которая соотвѣтственно мѣстности носитъ нѣсколько названій (у верховья—Хиндой-ахкъ, въ среднемъ теченіи—Босхой-ахкъ, а вся вмѣстѣ—Ахъ-Келой), оно протягивается съ юга на сѣверъ и сѣверо-западъ въ видѣ тѣсной, глубокой, извилистой трещины въ скалистыхъ складкахъ Хиндой и Босхой-лама и замыкается въ

глубинѣ на западѣ совершенно гладкими пологими скатами высокой горы Сорокой-ламъ (лучшіе чаберлоевскіе покосные луга). Известняковые скалы, утесы, выступы, нависшіе и торчащіе въ безпорядкѣ по склонамъ до самой подошвы, драпируютъ кустарниковыми порослями орѣшника, березняка, которыми живописно опушены прихотливо изломанные скалистые гребни хребтовъ, заваленное и занесенное известняковымъ выносомъ, обломками скалъ, неровное, изрытое водой дно ущелья.

Все наличное населеніе Босхоя Нижняго высыпало изъ саклей и сгруппировалось подлѣ насъ. Тутъ были и женщины въ довольно грязныхъ бешметахъ, подоткнутыхъ съ боковъ, въ широкихъ цвѣтныхъ шараварахъ, съ босыми ногами, полунагіе ребятишки, согбенные старики, старухи и даже цѣлый десятокъ собакъ, которыя отъ злости едва переживали наше присутствіе.

Отъ Босхоя до селенія Кери существуютъ два пути. Одна дорога, вьючная, идетъ въ обходъ на селеніе Бути Дагестанской области верстъ на семь, на восемь длиннѣе, другая кратчайшая вверхъ по ущелью Босхой-ахкъ, черезъ перевалъ Хиндой-ламъ. Отправивъ вьюки по дорогѣ на селеніе Бути, мы направились въ ущелье. Спускъ въ ущелье Босхой-ахкъ превзошолъ всѣ наши ожиданія. Это была ни дорога и не тропа, а крутая лѣстница саженъ въ сто вышиной по скаламъ, среди скалъ и подъ скалами. Каждый неосторожный поворотъ угрожалъ или сорваться на дно ущелья, или разбить голову о нависшій сверху камень. Не смотря на это на встѣчу намъ, задыхаясь подъ тяжестью, едва плелись съ мельницы двѣ женщины, чеченки, съ мѣшками муки за спиной. Потъ крупными каплями катилъ по истощеннымъ морщинистымъ лицамъ ихъ, а они имѣли еще силы улыбаться, прижимаясь впалою грудью къ скаламъ, что-бы дать намъ пройти... По дну ущелья мы шли безъ всякой дороги, напрямикъ, за Хеги, который, не смотря на наши просьбы сѣсть на лошадь, упорно шелъ пѣшкомъ, ссылаясь на то, что для него стараго чеченца, было-бы непростительнымъ срамомъ ѣхать верхомъ, когда гости, да еще такіе рѣдкіе, какъ русскіе въ Чаберлое, идутъ пѣшкомъ. Низенькія туземныя мельницы въ полномъ ходу, наклонившись надъ рѣчкой, оглашали воздухъ грохотомъ своихъ жернововъ. Тоскливыя вечернія тѣни легли по ущелью. Отъ рѣки потянуло сыростью. По камнямъ, мокрой травѣ, черезъ потоки и самую рѣчку мы не замѣтно стали подниматься

вверхъ по ущелью. У истоковъ рѣчка исчезла. Громадный обвалъ съ горы завалилъ дно ущелья и самую рѣчку, которая нѣсколько верстъ течетъ невидимкой подъ камнями. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ ущелье становилось шире, обрамляющія горы ниже, глаже, положе, кустарниковая растительность исчезла и замѣнилась пышными субъальпійскими травами и такъ вплоть до перевали Хиндой-ламъ. По пологимъ склонамъ на мягкой травѣ паслись стада, бродили пастухи. Завидивъ насъ они полюбопытствовали узнать куда мы идемъ и очень удивились, когда узнали о нашемъ намѣреніи спуститься въ Кери кратчайшимъ путемъ.

— „Говорятъ дорога очень плохая!" передалъ намъ Малочи бесѣду съ пастухами. Однако не возвращаться же было назадъ и мы пошли дальше. Вдали промелькнулъ еще аулъ Хиндой на одномъ изъ скалистыхъ отроговъ Хиндой-лама. Собственно подъемъ на Хиндой-ламъ по сѣверному склону, гдѣ мы шли, не представляетъ никакихъ затрудненій и опасностей, нѣсколько только длинный, идетъ все время по пологому склону, но утомленные длиннымъ переходомъ, мы едва доплелись до него только къ вечеру. Перевалъ представляетъ перемычку между скалами Хиндой и Босхой-лама на высотѣ 7 или 8 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Мы поражены были той глубиной, которая развезлась подъ нами съ перевала, зато картина открылась замѣчательная!

Совершенно полого вздымаясь съ сѣвера, Хиндой-ламъ террасами скалистыми вверху и совершенно гладкими ниже круто обрывается на югъ, обрамляя съ сѣвера короткое нѣсколько расширенное въ этомъ мѣстѣ Керинское ущелье, замкнутое съ юга сѣверными, отвѣсными склонами громадной горы Речало-кортъ и сосѣдней съ нею—Кери-ходаръ. На югѣ широкимъ устьемъ, въ видѣ скалистыхъ, обрывистыхъ воротъ, открывалось боковое ущелье рѣчки Чидири-ахкъ и терялось въ глубинѣ среди волнистыхъ скатовъ громадныхъ высотъ: Речала-кортъ и Куанхи-кортъ. Все Керинское ущелье съ окружающими горами и боковымъ ущельемъ тонуло въ великолѣпномъ хвойномъ лѣсу. Здѣсь мы впервые увидѣли сосну, не ту низкорослую, кривую и чахлую, которая небольшими порослями и въ одиночку встрѣчается повсюду на Сѣверномъ Кавказѣ, а настоящій россійскій высокоствольный сосновый лѣсъ, вперемежку съ стройной бѣлоствольной красавицей березой. Довольно сильно разрѣженный у подошвъ и на днѣ ущелья, лѣсъ сплошнымъ, густымъ насажденіемъ устилалъ

склоны до самыхъ гребней, гдѣ между сосенъ и березъ выдвигались черныя скалистыя обнаженія шиферного сланца. По дну ущелья серебрились двѣ рѣчки: Бути-ахкъ съ востока, по имени которой ущелье у истоковъ, въ Дагестанской области, носитъ названіе Бути-ахкскаго, и Чидири-ахкъ съ юга изъ скалистыхъ воротъ бокового ущелья. Рѣчки эти, живописно извиваясь среди лѣса, сливались въ одинъ рѣчной бассейнъ, въ одну рѣчку, которая подъ названіемъ Кери-ахкъ впадаетъ ниже въ рѣчку Шаро-Аргунъ. По Бути-ахскому ущелью проходитъ дорога, соединяющая селеніе Кери и вообще верхній Чаберлой съ Дагестаномъ. У сліянія двухъ рѣчекъ въ видѣ сѣрыхъ каменныхъ грудъ темнѣлъ аулъ Кери-Нижній—восемь, девять саклей съ гладкосмазанными плоскими крышами. Повыше на луговомъ скатѣ горы Кери-ламъ тѣсной группой гнѣздились сакли Кери-Верхняго и, наконецъ, прижавшись къ уступу у подошвы Хиндой-лама, ютился Кери-Средній. Тремя поселками исчерпывалось все населеніе Керинскаго ущелья, около 170 душъ обоего пола, составляющихъ тридцать дворовъ.

Съ высоты перевала, обильно орошенная и одаренная щедрою рукой матери природы, небольшая Керинская котловина, затонувшая въ необъятной глубинѣ, среди громадныхъ высотъ и таинственно сумрачнаго сосноваго бора, чуть, чуть задернутаго синевой вечернихъ испареній, съ блуждающими струйками капризныхъ горныхъ рѣченокъ на каменистомъ днѣ и прихотливыми изломами гребней въ вышинѣ, при трепещущемъ свѣтѣ заката, производила глубокое впечатлѣніе, точно удачно схваченная и талантливо исполненная картина великаго художника!... Пріятная иллюзія мигомъ разсѣялась едва мы обратили вниманіе на спускъ, по которому намъ предстояло сойти въ ущелье. Пастухи были правы. По засыпанной щебнемъ скалистой промоинѣ первой террасы отъ самаго перевала не виднѣлось ни малѣйшихъ слѣдовъ дороги или тропы. Тропинка начиналась далеко ниже, по закрытому зеленью травъ косогору второй и третьей террасы. Говорятъ, нѣкогда Шамиль вздумалъ спуститься по этой дорогѣ верхомъ на лошади. Лошадь сорвалась внизъ и разбилась до смерти, а онъ успѣлъ соскочить, но сломалъ себѣ руку. Съ тѣхъ поръ тропинка называется Шамилевской. Кромѣ пастуховъ и ночью обрековъ (разбойниковъ) по ней никто не ходитъ. Однако, не смотря на всѣ опасности и неудобства крутого спуска, мы до-

вольно благополучно не сошли, а съѣхали, скользя обувью по сыпучему щебню, до второй террасы, откуда безконечными извилинами и зигзагами, должно быть не меньше шести верстъ, по боку Хиндой-лама вьется просторная тропинка до самаго уступа внизу, до с. Средняго-Кери, гдѣ намъ предстояло заночевать.

Уже спустились вечернія сумерки и ущелье потонуло во тьмѣ. На темно-синемъ глубокомъ небѣ горѣли звѣзды, а мы все шли и шли по мягкой, влажной травѣ и, казалось, безконечному спуску не было предѣла. На югѣ изъ за высокой горы Кери-Ходаръ краюшкомъ своимъ выглянула луна и блѣднымъ меланхолическимъ свѣтомъ озарила склонъ Хиндой-лама и нашъ путь. По луговымъ скатамъ тамъ и сямъ возвышались небольшія рощицы изъ молодыхъ сосенъ тѣмъ чаще и обширнѣе, чѣмъ ниже мы спускались—остатки, можетъ быть, дремучаго сосноваго лѣса, которымъ нѣкогда, подобно другимъ сосѣднимъ горамъ, закрывался и Хиндой-ламъ. На послѣдней террасѣ тропинка куда то исчезла. Совершенно измученные длиннымъ переходомъ, мы машинально двигались внизъ по ухабамъ, неглубокимъ балкамъ, оврагамъ, пока, наконецъ, совершенно случайно не вышли на широкую дорогу, опушенную невысокимъ кустарникомъ. Съ одной стороны дороги темнѣла довольно глубокая балка и оглушительно шумѣлъ бурный потокъ, съ другой—вверху надъ откосомъ величественно возвышались стройныя сосны, озаренныя матовымъ свѣтомъ, всплывшей на фонѣ молочнаго неба одинокой странницы луны. А мы все шли и шли, теряя окончательно надежду когда нибудь добраться до селенія. Вдругъ впереди, среди лѣса вспыхнулъ огонекъ, другой, третій, цѣлый десятокъ огней! Послышались людскіе голоса и отдаленный тревожный лай собакъ. Толпа людей, вооруженныхъ факелами изъ сосновой щепы, медленно двигалась вверхъ по дорогѣ намъ навстрѣчу, оглашая сонное ущелье громкимъ говоромъ. Оказалось, что, узнавъ отъ пастуховъ о нашемъ приближеніи, Керинскій, старшина надумалъ устроить почетную встрѣчу. Затѣя его, освѣтить дорогу среди лѣсной чащи, ночью, была до того оригинальна и неожиданна, что, не смотря на полное невѣдѣніе, что за люди и съ какою цѣлью приглашаютъ насъ итти за собой, мы, окруженные толпой и огнями, безъ всякихъ возраженій послѣдовали въ селеніе и черезъ нѣсколько минутъ очутились въ саклѣ керинскаго старшины Ахметъ-хана. Кунацкая Ахметъ-хана ничѣмъ не отличалась отъ ку-

нацкой старшинъ другихъ чеченскихъ селеній, хотя онъ считается однимъ изъ зажиточныхъ керинцевъ, имѣетъ не смотря на свой преклонный возростъ нѣсколько женъ, одну совсѣмъ молодую, разбитную тавлинку, которая собственно и правитъ всѣмъ его хозяйствомъ. Удаленность отъ русскаго центра налагаетъ отпечатокъ на обстановку и весь домашній обиходъ керинца почти полнымъ отсутствіемъ европейской посуды—тарелокъ, блюдцевъ, ложекъ, вилокъ, довольно распространенныхъ въ другихъ чеченскихъ селеніяхъ, если ни для собственнаго употребленія, то на случай пріѣзда гостей или начальства. За то у Ахметъ-хана нашлось довольно вкусное ботлихское (дагестанское) виноградное вино. Какъ бывшій милиціонеръ военный, человѣкъ, онъ, вопреки чеченскимъ обычаямъ, строго запрещающимъ употребленіе спиртныхъ напитковъ, любилъ полакомиться хорошимъ виномъ и нисколько не скрывалъ этой своей слабости ни отъ своихъ, ни отъ чужихъ. Вообще-же Ахметъ-ханъ былъ самымъ распорядительнымъ и услужливымъ хозяйномъ во все время нашего путешествія по Керинскому ущелью.

III.

На слѣдующій день солнце уже давно золотило гребни горъ, когда послѣ сытнаго завтрака, мы снова собрались въ путь. Задерживали насъ вьюки да неотступныя просьбы хозяина остаться еще хоть на часокъ. Утро застало керинцевъ въ необыкновенномъ возбужденіи. Неожиданное появленіе русскихъ гостей для такого уголка, куда и солнце за цѣлый день проникаетъ всего на нѣсколько часовъ, а зимою и совсѣмъ не заглядываетъ, было не простымъ случаемъ, а цѣлымъ событіемъ въ однообразной и замкнутой жизни обитателей и ни одному любопытному керинцу помѣшало спокойно проспать минувшую ночь. Собравшись густою толпою, они буквально атаковали саклю старшины и навѣрное не отступили-бы ни на шагъ до самаго нашего выхода, если-бы вдругъ съ ближайшаго холма не раздался протяжный, хриплый, старческій голосъ и подхваченный эхомъ, какъ то заунывно, глухо огласивъ ущелье. Толпа отхлынула. На вершинѣ ближайшаго холма стоялъ старый, согбенный старикъ и размахивая руками о чемъ то взывалъ къ народу. Это одинъ изъ способовъ, весьма распространеныхъ въ Чечнѣ и Осетіи, объяв-

лятъ народу о предстоящемъ сходѣ или какомъ нибудь событіи, касающимся всего населенія.

Наконецъ, все было готово. Распростившись съ Хеги, который изъ Кири направлялся обратно домой, мы подъ предводительствомъ Ахметъ-хана двинулись въ путь. Провожать насъ вышли даже всѣ жоны старшины, двѣ довольно пожилыя сухощавыя старухи и молодая тавлинка. Присутствіе среди гостей женщины освобождало ихъ отъ обычнаго на Кавказѣ затворничества. Отъ селенія Кери еще версты двѣ, три мы шли по дну Керинскаго ущелья на юго-западъ, до впаденія Кери-ахкъ въ Шаро-Аргунъ, самый большой притокъ Сунжи съ правой стороны. Итти въ ясное лѣтнее утро среди ущелья, гдѣ все до самаго края синяго неба тонетъ въ зелени густого лѣса, а на обнажонныхъ отъ лѣса полянкахъ колосится молодая пшеница, ячмень или низкорослая горная кукуруза, когда пропитанный смолистымъ дыханіемъ сосны воздухъ не шелохнется и не единое облачко не заслоняетъ узкаго горизонта впереди, доставляло намъ истинное удовольствіе! Разсѣченное рѣчками, рѣченками, потоками и просто ручьями, которые бѣшенными бѣлыми отъ пѣны каскадами спадали съ высотъ или, выбиваясь изъ подъ скалы у самой подошвы, съ неодолимой энергіей устремляли свое теченіе въ рѣчку, преподнятое къ юго-западу, всхолмленное и занесенное галькой дно ущелья въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляло большое затрудненіе для пѣшаго передвиженія. Мы каждую минуту чувствовали заботливую руку Ахметъ-хана, по приказанію котораго гораздо раньше нашего выхода изъ селенія черезъ всѣ наиболѣе значительные потоки на нашемъ пути, были переброшены изъ камней переправы. Только благодаря этимъ переправамъ намъ не пришлось итти бродомъ прямо по водѣ. Мѣстами ущелье съуживалось въ короткую тѣснину, гдѣ развѣсистыя березы, нагибаясь со склоновъ, купали свои длинныя вѣтви въ прозрачныхъ водахъ Кери-ахкъ. У самаго слiянія рѣчекъ широкимъ боковымъ выходомъ Керинское ущелье незамѣтно сливается съ просторнымъ и длиннымъ ущельемъ бурной, мутной рѣки Шаро-Аргунъ, которая беретъ свое начало въ Пирикительскомъ хребтѣ, изъ горы Малый-Качу и на протяженіи приблизительно верстъ сорока на юго-западъ принадлежитъ чеченскимъ обществамъ, извѣстнымъ подъ именемъ обществъ истоковъ рѣки Шаро-Аргунъ. Керинскимъ ущельемъ заканчивается Чаберлой. По сравненію съ только что

пройденнымъ ущельемъ и многими другими, Шаро-Аргунское ущелье, замкнутое съ сѣвера и запада горою Риженъ-кортъ и ея отрогами, а съ юга и востока горою Химой-Кадаръ, представляетъ много новаго и совершенно оригинальнаго. По бокамъ ущелья и по плоскому дну также темнѣли лѣса по преимуществу березовые, также круто сбѣгали отвѣсные склоны, но самая порода, изъ которой сложены горы, была не та. Среди лѣса, лѣсныхъ полянъ и прогалинъ виднѣлись обнаженія совершенно бѣлаго алебастра, на гребняхъ среди зеленыхъ шапокъ деревьевъ выступали такія же бѣлыя алебастровыя скалы съ бѣлыми осыпями разрушенной породы на днѣ. Алебастровыя горы явленіе весьма рѣдкое на Сѣверномъ Кавказѣ и къ числу этихъ рѣдкихъ уголковъ относится Шаро-Аргунское ущелье, гдѣ алебастровыя горы тянулись по обоимъ бокамъ ущелья верстъ на пять, на шесть, почти до самаго селенія Химой.

Перейдя Кери-ахкъ у самаго впаденія ея, мы сначала шли по правому берегу Шаро-Аргуна, застланному пышной травой, гдѣ цѣлыми гнѣздами краснѣла крупная совершенно зрѣлая земляника, затѣмъ черезъ мостикъ ветхій и дрожащій, какъ осиновый листъ, перешли на лѣвый берегъ и поднялись на разработанную русскими войсками во время возстанія въ 1877 году широкую дорогу, которая бѣжитъ по косогору лѣваго склона, почти вдоль всего ущелья. Шаро-Аргунъ струится въ широкомъ руслѣ среди низкихъ заливныхъ береговъ, мѣстами разбивается на нѣсколько рукавовъ и вновь собираетъ раздробленные воды, образуя небольшіе островки, поросшіе кустарникомъ. Небольшая боковая балка Кадаръ-инъ, закрытая густымъ березовымъ лѣсомъ живописно вдается въ ущелье справа. Отъ балки ущелье замѣтно расширяется въ широкую долину. По дну долины на всемъ пространствѣ куда хватаетъ глазъ разстилались химоевскія пашни, засѣянныя кукурузой, пшеницей, овсомъ, ячменемъ. Впереди у выхода изъ бокового ущелья небольшой рѣченки Амучи-инъ, на выступѣ слѣва, среди совершенно обнажонныхъ глинистыхъ склоновъ, на вершинѣ холма виднѣлось селеніе Химой. Не смотря на обиліе лѣсовъ, какъ въ Кери, такъ въ Химоѣ, сакли строятся изъ сѣраго камня, мосты плохіе, сложены на живую нитку и давно требуютъ ремонта. Объясняется такое явленіе ни лѣнью или безпечностью жителей, а тѣмъ, что всѣ лѣса по Керинскому и Шаро-Аргунскому ущельямъ казенные и обитатели стѣснены въ

пользованіи даже дровами на топливо. На плохомъ ветхомъ мостикѣ черезъ рѣчку Амучи-инъ насъ встрѣтилъ химоевскій старшина, Али-Магома, самый образованный и начитанный человѣкъ среди Шаро-Аргунскихъ обществъ: знаетъ грамоту на арабскомъ языкѣ и немного говоритъ порусски. Онъ сказалъ короткое привѣтствіе отъ лица всего народа, въ которомъ благодарилъ за лестное посѣщеніе русскихъ гостей, желалъ благополучно закончить предпринятое путешествіе и съ пафосомъ прибавилъ, что Шаро-Аргунскіе чеченцы никогда не забудутъ русскую женщину, которая не побрезгала пѣшкомъ прійтти къ нимъ въ гости. По крутой тропинкѣ мы поднялись на холмъ, гдѣ химоевцы устроили въ высшей степени трогательную и оригинальную встрѣчу. Посрединѣ площадки подъ открытымъ небомъ стоялъ низенькій, круглый чеченскій столъ съ хлѣбомъ, солью и цѣлымъ отварнымъ молодымъ барашкомъ. Вокругъ стола разряженные въ разноцвѣтные праздничные бешметы стояли молодыя дѣвушки и громко заунывно пѣли какую то національную чеченскую пѣсню; за ними молодые парни, въ сторонкѣ женщины, дѣти и, отдѣльной группой, почетные старики и вообще семейные чеченцы-химоевцы. Насъ усадили за столъ и пригласили отвѣдать чеченскаго хлѣба, соли. Заиграла отчаянная чеченская музыка, двѣ пронзительныя визгливыя роговыя дудки, и подъ довольно однообразную мелодію и окомпаниментъ хлопковъ руками начался танецъ бѣшеный, какъ бурныя горныя рѣчки, кавказская лезгинка; мимо насъ вихремъ пронеслась пара, другая, третья, превосходя ловкостью, природной граціей и красотою движеній самыхъ завзятыхъ городскихъ танцоровъ... Однако солнце не выносимо жгло, чеченская дудка рѣзала ухо. Поблагодаривъ за доставленное удовольствіе, мы отправились въ кунацкую старшины.

Кунацкая Али-Магома поразила насъ своимъ благоустройствомъ. Въ обстановкѣ виденъ былъ вкусъ, стремленіе къ удобству и полуевропейскому изяществу. Въ большой, чистой, свѣтлой, съ большими окнами комнатѣ, вмѣсто обычно неуклюжей деревяниной кровати, у стѣны, завѣшанной дорогимъ персидскимъ ковромъ, стояла широкая тахта, застланная другимъ тоже дорогимъ персидскимъ ковромъ; напротивъ большой, дубовый столъ, на столѣ чернильница съ гусинымъ перомъ, въ углу застекленный шкафчикъ съ арабскими книгами и какими то письменами. Этотъ шкафчикъ съ книгами, въ какомъ то аулѣ Химоѣ, на краю

свѣта, въ глуши, среди полудикаго населенія, могъ привести въ умиленіе даже самаго черстваго скептика. Не безъ затаенной гордости доставалъ и показывалъ Али-Магома нѣсколько томовъ Корана и какія-то другія священныя книги и арабскія рукописи.

Къ сожалѣнію стремленія Али-Магома къ благоустройству жилого помѣщенія не переходили дальше порога кунацкой. Семейная половина сакли отличалась отъ сырого, темнаго сарая только каминомъ, или, вѣрнѣе, прямой дымовой трубой въ стѣнѣ, подъ которой прямо на земляномъ полу женщины разводятъ обыкновенно огонь для приготовленія кушаній и отопленія. При малѣйшемъ вѣтрѣ весь дымъ изъ трубы задувается обратно въ саклю и въ этой-то копоти, сырости и полутмѣ, благодаря крохотнымъ окошкамъ, гдѣ-то высоко на верху, у потолка, что-бы посторонній глазъ не могъ проникнуть въ женскую половину, жили четыре жены Али-Магома, худыя, истощенныя, всѣ съ большими глазами еще не старыя женщины и десять душъ дѣтей. Вообще положеніе женщины въ Чечнѣ хуже даже чѣмъ въ Осетіи. Многожонство унижаетъ въ ней всякое человѣческое достоинство, а рабскій трудъ низводитъ на степень домашняго животнаго. На хребтѣ своемъ чеченка выноситъ не только всѣ домашнія работы, сопряженныя съ непосильнымъ таскаліемъ тяжестей—муки съ мельницы, дровъ изъ лѣсу, воды съ рѣчки,—но всѣ полевыя работы, кромѣ косьбы и пахаты. Даже во время пахаты на ней лежитъ обязанность обирать поле отъ камей, которые ежегодно сваливаются и ссыпаются съ окружающихъ горъ. Мужъ полновластный господинъ надъ своей женой, можетъ прогнать ее во всякое время и по всякому поводу и взять въ домъ другую. Полная зависимость отъ произвола и каприза мужчины принижаетъ личность женщины до положенія безгласной рабыни...

За саклей на площадкѣ саженъ десять длиною и не больше пяти шириною Али-Магома развелъ фруктовый садъ, единственный въ Шаро-Аргунскомъ обществѣ. Въ саду росли: вишни, груши, яблоки, сливы, небольшое орѣховое дерево, даже нѣсколько виноградныхъ лозъ. На грядкахъ овощи: огурцы, рѣдька, лукъ, салатъ и др. Старшина жаловался на отсутствіе сѣмянъ, которыя ему приходится доставать съ величайшимъ трудомъ. По офиціальнымъ даннымъ въ Химоѣ 74 двора, съ населеніемъ 540 человѣкъ обоего пола. О земельныхъ угодіяхъ нѣтъ ни какихъ свѣдѣній, кромѣ указаній самихъ жителей. Селеніе раскинулось ам-

фитеатромъ по склону холма. По обѣимъ сторонамъ, кривыхъ и грязныхъ улицъ лѣпятся, въ большинствѣ случаевъ, одноэтажныя сакли; нѣкоторыя снаружи смазаны глиной, нѣкоторыя вытянуты въ два этажа съ оригинальными балконами внутри самой постройки. Въ послѣднюю войну Химой былъ сильно поврежденъ русскими войсками за присоединеніе къ возстанію подъ предводительствомъ Умы Дуева.

Часа черезъ три мы снова двигались по твердому грунту дороги, сильно запущенной, мѣстами почти совершенно размытой, по направленію къ селенію Шарой. Противъ Химоя, на противуположной сторонѣ, въ Шаро-Аргунское ущелье впадаетъ замѣчательно живописное Цесинское ущелье съ пологими покатостями, сплошь воздѣланными подъ пашни. Говорятъ въ ущельѣ находятся залежи сѣры и серебро-свинцовой руды, что жители намѣренно скрываютъ эти мѣста и даже тайно добываютъ серебро, но насколько всѣ эти разсказы вѣрны неизвѣстно. Отъ Химоя характеръ мѣстности совершенно измѣнился. Вмѣсто бѣлыхъ алебастровыхъ скалъ торчали черныя обнаженія шифернаго сланца, роскошные хвойные лѣса постепенно исчезали. Слѣва кое-гдѣ еще попадались группы старыхъ деревьевъ, по преимуществу фруктовыхъ, груши, яблони и алыча, изрѣдка дубъ, жалкіе остатки нѣкогда обширныхъ лѣсовъ, которые нынѣ смѣнилъ кустарникъ. Справа склоны почти совершенно обнажены отъ лѣса и прикрыты короткимъ дерномъ или покосными травами. Долина чѣмъ дальше становилась все уже. Шаро-Аргунъ измѣнился, взъерошился и зарывшись поглубже въ руслѣ, оглашалъ воздухъ своей заунывной одинокой пѣсней. Наступало самое знойное время послѣ полудня. Отъ разогрѣтыхъ скалъ и дороги, точно отъ печекъ такъ и палило жаромъ. Али-Магома оказался пріятнымъ собесѣдникомъ, особенно во время пути подъ жучимъ солнцемъ, когда отъ жары притупляется всякій интересъ къ окружающему, когда не идешь, а томишься вмѣстѣ съ утомленной помертвѣвшей отъ зноя природой. При помощи Малочи, который ведя подъ уздцы лошадь съ вьюками, обыкновенно завершалъ наше шествіе, старшина сообщилъ намъ очень много интересныхъ свѣдѣній по вопросу о земельныхъ отношеніяхъ химоевцевъ, до того запутанному и неясному, что даже сами жители давно потеряли нить къ его разрѣшенію.

Всѣ общественныя земли химоевцевъ нѣкогда принадлежали

харкароевцамъ, жителямъ селенія Харкарой, въ верхнемъ Чаберлоѣ. На мѣстѣ нынѣшняго Химоя были хутора, владѣльцы которыхъ за пользованіе землею платили харкароевцамъ дань. Шамиль уничтожилъ эту зависимость хуторянъ отъ харкароевцевъ, дань обратилъ въ свою пользу и на мѣстѣ хуторовъ и основалъ селеніе Химой. Въ такомъ положеніи находилось дѣло во все время войны нашей съ Шамилемъ. Послѣ покоренія Шамиля харкароевцы вновь предъявили свои права на химоевскія земли. Химоевцы признали ихъ требованія вполнѣ законными и откупили земли, уплативъ харкароевцамъ до 2000 рублей скотомъ. Съ этого момента откупленными землями стали пользоваться только тѣ изъ химоевцевъ, которые были участниками во внесеніи платы за землю. Не участвовавшіе же въ платежѣ, къ которымъ относились многіе хуторяне, поселившіеся на этихъ земляхъ въ самомъ началѣ и жители нѣкоторыхъ окрестныхъ селеній, водворившіеся позднѣе, остались совершенно безъ земли и вынуждены были обратиться съ жалобой на свое безвыходное положеніе къ начальнику Аргунскаго округа, которымъ былъ въ то время г. Ипполитовъ. Онъ принялъ въ нихъ участье, выхлопоталъ казенныя суммы, на которыя была выкуплена третья часть изъ химоевскихъ земель, разграничена и роздана безземельнымъ. Послѣдніе получивъ свои паи и, самовольно прихвативъеще не принадлежащія имъ земли, стали пользоваться ими безгранично, какъ полные владѣльцы, хотя знали, что земля раздѣлена между ними на извѣстный срокъ. По истеченіи срока, откупленная треть химоевскихъ земель должна была подвергнуться новому передѣлу между ними, т. е. тѣми, для кого она была куплена и еще нѣкоторыми безземельными жителями, которые платили подымную подать, состояли въ посемейныхъ спискахъ отдѣльными дымами, но надѣла не имѣли, а такъ какъ никакихъ другихъ свободныхъ земель не существовало, то оставались безъ земли. Считая себя равноправными съ другими жителями, послѣдніе требовали, что-бы откупленная треть земли была раздѣлена между всѣми по ровну, или по крайней мѣрѣ были отняты въ пользу ихъ самовольно захваченныя земли. На это требованіе, отрицая самовольный захватъ, первые отвѣчали, что со дня полученія ими паевъ они все время затрачивали трудъ и удобреніе и желаютъ пользоваться своими паями на прежнихъ основаніяхъ... Чѣмъ кончились эти любопытные споры и кончились-ли они или и по сей день ведут-

ся, неизвѣстно. Гдѣ были послѣдніе претенденты, которыхъ насчитывается до тридцати семействъ, когда г. Ипполиповъ распредѣлялъ откупленную треть земли, разсказчикъ и самъ не зналъ. По всей вѣроятности это позднѣйшіе переселенцы, которые въ моментъ распредѣленія земли, не имѣли права давности поселенія, но очевидно были обнадежены полученіемъ пая при новомъ передѣлѣ земли въ будущемъ. Очень возможно, что недобившись ничего мирнымъ путемъ, недовольные разрѣшили вопросъ самостоятельно насиліемъ, захватомъ и владѣютъ захваченными землями, какъ своими собственными. Кто тамъ разберетъ?..

Еще издавна Шаро-Аргунскія общества считаются самыми своевольными и самыми непокорными. Если и случалось какому сильному сосѣду распространить свою власть на Шаро-Аргунскія общества, то власть эта не шла дальше сбора дани, да и то временно: при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ Шаро-Аргунскіе чеченцы стремились съ оружіемъ въ рукахъ отстоять свою независимость. По Шаро-Аргунскому ущелью, неподалеку отъ селенія Шарой, есть гора Сырчи-хи, а на горѣ и понынѣ сохранились остатки древней башни, извѣстной подъ именемъ Цогола-хе-хе. Преданіе говоритъ, что когда одинъ сосѣдній князь сталъ требовать дани, то всѣ шаровскія фамиліи, не чувствуя себя въ данный моментъ достаточно сильными, чтобы вступить съ княземъ въ борьбу, подчинились, кромѣ одной—Цогола, представитель которой, не желая подчиниться князю, на высокой горѣ Сырчи-хи построилъ башню и сталъ въ ней жить. Узналъ объ этомъ князь и опасаясь какъ-бы примѣру Цоголы не послѣдовали другіе данники, поспѣшилъ смягчить непокорнаго: снарядилъ посольство изъ тридцати человѣкъ и велѣлъ передать Цоголу, что желаетъ съ нимъ жить въ мирѣ и отъ дани на всегда отказывается. Цогола принялъ посланниковъ съ почестями, устроилъ для нихъ сидѣнія на тридцати бурдюкахъ изъ турьихъ шкуръ и щедро угостилъ. Обиліе турьихъ шкуръ свидѣтельствовало, что Цогола имѣетъ хорошее оружіе, что онъ искусный стрѣлокъ и храбрый воинъ, а на хорошихъ и храбрыхъ стрѣлковъ рѣдко кто рѣшался нападать. Кто знаетъ съ какими трудностями сопряжена охота на туровъ, которые водятся на самыхъ неприступныхъ высотахъ, чаще всего вблизи ледниковъ, тому станетъ понятно, почему шкурами именно этого звѣря Цогола вздумалъ похвастаться передъ послами.

Дорога, чѣмъ дальше, становилась все хуже и хуже. Прикрытые щебнемъ шифернаго сланца глинистые оползни, сдвигаясь со склоновъ, мѣстами совершенно завалили дорогу и ниже самое дно ущелья, причиняя жителямъ много бѣдъ и горя. Иногда, особенно послѣ дождей нежданно, негаданно подъ такимъ осовомъ исчезала цѣлая пашня, можетъ быть, часъ или два тому назадъ ласкавшая взоръ хозяина обильнымъ урожаемъ. У самаго селенія Шарой горы, стѣсняясь и сближаясь внизу, въ верхнихъ своихъ частяхъ широко расходятся, образуя въ высшей степени оригинальную котловину съ пологими, покатыми террасами, на подобіе гигантской лѣстницы то закрытыми лѣсомъ, то яркою зеленью травъ. Среди уступовъ и живописныхъ складокъ, высоко надъ дномъ котловины желтѣли пашни, ютились селенія, отселки, хутора. Въ самомъ центрѣ, на вершинѣ крутого холма Шаро-ламъ, самый большой аулъ по Шаро-Аргунскому ущелью, около 175 дворовъ, съ населеніемъ 1140 душъ обоего пола. Дорога къ Шарою круто лѣзетъ въ гору. За двумя высокими башнями, наподобіе маяковъ возвышающимися на вершинѣ холма, совершенно прятался аулъ. О сѣрыя стѣны башенъ, которыхъ до нашихъ дней не могло одолѣть ни время, ни непогоды многіе десятки лѣтъ разбивались непріятельскія пули, закрѣпивъ за Шаромъ славу самаго неприступнаго пункта, а за шароевцами одного изъ сильныхъ и могущественныхъ обществъ среди обитателей Шаро-Аргунскаго ущелья. Не устояли шароевцы только подъ натискомъ русскаго оружія: русскимъ они сдались добровольно.

Мы прямо зашли къ старшинѣ Изи, короткое имя котораго какъ то совершенно не соотвѣтствовало громадной, рослой фигурѣ и довольно уже пожилой, въ высшей степени симпатичной наружности. Онъ сильно сконфузился, что вопреки обычаю, не встрѣтилъ насъ на дорогѣ и попросилъ зайти въ кунацкую, небольшую опрятную комнату, гдѣ кромѣ оружія, двухъ, трехъ козьихъ шкуръ по стѣнамъ, простой деревянной кровати, застланной стеганымъ одѣяломъ, стола и нѣсколькихъ стульевъ, никакихъ украшеній не было. Наскоро отдавъ долгъ хозяйскому гостепріимству, мы вышли изъ сакли оглядѣться вокругъ себя. Вечеръ былъ превосходный тихій, теплый. На небѣ блѣднымъ серпомъ сіяла луна, какъ-бы соперничая съ краснымъ заревомъ еще не совсѣмъ догорѣвшаго солнца. Съ вершины холма, съ плоской крыши надворной постройки Изи, открывался богатѣйшій видъ,

на самое селеніе Шарой внизу, на окрестныя горы съ разбросанными по нимъ аулами и на ущелье съ рѣчкой вдали. Селеніе Шарой представляетъ одно изъ типичныхъ горныхъ чеченскихъ селеній по скученности своихъ построекъ, по тѣснотѣ, съ которою на подобіе ячеекъ въ сотѣ лѣпятся одна надъ другой по склонамъ холма двухъ-этажныя каменныя сакли безъ дворовъ, безъ улицъ съ узкими, кривыми проходами между саклей, гдѣ едва могутъ разойтись два человѣка, а дворы замѣняютъ плоскія крыши нижнихъ построекъ. Среди селенія на возвышенныхъ мѣстахъ одиноко торчали еще двѣ башни съ типичными отверстіями, бойницами, на верху. Вся котловина, тщательно обработанная и засѣянная кукурузой, пшеницей и другими хлѣбными злаками, съ пышными травами, участками лѣса, разбросанными тамъ и сямъ по склонамъ и въ ложбинахъ, была обставлена въ перспективѣ скалистыми хребтами, снѣговыми гребнями и торчащими надъ ними снѣговыми вершинами; она поражала удивительной красотой, рѣдкимъ соединеніемъ дикой, холодной безжизненности громадныхъ высотъ, открытыхъ, обнаженныхъ возвышенностей съ пышнымъ разнообразіемъ нижнихъ террасъ и дна котловины (защищеннаго отъ буйныхъ вѣтровъ, холода и жгучаго солнца), сглаженныхъ культурнымъ вмѣшательствомъ человѣка и одухотворенныхъ непрестаннымъ его присутствіемъ, откуда вѣяло на насъ ароматомъ цвѣтущихъ травъ и мирнымъ привольемъ. На нашъ вопросъ, обращенный къ одному старику шароевцу, не жалѣютъ-ли они о прежней свободѣ и бранномъ житьѣ, онъ размахнулъ рукой и сказалъ: „Видишь ты эти кукурузныя пашни. Вотъ наше бранное поле!“ И эта была правда. Если прежде малѣйшее посягательство на независимость, свободу чеченца зажигала кровь въ его жилахъ и заставляло хвататься за оружіе, то теперь съ неменьшей энергіей и дикой страстностью стережетъ онъ каждую пядь своей земли, даже негодной къ обработкѣ, но которая въ будущемъ можетъ понадобиться; тогда онъ ее расчиститъ отъ камней, искусственно удобритъ, такъ сказать создастъ плодородную почву и засѣетъ. Искусственно созданныя пашни на безплодныхъ скалахъ не рѣдкость въ горной Чечнѣ, особенно въ сосѣднемъ съ Чечней Дагестанѣ, гдѣ зачастую на подобныхъ участкахъ разводятся виноградники.

Громадный Пирикительскій хребетъ, застланный вѣчными льдами и засыпанный снѣгами угрюмый и безжизненный, заслонялъ отъ насъ весь горизонтъ впереди цѣлою толпою отроговъ, между которыми ближайшіе—Ураты-кортъ, Сусулъ-кортъ и Хамелдой-дукъ—пологими скатами и террасами непосредственно обрамляютъ котловину съ юга и востока, гдѣ разсѣяны шароевскія пашни, ютятся отселки, и выше, надъ ними, выступая черными скалистыми гребнями, запорошенными снѣгомъ и совершенно бѣлыми, наподобіе сахарныхъ головъ снѣговыми конусами возвышались: Хадхо-ламъ (черная гора), Лелко-ламъ, Холе-ламъ и многія другія, которыя назвать не сумѣли даже сами жители. По всѣмъ склонамъ на наиболѣе возвышенныхъ и неприступныхъ мѣстахъ темнѣли селенія. Противъ Шароя, на вершинѣ высокой горы, виднѣлся аулъ Хакмадой или, вѣрнѣе, развалины башенъ; само селеніе прячется ниже подъ башнями, разрушенными русскими войсками въ минувшую войну. Хакмадоевцы съ величайшей настойчивостью и упорствомъ отстаивали свою независимость до послѣдней возможности, до тѣхъ поръ пока, подъ залпами русскихъ орудій не развалились ихъ башни, главная защита, тогда разбѣжались по лѣсамъ и, собираясь въ бродячія шайки, долго безпокоили и смущали уже замиренное ущелье. Очень многіе изъ хакмадоевцевъ бѣжали въ Турцію, но нѣкоторые остались, вымолили прощеніе у русскаго правительства, осѣли на старомъ мѣстѣ и возстановили разоренный аулъ.

— „Вонъ подъ горой старикъ пасетъ баранту!“ проговорилъ Али-Магома, указывая на пастуха. „Это старый хакмадоевецъ, изъ тѣхъ, которые воевали съ русскими за свободу, когда-то былъ самимъ богатымъ жителемъ, имѣлъ свою мельницу, нѣсколько сотъ овецъ. Все свое имущество онъ распродалъ въ послѣднюю войну и ушелъ въ Турцію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ вернулся назадъ несчастнымъ, одинокимъ старикомъ и теперь пасетъ баранту хакмадоевцевъ“.

— „Зачѣмъ-же онъ уходилъ въ Турцію?“ спросили мы.

— „Думали—тамъ лучше. Теперь народъ въ насмѣшку разсказываетъ про него такъ.—Жилъ одинъ мельникъ. Ежедневно приходилъ онъ на мельницу и занимался своимъ дѣломъ. Разъ проходили мимо мельницы воины. Увидалъ воиновъ мельникъ и соблазнился ихъ видомъ. „Отчего-бы и мнѣ не сдѣлаться воиномъ?“ подумалъ мельникъ; продалъ мельницу и пошелъ на войну. На войнѣ онъ попалъ въ дѣло и былъ сильно раненъ. Пуля пробила ему черепъ до мозга. Одинъ изъ его товарищей посмо-

трѣлъ на его рану и сказалъ: „У тебя изъ головы выходитъ мозгъ!"—„Какой тамъ мозгъ? Мозгъ вышелъ изъ моей головы еще тогда, когда я продалъ свою мельницу!" съ горѣчью отвѣтилъ раненый".

Въ настоящее время въ Хакмадоѣ по официальнымъ даннымъ считается 99 дворовъ, съ населеніемъ 600 душъ обоего пола. Хакмадоевцы, какъ и другіе обитатели Шаро-Аргунскаго ущелья мирно занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Повыше Шароя, тоже на горѣ угрюмо темнѣлъ аулъ Джаголдой, на юго-западѣ—Шикорой, восточнѣе—Хашельдой, всѣ съ отселками, хуторами, подобно вороньимъ гнѣздамъ, разсѣяннымъ по зеленымъ склонамъ во всѣхъ направленіяхъ.

Подлѣ насъ собралась група чеченцевъ шароевцевъ, все народъ молодой, рослый, здоровый и нѣсколько почтенныхъ стариковъ. Между послѣдними обращалъ на себя вниманіе одинъ шароевицъ, еще далеко не старый, но страшно истощенный, измученный съ тупымъ равнодушіемъ во взглядѣ. Мы приняли его за больного, но онъ довольно правильнымъ русскимъ языкомъ объяснилъ намъ, что больнымъ онъ кажется оттого, что недавно только возвращенъ изъ ссылки, изъ Сибири. Несчастный пятнадцать лѣтъ прожилъ въ Тобольской губерніи, гдѣ то на Иртышѣ, занимался разгрузой судовъ на пристани, обжился попривыкъ, какъ вдругъ истекъ срокъ ссылки и его перевели обратно на родину, гдѣ не нашелъ онъ ни дома, ни семьи, ни земли и скитается по чужимъ дворамъ. Было какъ то странно и удивительно слышать въ этотъ прекрасный, южный вечеръ изъ устъ чеченца, въ самомъ сердце Чечни, разсказы о лютыхъ сибирскихъ морозахъ, о широкой многоводной рѣчкѣ Иртышѣ, о хорошихъ заработкахъ въ Тобольской губерніи, о привольномъ житьѣ въ Сибири, гдѣ, видимо, протекла лучшая пора его жизни, его молодость!...

Между тѣмъ съ полей пастухи пригнали скотину. Женщины съ деревянными ведрами поплелись вереницей къ загону внизъ доитъ коровъ, овецъ и козъ, а мы, пожелавъ доброй ночи хозяину, поспѣшили пораньше заснуть.

IV.

На слѣдующій день едва занялось ясное утро и солнце брызнуло снопомъ золотистыхъ лучей на снѣговыя вершины, едва очнувшись отъ утренней дремы чеченки наполнили кувшины свѣжей водой, а пастухи еще не успѣли собрать всѣхъ стадъ на сочныя, влажныя отъ утренней росы горныя пастбища, мы, пользуясь утреннимъ холодкомъ и прохладой покинули Шарой. Описать всю прелесть лѣтняго утра въ горахъ невозможно! Нужно быть самому въ горахъ, чтобы понять видѣть, чувствовать, ощущать, то жизнерадостное чувство, которымъ безъотчетно переполняется душа при видѣ ликующей природы, гдѣ все живое, здоровое и молодое спѣшитъ выразить свою радость свѣту, теплу и солнцу и и гдѣ этой радостью, этимъ восторгомъ переполняется и тихо дремлющій воздухъ и освѣжонные утреней росою лѣсъ, поля, луга, пашни.

Путь нашъ, по прежнему, лежалъ на юго-западъ по Шаро-Аргунскому ущелью до селенія Кеселой. Отъ Шароя, тропинка извиваясь между горбами склона также круто сбѣгаетъ внизъ къ Хакмадоевскому боковому ущелью, затѣненному слѣва густымъ смѣшаннымъ лѣсомъ изъ ясени, клена, боярышника, и обнаженнаго справа, гдѣ среди цвѣтущаго мака и другихъ травъ возвышались небольшія поросли кустарниковъ—шиповника, барбариса. Изъ ущелья съ шумомъ выбѣгаетъ рѣчка Хашелдой-ахкъ и вливается въ Шаро-Аргунъ. То поднимаясь, то вновь опускаясь, мы шли все время высоко надъ дномъ ущелья съуженнаго и углубленнаго, гдѣ среди скалистыхъ, крутыхъ береговъ плескался и бился мутный Шаро-Аргунъ, мѣстами подъ тѣнью густого лѣса. Здѣсь, близъ глубокой лощины, намъ указали одну живописную лѣсную поляну, гдѣ нѣкогда, въ смутное прошлое время, когда у чеченцевъ не было еще ни законовъ, ни правъ, а всѣ дѣла вершалъ обычай, отъ каждаго старшинства собирались на поляну по одному старику или вообще почетному человѣку и разбирали текущія дѣла, а когда случались убійства или грабежи, постановляли рѣшенія, опредѣляли наказанія; наконецъ, здѣсь же создавались и планы будущихъ набѣговъ или чисто военныхъ мѣропріятій противъ сосѣдей враговъ. Полянка находится неподалеку отъ впаденія въ Шаро-Аргунъ праваго рукава, Шикоройахкъ и называется Келхижи. Напротивъ, съ лѣваго склона, въ ущелье красиво вдается громадный мысъ Кешенъ-дукъ, древнее

селеніе, гдѣ нѣкогда былъ шароевскій отселокъ, выселенный Шамилемъ въ аулъ Шикорой. Въ настоящее время мысъ служитъ естественной границей между шикороевскими и шароевскими землями.

Въ селеніе Кеселой мы пришли еще далеко до полудня подъ страшнымъ зноемъ. Аулъ раскинулся по склону Кеселой-лама, одного изъ отроговъ громадной горы Чархунышъ-кортъ, скалистаго вверху и совершенно гладкаго внизу, воздѣланнаго и засѣяннаго пшеницей и ячменемъ. По офиціальнымъ даннымъ въ Кеселоѣ всего 47 дворовъ съ населеніемъ 284 души обоего пола. Старшины въ аулѣ не оказалось. Онъ жилъ въ сосѣднемъ селеніи Халундой и, не смотря на предупрежденія заблаговременно въ Кеселой, не явился, между тѣмъ намъ необходимо было перемѣнить вьючныхъ лошадей. Пришлось послать нарочнаго въ Халундой, а самимъ дожидать въ темной и довольно грязной кунацкой одного изъ жителей селенія. Это была первая задержка на нашемъ пути по Чечнѣ. Часа черезъ два явился старшина, Богадуръ, испуганный, растерянный и сталъ извиняться за задержку, ссылаясь на пораненіе, случившееся гдѣ то въ горахъ, куда онъ былъ отозванъ. На плечахъ его какъ то безпомощно болтались красные погоны, которые по предписанію начальника области обязанъ носить каждый старшина, но ни одинъ не носитъ, считая для вольнаго чеченца позоромъ надѣть солдатскіе погоны, развѣ въ весьма рѣдкіе наѣзды начальства, когда волей или неволей старшинѣ приходится быть въ формѣ. Погоны съ плечъ Богадура моментально исчезли, едва онъ убѣдился, что видитъ передъ собой не начальство, а простыхъ путешественниковъ. Наскоро навьючивъ лошадей, не смотря на жару мы двинулись дальше къ селенію Халундой въ боковое ущелье, прорытое рѣчкой Харгабе-ахкъ. По узкой межѣ между кеселоевскими пашнями, которыя начинаются чуть-ли ни отъ самаго порога послѣдней сакли и тщательно обнесены частоколомъ отъ потравы скотиной, мы спустились внизъ, перешли живой мостъ изъ плетня, заваленнаго камнемъ, черезъ Шаро-Аргунъ и стали углубляться въ ущелье, которое до селенія Халундой называется Халундоевскимъ, а дальше—ущельемъ рѣчки Харабе-ахкъ. Халундоевское ущелье открывается тѣсниной съ скалистыми боками, прикрытыми сосновымъ лѣсомъ и поражаетъ мрачнымъ, дикимъ совершенно некультурнымъ видомъ. Ни по склонамъ, ни ко дну ущелья, затопленному бла-

годаря полуденному таянію льдовъ, разливомъ рѣчки, не виднѣлось ни малѣйшихъ слѣдовъ прикосновенія руки человѣческой,—жилья или остатковъ какихъ либо сооруженій, возведенныхъ съ хозяйственной цѣлью или для самозащиты. Пробираясь между тоней, ручьевъ и камней подъ тѣнью сосенъ и высокихъ кустарниковъ, мы довольно долго шли по дну тѣснины, которая постепенно расширилась въ просторное ущелье, закрытое массивными отложеніями древней морены. Громадные валуны, сглаженные водой и льдами, которыми нѣкогда заполнялось ущелье, задернутое сѣдыми мхами, безобразными грудами устилали покатое, неровное дно и вмѣстѣ съ черными нависшими скалами, поросшими папортниками, рѣдкимъ низкорослымъ смѣшаннымъ лѣсомъ изъ березы и сосны, при оглушительно шумныхъ потокахъ бѣшеной рѣчки,—придавали ущелью еще болѣе дикій, суровый видъ, напоминая кладбище или мѣсто, гдѣ только что прошелъ ураганъ, гдѣ жутко человѣку, безпріютно, холодно, не смотря на жаркій лѣтній день, особенно при взглядѣ на ледяныя массы, нависшія надъ ущельемъ въ глубинѣ, въ задернутой легкимъ туманомъ дали.

Со дна ущелья мы поднялись на лѣвый склонъ по тропинкѣ, высѣченной среди скалъ, по карнизу склона, совершенно неразработанной, заваленной камнями, размытой дождями, надъ рѣчкой, которая въ борьбѣ съ препятствіями капризно мѣняя русло, то подбѣгаетъ къ самому склону и подмываетъ его у подошвы, то вновь исчезаетъ среди камней, и только брызги воды, взлетая на воздухъ трепещущей пылью, да оглушительный шумъ ея свидѣтельствовали, что рѣчка не пропала безслѣдно, а только на время зарылась среди морены.

У самаго селенія Халундой морена частью смытая водой, частью прикрытая наносной почвой и травами не такъ рѣжетъ глазъ своимъ сѣрымъ безжизненнымъ видомъ, хотя загроможденное горами и льдами въ перспективѣ ущелье не мѣняетъ своего унылаго вида, пробуждая невольное сожалѣніе къ тѣмъ, кому жестокая судьба опредѣлила такой непривѣтливый уголокъ для постояннаго мѣстопребыванія. Самое селеніе Халундой пріютилось на довольно возвышенномъ мѣстѣ, у сліянія двухъ рѣчекъ—Харгабе-ахкъ съ Хонотль. Послѣдняя выбѣгаетъ изъ тѣснаго ущелья того-же имени на востокѣ. Въ Халундоѣ считается 76 дворовъ съ 458 душъ обоего пола жителей. Сакли каменныя, сѣрыя тѣс-

но жмутся другъ къ другу, точно боятся затеряться среди дико всклокоченныхъ массъ, которыми сдавлено ущелье. Во всю долгую зиму халундоевцы не видятъ солнца, а весною оно заглядываетъ такъ поздно, что жители только въ началѣ лѣта заканчиваютъ посѣвы овса, пшеницы, которые вслѣдствіе раннихъ холодовъ очень часто не вызрѣваютъ или даютъ жалкій урожай. Главное занятіе жителей—скотоводство, но и въ этой отросли халундоевцы терпятъ много неудобствъ отъ недостатка свободныхъ земель, пастбищныхъ мѣстъ. Пришли мы въ Халундой еще далеко до сумерокъ, но небо такъ грозно заволоклось тучами, что итти дальше было рисковано, тѣмъ болѣе, что путь нашъ лежалъ къ ледникамъ, къ истокамъ рѣчки Харгабе-ахкъ, откуда, по первоначальному маршруту мы расчитывали черезъ перевалъ Харгабе перейти въ Тушетію къ селенію Дартло, что на рѣкѣ Пирикительской Алазани, и по верховью названной рѣки перевалить въ ущелье рѣки Чанты-Аргунъ къ Евдокимовскому укрѣпленію. Остановились мы въ кунацкой одного изъ жителей Халундоя: у старшины Багадура не оказалось даже путной сакли, что-бы принять насъ, да и во всемъ селеніи кунацкая Ошаго, гдѣ мы остановились, кажется, была единственная, гдѣ имѣлись двери и рамы въ окошкахъ. Остальныя сакли напоминали курятники съ небольшими отверстіями вмѣсто оконъ и дверей, куда, что-бы проникнуть взрослому человѣку, нужно было согнуться въ три погибели.

Сидя за чаемъ подлѣ окошка, мы съ грустью наблюдали, какъ изъ глубины ущелья налѣзали клубы зловѣщаго тумана и тихо неподвижно ложились на вершины, окружающихъ горъ. Прямо противъ селенія замыкалъ ущелье съ запада склонъ г. Сырчи-хи, извѣстный у халундоевцевъ подъ именемъ Тепу-барчъ, гдѣ нѣкогда произросталъ сосновый лѣсъ. Въ настоящее время среднія террасы закрыты березнякомъ, а нижнія раздѣланы подъ пашни. Рядомъ съ Сырчи-хи возвышается остроконечная г. Безкортъ, отрогъ Дзана-кортъ; на сѣверо-востокѣ—Хоме-ламъ, на пологихъ склонахъ котораго раскинулись халундоевскія пашни, виднѣлось кладбище, два-три крохотныхъ огорода, засаженные картофлемъ, а у самой подошвы, на крайней моренѣ, прижался аулъ. Дворы въ Халундоѣ, какъ и въ другихъ селеніяхъ, замѣняютъ плоскія крыши; улица одна, довольно широкая, сплошь

заваленная навозомъ, круто сбѣгаетъ къ рѣкѣ Хонотль, черезъ которую перекинутъ новый деревянный мостъ.

Народу собралось въ кунацкой много, дѣлать совершенно нечего и давай мы ворошить старину халундоевскую. По существующимъ преданіямъ, халундоевцы произошли отъ трехъ фамилій. Первая фамилія, самая древняя, образовавшаяся изъ братьевъ Мартала, явилась изъ Хевсуріи и съ незапамятныхъ временъ поселилась въ ущельи рѣчки Харгабе-ахкъ, основавъ селеніе Старый Халундой съ тремя высокими башнями, верстахъ въ двухъ отъ нынѣшняго Халундоя вверхъ по ущелью, гдѣ до настоящаго времени сохранились развалины башенъ. Вскорѣ младшій братъ не поладилъ съ остальными, переселился на противоположный берегъ Харгабе и сталъ жить отдѣльно. Затѣмъ изъ Тавліи явились новые выходцы изъ фамиліи Цумадой и съ разрѣшенія младшаго брата Мартала осѣли подлѣ его сакли. Такъ образовалось второе старое селеніе Халундой. Прошло много лѣтъ. Жители обоихъ селеній жили мирно. Земли тогда хватало на всѣхъ, пасли свои стада, работали и размножались. Разъ старшіе братья Мартала послали на рѣчку за водой. Случайно въ кувшинъ съ водой забралась ядовитая змѣя. Женщины не замѣтили, сварили кушанье, накормили мужей, дѣтей, поѣли сами, всѣ отравились и умерли. Остался одинъ грудной сынъ старшаго брата по имени Маха и то случайно. Съ противоположной стороны жена младшаго брата услыхала тревогу, которую подняли умирающіе отъ отравленія братья и стала кричать матери Маха, что-бы она не кормила ребенка грудью. Чувствуя себя дѣйствительно отравленной, мать не дала груди сыну, сама умерла, а ребенокъ остался живъ. Осиротѣвшаго мальчика взялъ на воспитаніе дядя, бросилъ несчастное мѣсто и вмѣстѣ съ Цумадоевцами, переселился въ нынѣшній Халундой, гдѣ много позднѣе къ нимъ присоединилась третья фамилія—Шаровцевъ.

По другому варьянту братья умерли не отъ отравленія, а слѣдующимъ образомъ. Разъ ночью спали они съ своими семьями въ башняхъ. Вдругъ кто-то расшаталъ стѣны башенъ, онѣ разрушились и задавили всѣхъ. Остался одинъ грудной сынъ младшаго брата, по имени Маха, котораго мать, прикрывъ собою, спасла отъ смерти: сама была задавлена, а ребенокъ остался живъ.

Вообще горные чеченцы большіе любители всевозможныхъ расказовъ, легендъ, въ которыхъ преобладающимъ элементомъ

является элементъ фантастическій, что непосредственно вытекаетъ изъ условій ихъ жизни, уединенной, замкнутой, куда рѣдко вливается свѣжая струя извнѣ. Чеченецъ не прочь пошутить, посмѣяться надъ глупостью, простоватостью своего же собрата, уснастить рѣчь поговорками, прибаутками, правоучительными выводами народной мудрости. „Не вѣрь женѣ, лошади и шашкѣ“, учитъ чеченская народная мудрость. „У кого въ головѣ мало, для того работа ногамъ. Чѣмъ дружитъ съ глупцомъ, лучше враждовать съ разумнымъ. Владѣлецъ восьми быковъ своимъ плугомъ пашетъ. Уцѣпившійся за хвостъ лошади переплылъ рѣчку; уцѣпившійся за хвостъ осла утонулъ. Не связанные съ умомъ глаза—слѣпцы. Напуганный лѣтомъ змѣею—зимою аркана пугается. Гдѣ лѣтомъ паслась коза—зимою волкъ отдыхаетъ“ и пр., и пр.

Въ Чечнѣ циркулируетъ цѣлая масса шутокъ анекдотовъ, въ большинствѣ случаевъ, не лишонныхъ остроумія и глубокаго смысла, въ которыхъ отливается своеобразное міровоззрѣніе чеченца, бытовыя особенности, сложившіеся и окрѣпшія не безъ участья суровой горной природы. Создаются подобныя шутки, анекдоты, разсказы вмѣстѣ съ планами на будущее, чаще всего зимою, въ длинные, зимніе вечера, когда вьюги и мятели отрѣзываютъ горнаго чеченца не только отъ всего живого міра, но и отъ сосѣдняго селенія, когда волей или неволей интересы его не выходятъ изъ узкаго круга бѣдной впечатленіями аульной жизни. Вотъ нѣсколько такихъ анекдотовъ, записанныхъ со словъ халундоевцевъ.

1.

Разъ ночью въ саклю одного чеченца забрались воры. Хозяинъ сакли не спалъ и слѣдилъ изъ подъ одѣяла, какъ они распоряжаются его имуществомъ, но голоса не подавалъ. Когда изъ сакли было вынесено рѣшительно все, кромѣ постели, на которой онъ лежалъ и воры ушли, наконецъ, чеченецъ всталъ, сложилъ постель, взвалилъ её себѣ на спину и пошелъ за ворами. Идутъ воры, а онъ за ними. Услыхали воры за собой шаги, оглянулись и узнали хозяина той сакли, которую только что обокрали.—„Ты тутъ зачѣмъ?“ обратились они къ нему.—„Я думалъ, что вы меня переселяете на новое мѣсто и захватилъ съ собой постель,“ спокойно отвѣтилъ тотъ и такъ пристыдилъ воровъ, что они не только вернули все его имущество, но каждую вещь снова положили на то мѣсто, откуда взяли.

2.

Вышелъ воръ ночью за селеніе, попытать счастіе и увидѣлъ муллу, который осторожно верхомъ пробирался въ селеніе.—„Зачѣмъ въ такую позднюю пору можетъ ѣхать мулла, да еще крадучись?“ подумалъ воръ и тихонько пошелъ за муллой. Ѣдетъ мулла, а воръ за нимъ. Подъѣзжаетъ мулла къ саклѣ одной вдовы, осторожно вводитъ во дворъ лошадь, а самъ въ саклю. Подошелъ воръ къ двери и слышитъ, какъ мулла, любезничая со вдовой, ласково говоритъ ей: „Я съ большимъ трудомъ, какъ при взятіи крѣпости Хайдаръ-кале, добрался до тебя!“ Понялъ воръ зачѣмъ мулла ѣздитъ крадучись по ночамъ, сѣлъ на его лошадь и смѣло ускакалъ. На слѣдующій день былъ праздникъ—пятница. Всѣ спѣшили въ мечеть помолиться Богу. Пріѣхалъ и воръ на украденной имъ лошади. Увидѣли родственники муллы лошадь и стали говорить, что это лошадь ихъ; посмотрѣлъ на лошадь мулла и тоже призналъ ее своею.—„Какъ тебѣ не стыдно врать, мулла?“ возмутился воръ; „развѣ ты не помнишь съ какимъ трудомъ досталась мнѣ эта лошадь при взятіи крѣпости Хайдаръ-кале!“—Мулла смутился и отказался отъ лошади.—„Мнѣ показалось, что она похожа на мою лошадь“, смущенно проговорилъ онъ: „но я ошибся; лошадь дѣйствительно твоя!“ Такимъ образомъ воръ навсегда завладѣлъ лошадью муллы, какъ своей собственной.

На слѣдующее утро въ сѣрой мглѣ тумана и свинцовыхъ тучъ затонуло не только небо, но все ущелье, окружающія горы, даже отъ самыхъ ближайшихъ холмовъ виднѣлись только подошвы, съ влажными, помятыми ночнымъ ливнемъ хлѣбами и травами, а дождь мелькій, частый, совершенно осенній продолжалъ сѣять словно изъ сита на потемнѣвшія плоскія крыши аульныхъ построекъ, при тускломъ свѣтѣ сѣраго дня совсѣмъ жалкихъ, сумрачныхъ, точно посинѣвшихъ отъ сырого, холоднаго вѣтра, которымъ продувало селеніе. Не дай Богъ никому застрять въ аулѣ въ ненастную погоду! Сидѣть безъ дѣла вообще скучно, но сидѣть безъ дѣла въ аулѣ и наблюдать, какъ вода хлюная сбѣ-

гаетъ съ плоскихъ крышъ и, собираясь въ мутные ручьи, выноситъ въ рѣчку аульный мусоръ или какъ женщины, чуть ни по колѣна погружаясь въ жидкій навозъ, лопатами чистятъ овчарни, а полунагіе и въ стужу, и въ жару ребятишки подъ навѣсомъ сакли съ азартомъ играютъ въ альчики, гдѣ подлѣ нихъ прижавшись въ уголъ непремѣнно сидитъ на корточкахъ старый, дряхлый старикъ чеченецъ съ крашенной бородой (у чеченцевъ сѣдина считается неприличнымъ украшеніемъ бороды и рѣдкій старикъ не закрашиваетъ ее рыжей иногда даже совсѣмъ красной краской мѣстнаго изготовленія) и остругиваетъ палочки для верховой ѣзды малолѣтнихъ внучатъ; прислушиваться, какъ тоскливо блеютъ молодые ягнята, замычитъ отставшая отъ стада корова или, шарахнувшись съ мѣста за бродячей собакой, вдругъ огласитъ воздухъ хриплымъ произительнымъ лаемъ домашній песъ и вступитъ въ драку не на животъ, а на смерть, пока съ громаднымъ дрючкомъ не выскочитъ изъ сакли хозяинъ и не разгонитъ неугомонныхъ; сидѣть въ безпомощномъ ожиданіи, когда разъяснится небо, проглянетъ хоть лучъ надежды на скорое избавленіе изъ мучительнаго заключенія,—такая тоска, съ которой можетъ сравниться развѣ только одиночное заключеніе.

Нужно отдать справедливость гостепріимнымъ хозяевамъ, которые употребляли всѣ мѣры, что-бы не дать намъ скучать: собрали дѣвушекъ, парней, устроили танцы, гимнастическія упражненія, поразительныя по ловкости, съ которою два молодыхъ парня продѣлывали разныя весьма сложныя движенія руками, ногами и туловищемъ, съ обнаженными кинжалами, и въ концѣ концовъ пришли въ такой азартъ, что чуть не передрались другъ съ другомъ, когда одинъ превзошолъ ловкостью другого. Выкопали откуда-то картину страшнаго суда, извѣстное московское лубочное изданіе, Богъ знаетъ какъ занесенное въ Халундой, на которой грѣшники и варяться, и жарятся, и тонутъ въ огненной лавѣ, и проглатываются страшнымъ чудовищемъ—змѣемъ, а праведники наслаждаются въ раю. Конечно никто изъ халундоевцевъ не понималъ значенія картины и наши разъясненія произвели на магометанскій людъ совершенно неожиданное сильное впечатлѣніе. Особенно одинъ старикъ пришелъ въ окончательное уныніе, когда узналъ какое страшное наказаніе ожидаетъ за обиды и притѣсненія вдовъ и сиротъ. Оказалось, годъ тому назадъ онъ взялъ у одной бѣдной вдовы лошадь, не присмотрѣлъ за ней,

а она сорвалась въ кручу и убилась до смерти. Лишонная послѣдней поддержки, вдова стала требовать съ него денежное вознагражденіе за убитую лошадь, но старикъ, ссылаясь на то, что лошадь убилась сама, отказался удовлетворить ея требованіе. И вотъ теперь подъ вліяніемъ нашихъ разъясненій такъ испугался будущихъ наказаній, что тутъ же заявилъ старшинѣ о своемъ желаніи отдать вдовѣ свою лошадь за убившуюся. Но какъ не полезно было наше пребываніе среди темныхъ обитателей Халундоя, мы все таки несказанно обрадовались, когда дождь перестал сыпать и сквозь сѣрыя тучи прорвался кусочекъ синяго неба, а туманъ рѣдѣя сталъ подниматься къ вершинамъ.

Малочи, расположившійся было скоротать весь денекъ въ Халундоѣ, былъ непріятно поражонъ нашимъ приказаніемъ навьючивать лошадей для дальнѣйшихъ странствованій. Спустившись къ мосту черезъ рѣчку Хонотль, которая впадаетъ въ Харгабеахкъ съ востока изъ боковаго ущелья того-же имени съ покатымъ, каменистымъ дномъ, обставленнымъ высокими горами съ пышной субъальпійской растительностью, гдѣ лежатъ пастбищные луга, мы пошли на югъ, вверхъ по ущелью Харгабе-ахкъ. Путь шелъ по тропинкѣ у подошвы лѣваго скалистаго склона съ кудрявыми порослями березняка и ярко-зеленаго папортника въ тѣни, подъ скалами, по лѣвому берегу рѣчки, очень шумной и бурной, благодаря выпавшимъ дождямъ. Вначалѣ ущелье Харгабе-ахкъ довольно широкое; рѣчка бѣжитъ въ просторномъ ложѣ, среди низкихъ береговъ, закрытыхъ валунами, съ небольшими луговинами, затканными короткимъ дерномъ. При тускломъ свѣтѣ сѣраго дня, наполовину закрытое непроницаемой пеленой тумана, оно глядѣло еще печальнѣе и безотраднѣе. Три руины, остатки башенъ, построинныхъ, по преданію, братьями Мартала, гдѣ такъ печально закончились ихъ дни, возвышаясь на пригоркѣ, у подошвы лѣваго склона, среди скалъ и хаотически разбросанныхъ громадныхъ камней, являлись какимъ-то страннымъ диссонансомъ, заблудившимися странницами, безвременно погибшими тамъ, гдѣ сама природа какъ-бы протестовала противъ ихъ совмѣстнаго существованія съ человѣкомъ. Не хотѣлось вѣрить, что-бы человѣкъ всостояніи былъ остаться въ этой мрачной трещинѣ больше того времени, сколько требуется, что-бы быстрымъ шагомъ пройти ее. Всего вѣроятнѣе, что ни отравленіе ядовитой змѣей или невѣдомый врагъ, разрушившій надъ спящими посе-

ленцами стѣны башни, а гнетущая тоска, протестующій духъ человѣческій и невозможность приспособить хоть отчасти неблагопріятныя окружающія условія,—заставили легкомысленныхъ переселенцевъ искать другаго пріюта...

Мѣстами ущелье съуживалось; сдавленная рѣчка, точно разъяренный звѣрь, вся бѣлая отъ пѣны клокотала въ тѣсномъ руслѣ, промытомъ среди древней морены, которой снова застилалось дно тѣмъ выше, чѣмъ дальше мы подвигались впередъ. Небо опять покрылось тучами и снова пошолъ дождь. Впереди весь горизонтъ застилалъ туманъ, горы также вершинами тонули въ туманѣ. Мракъ, холодъ и сырость кругомъ! Скользя по мокрымъ камнямъ, занесеннымъ то иломъ, то щебнемъ разрушенныхъ породъ, мы поднимались все выше и выше. Съ праваго боку, смытая водою морена обнажала низменный берегъ, закрытый сочными и влажными отъ дождя травами, рѣдкимъ кустарникомъ, за то впереди, скопляясь громадной массой, въ видѣ отвѣсной стѣны, въ нѣсколько десятковъ саженъ вышиною, морена, казалось, запирала наглухо ущелье. Размытый двумя потоками, слѣва рѣчкой Харгабе-ахкъ, а справа Азанъ-ахкъ, вытекающей изъ боковой котловины того-же имени, моренный покровъ въ этомъ мѣстѣ вдается въ ущелье громаднымъ зубчатымъ остроконечнымъ мысомъ. Пробираясь по боковой тропинкѣ, мы не безъ труда и усилій взобрались на вершину мыса. Передъ нами открылась ровная покатая поляна, закрытая прекрасной субъальпійской растительностью, гдѣ въ видѣ исключеній на ярко-зеленомъ фонѣ травъ и печально поникшихъ цвѣтовъ выставляли сѣдыя головы моренные валуны, нѣмые свидѣтели громадныхъ ледяныхъ массъ, которыми нѣкогда заполнялось все ущелье.

Совершенно промокшіе отъ дождя и влажной, высокой травы, мы долго шли по краю поляны, надъ крутымъ, обрывистымъ спускомъ въ рѣку, которая зарылась отъ насъ глубоко внизу и злобно шипѣла. Надвигаясь съ обѣихъ боковъ, горы сдавили ущелье въ тѣснину. Изъ глубины сорвался вѣтеръ и всколыхнулъ сѣрую неподвижную массу тумана. Вдали бѣлѣлъ снѣгъ. Громадный осовъ, свалившись съ лѣваго склона, прикрылъ рѣчку и дно тѣснины на нѣсколько десятковъ саженъ впереди. Среди бѣлаго снѣга одиноко темнѣлъ валунъ. Это не былъ камень, а цѣлый курганъ, громадная скала, обломанная очевидно ледяными сдвигами и вынесенная на поверхность тѣснины, на могучей груди

тѣхъ-же ледяныхъ массъ, можетъ быть, многія сотни лѣтъ тому назадъ. Это одно изъ замѣчательныхъ по своей суровой красотѣ мѣсто! Надъ снѣговымъ осовомъ, высовываясь изъ подъ сѣрой шапки тумана мертвымъ ледянымъ языкомъ, повисъ ледникъ съ горы Дзана-кортъ, изъ нѣдръ котораго выбивался цѣлый потокъ прозрачной, хрустальной воды и, разбиваясь о скалы въ мелкія брызги, бѣлымъ каскадомъ срывался съ громадной высоты внизъ, въ пробитую водой щель снѣгового моста, на дно тѣснины, откуда, погребенная подъ осовомъ рѣка, глухо вторила оглушительно-шумному водопаду. Въ вечернемъ сумракѣ этотъ столбъ бѣлыхъ пѣнистыхъ брызгъ между снѣгомъ и льдомъ, среди сѣрой гущи тумана, темныхъ селуэтовъ щетинистыхъ скалъ, въ мрачной тѣснинѣ, гдѣ за свистомъ вѣтра и шумомъ воды не слышно было собственнаго голоса, на свѣжаго, не привычнаго человѣка производилъ ошеломляющее впечатлѣніе, точно живая картина съ мрачнаго Дантовскаго ада!..

Утопая въ мягкомъ рыхломъ снѣгу, мы перешли мостъ, поднялись еще на одну террасу. Передъ нами открылась широкая котловина, дно которой тонуло въ яркой зелени травъ, а бока въ сѣрой мглѣ тумана. Здѣсь рѣшено было остановиться, тѣмъ болѣе что на смѣну вечернихъ сумерокъ надвигалась темная, ненастная ночь. На ровной площадкѣ подъ дождемъ и вѣтромъ мы разбили палатку, кое какъ обсушили у костра одежду, вещи и скоротали ночь. Слѣдующее утро было ясное. Вѣтеръ разсѣялъ туманъ, разогналъ тучи. На ясномъ безоблачномъ небѣ съ ранняго утра загорѣлось солнце, освѣтило, согрѣло и обласкало преунывшее ущелье, придавая даже сѣрымъ скаламъ, безжизненнымъ льдамъ какой-то праздничный, нарядный видъ. Наканунѣ мы хорошенько не разглядѣли гдѣ мы, и что передъ нами. Теперь, при яркомъ заревѣ солнца, увидѣли мы котловину, замкнутую на югѣ громаднымъ Пиракительким хребтомъ между горами, съ запада—Доносъ-мта и съ востока—Дзана-кортъ (Диклосъ-мта), на высотѣ свыше семи тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Котловина эта, расчлененная слѣва узкой, скалистой трещиной, опушенной густымъ кустарникомъ, съ безымянной рѣчкой на днѣ, выступала во всѣхъ подробностяхъ своего оригинальнаго рельефа, съ неправильно изломанными то выпуклыми, то вогнутыми боками, со всѣми своими льдами, снѣгами, рытвинами, расщелинами, вся какъ на ладони, благодаря совершенно прозрачному воздуху!

Зыбкое, неровное дно котловины, точно бархатомъ задернутое пышною зеленью травъ съ влажными отъ ночного ненастья яркими субъальпійскими цвѣтами, приподнимаясь небольшими террасами, незамѣтно подползала къ подошвамъ окружающихъ горъ, гдѣ заваленное валунами конечной морены или сѣробурыми безформенными массами грязнаго льда, теряла свой травянистый покровъ. Съ вершинъ, увѣнчанныхъ льдами и ослѣпительно бѣлымъ сверкающимъ снѣгомъ, ледяные потоки, застревая во впадинахъ, среди черныхъ гладко-обточенныхъ, характерныхъ ледниковыхъ скалъ шифернаго сланца, въ видѣ обширныхъ ледяныхъ полей, глетчеровъ,—мертвыми, застывшими каскадами или ледяными языками сползали по морщинистымъ, изрытымъ, изборожденнымъ склонамъ до самаго дна, гдѣ, подтаивая изнутри, рождали ручьи, потоки, которые въ свою очередь, подмывая и подтачивая ледъ и лежащія подъ льдомъ породы, образовывали мрачные гроты, ледяныя пещеры. Въ юго-западномъ углу котловины съ горы Харгабе-ламъ сползало цѣлыхъ шесть такихъ ледяныхъ каскадовъ, раздѣленныхъ грязевыми полосами, гривами черныхъ обнаженій шифернаго сланца, а на выпуклыхъ пригрѣвахъ—узкими лужайками, закрытыми зеленью короткаго дерна. Изъ подъ льдовъ выбѣгало нѣсколько раздробленныхъ, мутныхъ потоковъ, которые, сливаясь и вбирая по пути въ другіе ручьи и потоки, сбѣгали по глубокой ложбинѣ внизъ въ ущелье. Это и есть истоки рѣчки Харгабе-ахкъ.

На юго-западѣ почти подъ самымъ сводомъ синяго, яснаго неба вырисовывался гладкій снѣговой конусъ вершины Дзанакортъ, съ не менѣе грандіозными залежами льда и блестящаго снѣга, отороченнаго зубчатыми гребнями скалистыхъ обнаженій, тѣ самые ледники, отъ которыхъ наканунѣ, за сѣрою мглою тумана мы видѣли только конецъ ледяного языка, да шумный водопадъ. Съ сѣвера вдоль всей котловины возвышалась древняя морена въ видѣ продольнаго увала или застывшей зеленой волны съ покатыми склонами, закрытыми отъ подошвы, до самаго верху такою-же пышной растительностью, какъ и дно котловины. На сочныхъ лугахъ паслись халундоевскія стада подъ надзоромъ злыхъ горныхъ овчарокъ, которыя время отъ времени, заслышавъ шумъ нашихъ голосовъ, оглашали воздухъ лѣнивымъ, протяжнымъ лаемъ, давая знать пастухамъ, погруженнымъ гдѣ нибудь на солнечномъ пригрѣвѣ въ свои одинокія думы, что въ котловинѣ не все обстоитъ благополучно. Здѣсь мы прожили цѣлыхъ два дня, не безъ удовольствія приглядываясь къ этому интересному уголку, съ разнообразной флорой, характерными слѣдами грандіозныхъ ледниковыхъ переворотовъ, которые много разъ пережила котловина, прежде чѣмъ получила современную физіономію и Богъ его знаетъ, что еще переживетъ въ будущемъ, благодаря неустойчивымъ скопленіямъ ледяныхъ массъ на окружающихъ высотахъ. Между травами очень многія употребляются мѣстными жителями въ пищу. Такъ душистая трава, напоминающая нашу петрушку подъ названіемъ „цытышъ" служитъ приправою къ туземному супу. Въ сыромъ видѣ въ громадномъ количествѣ уничтожаются дикій кавказскій чеснокъ (черемша), особенно ранней весной, когда молодые ростки только начинаютъ пробиваться изъ подъ снѣга дикій щавель и дикій укропъ. Всѣми этими дарами природы не преминули воспользоваться и мы для сдобренія нашего спартанскаго супа, въ которомъ давно плавала только одна баранина.

Намѣреніе наше переправиться въ Тушетію оказалось неисполнимымъ. Если и находились такіе смѣльчаки, которые рисковали на такой переходъ черезъ перевалъ Харгабе, то, во всякомъ случаѣ, не въ такое время когда благодаря предшествующей непогодѣ всѣ горы буквально были завалены свѣжимъ, рыхлымъ снѣгомъ. Мы рѣшили направиться къ Евдокимовскому укрѣпленію другимъ путемъ черезъ селеніе Сантухой. Погода благопріятствовала намъ. Перебывъ еще денекъ, раннимъ утромъ мы навьючили свои пожитки на лошадей и тѣмъ же путемъ вернулись въ Халундой, гдѣ слегка отдохнувъ и подкрѣпивши силы, снова спустились черезъ селеніе Кеселой въ Шаро-Аргунское ущелье, по дну котораго бѣжала тропинка въ юго-западномъ направленіи на селеніе Сантухой. Въ этой своей части ущелье залегаетъ среди высокихъ покатыхъ склоновъ, съ сѣвера горы Керей-кау и ея отроговъ, расчлененныхъ боковыми проходами, а съ юга Сырчихи и Естенчу. Послѣ суровыхъ видовъ подъ ледниками взоръ пріятно отдыхалъ на мягкихъ склонахъ окружающихъ горъ, всхолмленныхъ пушистыми волнами продольныхъ террасъ, которыя не рвались бѣшенно внизъ и неподавляли взора своею неприступностью, а, вздымаясь отъ самыхъ подошвъ подъ покровомъ пышной растительности, постепенно сглаживались у вершинъ, гдѣ, разъединенныя синеватымъ просвѣтомъ надъ капризнымъ из-

ломомъ скалистыхъ гребней, стройными рядами возвышались деревья. Здѣсь мы снова вступили въ область роскошныхъ лиственныхъ лѣсовъ! Лѣсомъ закрывался весь лѣвый бокъ ущелья, каждая склада, каждая балка, боковыя ущелья; послѣднія на подобіе искусственно разукрашенныхъ тріумфальныхъ воротъ то и дѣло открывали свои живописныя пасти. Озаренный яркимъ полуденнымъ свѣтомъ жгучаго, южнаго солнца, пышный покровъ лѣса, точно море, переливался всевозможными оттѣтками, отъ яркой, словно позолоченной зелени освѣщенныхъ мѣстъ, до темной почти черной окраски въ тѣснистыхъ ложбинахъ и впадинахъ... На просторномъ днѣ ущелья лѣса значительно разрѣжены. Высокія, стройныя березы, дрожащая осина, липа, ясень, изрѣдка черемуха,—небольшими группами и въ одиночку затѣняли низкіе берега, гдѣ мирнымъ потокомъ въ просторномъ руслѣ несъ свои сѣдыя волны мутный Шаро-Аргунъ, аккомпанируя тихимъ журчаніемъ, веселому чириканью мелкихъ пташекъ или тоскливому оклику сѣрой кукушки и другимъ многочисленнымъ обитателямъ тѣнистыхъ лѣсовъ.

Правый бокъ ущелья бѣднѣе растительностью. Покатые склоны почти совершенно обнажены, скалисты. Рыжій мохъ на скалахъ, низкій кустарникъ изъ черной смородины и бузины, иногда небольшія поросли клена, высокія зеленыя травы, папортники составляли преобладающую растительность праваго склона. Не смотря на свое богатство, красоту и разнообразіе, ущелье въ этомъ мѣстѣ совершенно необитаемо. По крайней мѣрѣ никакихъ слѣдовъ осѣдлаго пребыванія человѣка мы не видали. Въ памяти обитателей окрестныхъ селеній повидимому тоже не сохранилось никакихъ историческихъ или бытовыхъ воспоминаній, связанныхъ съ этою частью Шаро-Аргунскаго ущелья. Кромѣ разсказовъ на современную злобу дня—о кражахъ лошадей, которыя по тропинкамъ боковыхъ ущелій легко направляются въ Тифлисскую губернію, или, какъ одинъ воръ, переправляя краденную корову, былъ застигнутъ погоней и что-бы скрыть слѣды, столкнулъ несчастную въ пропасть,—ни отъ Багадура, мѣстнаго старожила, ни отъ Малочы, мы ничего другого не слыхали. Можетъ быть, благодаря только малой населенности, ущелье и сохранилось до нашихъ дней не обезображеннымъ жестокой алчностью невѣжественнаго человѣка!...

Къ вечеру небо стало заволакиваться тучами. Откуда-то издалека доносились раскаты грома, изрѣдка сверкала молнія. Холодный пронзительный вѣтеръ не предвѣщалъ ничего хорошаго. Мы торопились насколько было возможно поскорѣе добраться до селенія. Верстахъ въ трехъ отъ аула Сантухой съ юга въ Шаро-Аргунъ впадаетъ быстрая многоводная рѣчка Доной-ламъхи, берущая начало изъ подъ ледниковъ громадной горы Доной-ламъ, одной изъ самыхъ высокихъ вершинъ Пирикительскаго хребта. Видъ на ущелье замѣчательный! Открываясь довольно съуженнымъ устьемъ, по дну котораго въ одномъ руслѣ шумнымъ потокомъ струится рѣчка Доной-хи, въ глубинѣ ущелье разширяется въ просторную котловину, расчлененную громаднымъ выступомъ или возвышеннымъ островомъ, несомнѣнно остатокъ поперечнаго отрога, нѣкогда наглухо преграждавшаго въ этомъ мѣстѣ ущелье. Съ обѣихъ сторонъ выступъ омываютъ потоки раздробленной рѣчки, которыми прорваны и размыты въ отрогѣ двѣ арки, обрамленныя скалами со сводами изъ наклонившихся съ береговъ надъ потоками стволами и шапками развѣсистыхъ деревьевъ. И выступъ, и бока ущелья на много верстъ впереди тонули въ чащѣ густого лѣса, пышной древесной растительности, до самой отвѣсной стѣны Доной-лама, гдѣ субальпійскія травы, застилая яркою и пышною зеленью среднія террасы, постепенно чахли и гасли, а вмѣстѣ съ ними угасала и жизнь на обнаженныхъ, запорошенныхъ снѣгомъ черныхъ скалахъ, среди громаднаго ледяного поля, подъ самымъ сводомъ облачнаго неба, которымъ собственно и завершалась эта въ высшей степени живописная картина.

От впаденія Доной-хи въ Шаро-Аргунъ тропинка круто полезла въ гору по правому склону, разсѣченному сѣрыми осыпями, съ глубокими промоинами, безобразно вехолмленному и почти совершенно лишенному растительности. Да и ни одинъ правый склонъ, а вообще всѣ окружающія горы какъ-то рѣзко измѣнили свою физіономію, обѣднѣли растительностью, оскудѣли красками, пожелтѣли, сморщились, точно послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни. Шаро-Аргунъ забился въ трещину, промытую въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, набѣгая съ обоихъ боковъ, пологіе склоны образуютъ самую глубокую часть ущелья. На сѣромъ фонѣ оголеннаго ущелья единственнымъ отраднымъ пятномъ являлись поросли кустарника слѣва, да и то незначительныя. Впереди темнѣлъ хуторъ Кебаса,—пять, шесть сѣрыхъ каменныхъ са-

клей, гдѣ кромѣ собакъ мы не встрѣтили ни единой живой души, а за нимъ самое селеніе Сантхой, какъ большинство горныхъ селеній, примостившееся на вершинѣ крутой горы Сантхой-ламъ, которая скалистымъ, обрывистымъ выступомъ вдается въ ущелье справа. Аулъ Сантхой—крайній населенный пунктъ по Шаро-Аргунскому ущелью. Высокая башня на краю обрыва уже значительно подточенная временемъ, видавшая должно быть много видовъ на своемъ вѣку, свидѣтельствовала, что избрать для поселенія именно этотъ выступъ, заставили предковъ сантхоевцевъ чисто стратегическія соображенія. Съ вершины выступа ущелье открывалось на много верстъ вправо и влѣво,—условіе весема важное въ смутное прошлое время, когда народныя бродячія волны то и дѣло наводняли Кавказъ и его ущелья, причиняя разрозненнымъ обществамъ осѣдлыхъ обитателей много бѣдъ и несчастій. Съ высоты почти шести тысячъ футовъ, на которой пріютился аулъ, подъ защитой естественныхъ преградъ и искусственныхъ сооруженій въ видѣ башенъ, даже незначительной группѣ людей легко было предупредить опасность, не допустить, а въ крайнемъ случаѣ справиться съ неорганизованными, хотя часто многочисленными силами непріятеля, отстоять свою жизнь и независимость. Но если подобное положеніе селенія имѣло свои выгоды въ прошломъ, то въ настоящее время, кромѣ неудобствъ и всевозможныхъ лишеній сантхоевцы ничего не терпятъ, живя на неприступной горѣ, гдѣ зимнія вьюги и мятели заносятъ ихъ снѣгомъ, весенніе потоки и проливные дожди сносятъ постройки, а доставка жизненныхъ продуктовъ сопряжена съ такими неудобствами, что большинство сантхоевцевъ предпочитаютъ зимовать на хуторахъ внизу и только лѣтомъ переселяются на дѣдовское пепелище. Мы снова спустились внизъ. У самаго селенія ущелье опять расширяется. По плоскому дну, занесенному галькой, Шаро-Аргунъ, раздробленный на нѣсколько рукавовъ, струится въ широкомъ руслѣ. Съ сѣвера передъ нами узкой щелью открылось ущелье рѣчки Кеичу, которая вырвавшись на свободу мечется, бьется среди каменистаго дна, пока наконецъ не теряетъ свои кипучія прозрачныя воды въ мутныхъ волнахъ Шаро-Аргуна.

Здѣсь, у Сантхоя, мы навсегда простились съ Шаро-Аргуномъ. Протягиваясь еще верстъ на десять, пятнадцать къ юго-западу между сѣвернымъ скалистымъ склономъ Пирикительскаго

хребта и южнымъ болѣе пологимъ склономъ одного изъ его отроговъ, Кабу-ламъ, Шаро-Аргунское ущелье чѣмъ выше поднимается къ истокамъ рѣки, тѣмъ становиться все глубже, тѣснѣе и, наконецъ, такими вершинами названнаго хребта, какъ на югѣ Малый-Качу, а на западѣ—Катеръ-чія, Костухъ-кортъ и др., изъ подъ ледниковъ которыхъ беретъ свое начало нашъ старый знакомецъ и долгій спутникъ мутный Шаро-Аргунъ, на глухо запирается на юго-западѣ. Перейдя рѣчку Кеичу, мы снова полѣзли вверхъ по чрезвычайно крутой, извилистой тропинкѣ на Сантхой-ламъ къ селенію Сантхой и поднимались безъ отдыху и остановки почти цѣлый часъ по твердому, каменистому грунту, пока наконецъ добрались до сѣрой сантхоевской башни, гдѣ принаряженные въ праздничные черкески и чистые бешметы насъ встрѣтили старики и почетные жители селенія со старшиной во главѣ. По узкой, грязной и единственной сантхоевской улицѣ мы направились къ кунацкой старшины. Откуда-то снизу вдругъ раздалось заунывное протяжное пѣніе. Цѣлая группа дѣвушекъ въ разноцвѣтныхъ яркихъ бешметахъ медленно поднималась отъ рѣчки, какъ объяснилъ намъ Малочи, привѣтствуя насъ, хвалебной пѣсней. Костюмъ ихъ нѣсколько отличался отъ котюма дѣвушекъ другихъ чеченскихъ селеній. На нихъ было больше украшеній. На груди блестѣли массивныя серебреныя, а у нѣкоторыхъ позолоченныя, застежки, а на шеѣ ожерелье изъ мелкой серебреной монеты. Такой-же серебреной монетой были украшены боковые швы бешмета отъ рукава до самаго подола. Изъ подъ бѣлыхъ тюлевыхъ платковъ, небрежно накинутыхъ на головы, виднѣлись подрѣзанные на лбу волосы въ видѣ густой чёлки и это не у однихъ дѣвушекъ, а у всѣхъ сантхоевскихъ женщинъ.

Аулъ раскинулся на покатой площадкѣ и состоитъ всего изъ 56 дворовъ, съ населеніемъ 359 человѣкъ обоего пола. Сантхоевскія сакли, сложенныя изъ черныхъ плитъ шифернаго сланца, глядѣли еще сумрачнѣе, бѣднѣе, неварчнѣе. Даже въ кунацкой старшины было всего одно крохотное оконце съ выбитыми стеклами и узкой низенькой дверью. Въ сакляхъ другихъ жителей окна совсѣмъ отсутствовали: ихъ замѣняли бойницы, узкія, продолговатыя отверстія. Какъ селеніе порубежное и при томъ одинъ изъ самыхъ глухихъ, отдаленныхъ, захолустыхъ уголковъ Чечни, аулъ Сантхой и его обитатели представляли для насъ

большой интересъ. Къ сожалѣнію, подавленные современными неурядицами, жители повидимому очень мало интересовались своимъ прошлымъ. Кто были ихъ предки и откуда пришли въ Шаро-Аргунское ущелье сантхоевцы хорошенько и сами не знали. Одинъ восьмидесятилѣтній старикъ, по имени Эми, объяснилъ намъ, что по преданію сантхоевцы произошли отъ трехъ фамилій. Первая фамилія явилась изъ селенія Шикорой, отцомъ которой былъ какой-то Барра; вторая изъ селенія Доной, Тифлисской губерніи, Тіонетскаго уѣзда изъ мѣста Боцой и, наконецъ, третья—изъ Хочароя. Къ этому времени относится постройка башни. Вотъ все, что знали сантхоевцы о своемъ прошломъ. Шикорой и Хорачой—чеченскія селенія, существующія и по нынѣ. По всей вѣроятности основателями Сантхоя, какъ и другихъ селеній по Шаро-Аргунскому ущелью, были не одни чеченцы, но и другія бродячія народныя группы, выходцы изъ Закавказья, можетъ быть, даже и изъ глубины Азіи, которые слившись съ коренными обитателями, осѣли на окружающихъ горахъ.

Главную современную злобу дня сантхоевцевъ составляетъ малоземелье. Земли у нихъ такъ мало, что собственнаго хлѣба хватаетъ всего на полтора, много на два мѣсяца. Помимо хлѣбопашества сантхоевцы занимаются еще скотоводствомъ, которое также стѣснено недостаткомъ пастбищныхъ мѣстъ. Отрогъ Кабулама, наполовину совершенно обнаженный и не пригодный ни для какого употребленія, составляетъ все ихъ достояніе. Наконецъ, эта безпріютность, необходимость бросать насиженныя сакли на семь, восемь мѣсяцевъ длинной зимы и жить по хуторамъ, а лѣтомъ снова перекочевывать обратно въ селеніе, влечетъ за собою массу неудобствъ, съ которыми едва-ли можетъ примириться хоть мало-мальски домовитый хозяинъ. Отсутствіе домовитости, и различныхъ домашнихъ пристроекъ и приспособленій для лошади, коровы, овцы, курицы, съ которыми неразрывно связано существованіе каждаго сельскаго жителя,—рѣзко бросалась въ глаза въ Сантхоѣ. Хозяйство ихъ разбросано, раскидано по разнымъ угламъ и требуетъ много лишняго труда, ненужныхъ усилій для своего веденія. Сколько не обращались жители съ просьбой объ отведеніи болѣе удобнаго мѣста подъ селеніе, начальство и по нынѣ не можетъ удовлетворить этой дѣйствительно насущной потребности сантхоевцевъ. Къ ночи погода окончательно испортилась. Поднялся вѣтеръ, да не просто вѣтеръ, а цѣлый ураганъ, которымъ, казалось, вотъ, вотъ весь Сантхой со всѣми его саклями и обитателями поднимется на воздухъ или снесется въ кручу. Вѣтеръ свисталъ въ трубахъ, задувалъ въ окошки, въ двери, обсыпалъ беззащитное селеніе мелкимъ щебнемъ и камнями. На утро мы были поражены неожиданнымъ зрѣлищемъ. Въ разгарѣ лѣта, двадцать пятаго іюня, Сантхой и всѣ окружающія горы тонули въ снѣгу. Яркое лѣтнее солнце горѣло на ясномъ, синемъ небѣ, а бѣлый ослѣпительно сверкающій снѣгъ на полъаршина прикрывалъ ущелье!...

Не смотря на трудность путешествія по снѣгу, мы рѣшили двинуться дальше въ тотъ же день, тѣмъ болѣе, что погода стояла ясная. Изъ селенія Сантхой мы снова спустились внизъ и пошли на сѣверъ по ущелью рѣчки Кеичу. Трудно передать съ какимъ трудомъ приходилось дѣлать каждый шагъ по мокрой глинѣ прикрытой снѣгомъ. Ущелье Кеичу залегаетъ среди глинистыхъ склоновъ Кабу-лама и Керей-кау, вначалѣ довольно тѣсное, совершенно лишено древесной растительности, мѣстами завалено глинистыми оползнями и сильно размыто рѣчкой. Спотыкаясь, скользя и падая, мы поднялись на правый склонъ, обогнули бугоръ и снова спустились внизъ. Здѣсь слѣва ущелье прикрыто молодымъ лѣсомъ. Но что за картина! Ночнымъ ураганомъ многія деревья повырваны съ корнемъ и живыми мертвецами съ ярко-зеленой еще не успѣвшей поблекнуть листвой безпомощно валялись по склону внизъ головами надъ рѣчкой, иныя, не выдерживая тяжести снѣга, надломились, иныя потеряли самыя крупныя вѣтви. Кое-гдѣ изъ подъ снѣга обнажались зеленыя лужайки съ почернѣвшими и поблекшими отъ ночной стужи цвѣтами. Солнце грѣло, снѣгъ таялъ. Безчисленное множество ручьевъ, потоковъ, точно ранней весной сбѣгало съ горъ на дно, въ рѣчку. Отсюда намъ предстояло крупное испытаніе: изъ ущелья рѣчки Кеичу черезъ перевалъ Итынъ-куль перейти въ ущелье рѣчки Хочарой-ахкъ. Передъ нами внушительной волнистой стѣной возвышался восточный отрогъ хребта Кабу-ламъ, который, соединяясь съ западнымъ отрогомъ Черхунышъ-кортъ, на высотѣ 7847 футовъ надъ уровнемъ моря образуетъ перемычку, извѣстную подъ именемъ перевала Итынъ-куль. Конечно, о тропѣ или тѣмъ болѣе о дорогѣ здѣсь не могло быть и рѣчи. Дороги вообще въ горахъ рѣдки, а тропа, если и была, то подъ снѣгомъ отыскать ее составляло гораздо больше трудностей и проволочки во времени

чѣмъ итти на прямикъ. Мы прямо полѣзли на выпуклый выступъ. Нога тонула въ снѣгу, вязла и скользила по глинистому скату. Два шага впередъ и шагъ назадъ составляли обычное передвиженіе. Съ величайшими трудностями взобрались мы на первую террасу, преотдохнули и снова полѣзли на террасы вторую и третью. Здѣсь даже лошадь, привычная горная лошадь, начала спотыкаться!

На перевалѣ, который представляетъ сѣдловидную выемку между двухъ вершинъ, снѣгу ужъ не было. Небольшими бѣлыми пятнами онъ залегалъ только по ложбинамъ, да во впадинахъ. Пріютившись на обсохшей лужайкѣ, мы отдохнули, обогрѣлись, обсушили ноги, подкрѣпили силы. Малочи со старшиной даже изрядно выпили араки, прескверной водки мѣстнаго изготовленія. Хотя закономъ Магомета употребленіе спиртныхъ напитковъ строго воспрещается, но рѣдкій чеченецъ не погрѣшаетъ въ этомъ отношеніи, особенно внѣ селенія. Съ перевала Итынъ-куль глазу открывался такой просторъ для наблюденій, такое разнообразіе видовъ, картинъ, пейзажей, что всякій, кто хоть мало-мальски привыкъ любить природу, цѣнить ея простоту, а въ естественной красотѣ и гармоніи находить наслажденіе и забвеніе отъ житейскихъ невзгодъ, не могъ не остановиться въ безмолномъ изумленіи и восторгѣ!.. Передъ нами со всей живописной оригинальностью капризной горной природы выступали три ущелья; на югѣ только что пройденное ущелье рѣчки Кенчи, все занесенное снѣгомъ, затопленное водою, куда заглядывая, яркое лѣтнее солнце золотило ручьи, потоки, рѣчку, а снѣгъ, пушистый, рыхлый, лѣтній снѣгъ, наподобіе сѣдины на головѣ юноши, запорошившій молодую зелень древесной растительности, горѣлъ, блестѣлъ и искрился... Печальную картину зимы въ Кенчинскомъ ущельѣ смѣняли полные пышнаго лѣтняго расцвѣта и весенней свѣжести виды на западѣ. На западѣ, расчлененныя западнымъ отрогомъ Чархунышъ-корта, залегали два параллельныхъ ущелья; одно ущелье рѣчки Чанты-ахкъ мелкое, обрамленное съ сѣвера невысокими склонами горы Иты-Кумичъ, почти совершенно безлѣсное, поражало своею воздѣланностью и густою населенностью; по всему ущелью, по склонамъ горъ, по берегу рѣчки Чанты-ахкъ, на плоскомъ днѣ, среди безконечнаго моря засѣянныхъ хлѣбовъ и небольшихъ рощицъ почти исчезнувшаго лѣса, гнѣздились чеченскіе хутора, отселки, селенія, больше всего по его правому боку—

Цамадой, Гугалей, Селиды, Ургулой и многіе другіе, и второе глубокое, просторное ущелье рѣчки Хочарой-ахкъ, обставленное съ сѣвера отрогомъ Чархунышъ-кортъ, извѣстнымъ подъ именемъ Хочарой-инъ-дукъ, и съ юга склонами Кабу-лама съ господствующей вершиной Сивашка-дукъ. Все ущелье тонуло въ зелени травъ, хлѣбовъ и сильно разрѣженнаго лѣса, которымъ нѣкогда прикрывались не только крутые, бугрыстые склоны, но и просторное дно, о чемъ свидѣтельствовали уцѣлѣвшіе пни гигантскихъ деревьевъ, на подобіе могильныхъ памятниковъ печально торчащіе среди выноса гальки и высокихъ сорныхъ травъ. Среди низкихъ береговъ куда-то далеко, далеко торопливо стрѣмилась рѣчонка Хочарой-ахкъ. Неподвижный воздухъ былъ такъ прозраченъ, что на громадномъ разстояніи можно было разглядѣть каждую складку на склонѣ, и скалу на гребнѣ. Снѣгу здѣсь не было и слѣда. Рѣзкая перемѣна въ погодѣ, повидимому, ограничилась предѣлами Шаро-Аргунскаго и Кенчинскаго ущелій. Совершенно сухая земля на обнаженныхъ откосахъ свидѣтельствовала, что въ сосѣднихъ ущельяхъ, за переваломъ Итынъ-куль не выпало даже дождя.

Подъемомъ на перевалъ Итынъ-куль закончились всѣ трудности нашего путешествія. Отсюда по пышному ковру субальпійскихъ травъ, разукрашенныхъ цвѣтами синей генціаны, голубыхъ незабудкокъ, палевыхъ скабіозъ и многими другими, которыя кокетливо выставляли свои разноцвѣтныя головки изъ подъ густой зелени травъ, мы спустились къ опушкѣ рѣдкаго лѣса изъ ольхи, березы, липы, рябины и по широкой пыльной дорогѣ, проложенной по карнизу горы Хочарой-инъ-дукъ, пошли вдоль Хочароевскаго ущелья на сѣверо-западъ къ Евдокимовскому укрѣпленію. Въ общемъ довольно дикое и не вездѣ годное для культурной обработки Хочароевское ущелье производило пріятное впечатлѣніе своимъ просторомъ, группами скалистыхъ обнаженій на выпуклыхъ бокахъ, которыя выступая изъ подъ лѣса до иллюзіи напоминали средневѣковые замки или фантастическія сооруженія давно минувшихъ временъ.

По склону Хочарой-инъ-дукъ, гдѣ мы шли, лѣсъ скоро исчезъ; его смѣнили высокіе кустарники сначала—азаліи, густыми сплошными насажденіями драпировавшія склоны и съ обѣихъ сторонъ дорогу, затѣмъ орѣшника, и такъ до самаго дна ущелья. На обнаженныхъ мѣстахъ тамъ и сямъ темнѣли невзрачныя че-

ченскія селенія. Первое селеніе на нашемъ пути было Атемъ-Бауда, за нимъ Пеяашхой, Гамгой и др. На противуположной сторонѣ ущелья, не доходя селенія Гамгой съ горы Ирчу-машка блестящей лентой живописно сбѣгаетъ быстрый потокъ, на берегу котораго, на выступѣ одиноко торчитъ высокая башня, а внизу у подошвы прижался аулъ Халходой.

Въ селеніе Гамгой, которое раскинулось по пологому скату у самой дороги, мы зашли къ старшинѣ отдохнуть. Небольшая кунацкая мигомъ переполнилась народомъ. Принимая за какихъ-то вліятельныхъ людей, жители селенія осадили насъ просьбами и жалобами на недостатокъ земельныхъ угодій. Недостатокъ земли и здѣсь угнетаетъ земледѣльца. Въ Гамгоѣ на 52 двора съ населеніемъ 319 душъ удобной земли всего 226 десятинъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по Хочароевскому ущелью до 10% населенія совсѣмъ безземельные. За недостаткомъ пастбищныхъ мѣстъ самый богатый хочароевецъ не можетъ имѣть болѣе 5, 6 штукъ овецъ. Пахатной земли такъ мало, что своего хлѣба хватаетъ всего на одинъ мѣсяцъ.

Отъ селенія Гамгой, пройдя версты двѣ, мы свернули влѣво, въ ущелье большой и бурной рѣки Чанты-Аргунъ, въ которую ниже впадаетъ рѣчка Хочарой-ахкъ. Ущелье рѣчки Чанты-Аргунъ открывается широкой котловиной, обрамленной не высокими увалообразными возвышенностями сѣрыми, голыми, обожженными солнцемъ и размытыми водой, съ впалымъ неровнымъ дномъ, разсѣченнымъ глубокимъ русломъ быстрой рѣчки Чанты-Аргунъ. Совершенно лишенная растительности, мало воздѣланная и населенная котловина производитъ печальное впечатлѣніе. На берегу рѣчки, надъ крутымъ обрывомъ возвышается Евдокимовское укрѣпленіе, обнесенное высокими стѣнами, съ башнями. Отъ укрѣпленія, извиваясь бѣловатой лентой, бѣжитъ широкая разработанная дорога въ укрѣпленіе Шатой и исчезаетъ въ глубинѣ узкаго скалистаго ущелья. Южнѣе крѣпости раскинулся чеченскій аулъ Итумъ-кале, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ чеченскихъ саклей, между которыми не рѣдкость двухъ-этажныя съ деревянными балконами. Въ селеніи мы видѣли нѣсколько лавокъ съ краснымъ товаромъ и разною мелочью... Объ основаніи аула Итумъ-кале среди мѣстнаго населенія существуетъ такая легенда. Шелъ одинъ бездомный чеченецъ по имени Инъ-кале, шелъ, шелъ, усталъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь селеніе, прилегъ отдохнуть, а палку воткнулъ въ землю. Пока онъ спалъ, на палкѣ какая то птица свила гнѣздо. Проснулся Инъ-кале, увидалъ гнѣздо на палкѣ и рѣшилъ, что самъ Богъ указалъ ему мѣсто для поселенія, построилъ саклю и положилъ начало нынѣшнему селенію. Въ Евдокимовскомъ укрѣпленіи мы узнали весьма странную новость! Въ то время, какъ мы спокойно странствовали по горной Чечнѣ, слухи о возмущеніи чеченцевъ въ Чаберлоѣ и селеніяхъ по Шаро-Аргунскому ущелью, дошедшіе до насъ еще въ Ведено, выросли въ настоящее возмущеніе. Въ Едокимовское укрѣпленіе были стянуты войска и ожидали только окончательныхъ распоряженій для выступленія въ предѣлы возмутившихся чеченскихъ селеній!...

Въ заключеніе привожу нѣсколько чеченскихъ сказокъ, басенъ, анекдотовъ, записанныхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, за которые не могу не выразить искренней благодарности начальнику 7-го участка Грозненскаго округа, г. Шукаеву, принимавшему дѣятельное участье въ собираніи и переводѣ означеннаго матеріала на русскій языкъ. О чеченскихъ сказкахъ нужно замѣтить, что оригинальныя по содержанію встрѣчаются весьма рѣдко; большинство ихъ съ сюжетами, заимствованными изъ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта, но чаще всего изъ арабскихъ сказокъ. Въ оригинальныхъ сказкахъ встрѣчаются весьма характерныя указанія на древнее языческое вѣрованіе чеченцевъ, въ общеніе живыхъ съ умершими съ обитателями загробнаго міра, вѣрованіе, утратившее въ глазахъ современныхъ чеченцевъ свой смыслъ и ѣдко осмѣиваемое.

Чеченскія сказки.

1.

Въ отвѣтъ на хвастовство чеченки (женщины или дѣвушки) своимъ цѣломудріемъ снѣльчаки обыкновенно насмѣшливо замѣчаютъ: не такой-ли это хабаръ (новость), какой разсказываютъ о дочери Хана или Гана, надъ цѣломудріемъ которой смѣялась даже рыба...

Въ одномъ горномъ селеніи жилъ чеченецъ, человѣкъ честный добрый, всѣми уважаемый и очень богатый. У чеченца

была дочь, дѣвушка скромная, трудолюбивая и нравственная. Выросла она безъ матери и замѣняла въ домѣ хозяйку. Отецъ ее очень любилъ, вполнѣ довѣрялъ и давалъ полную свободу. Въ его отсутствіе дѣвушка свободно принимала гостей, угощала ихъ и никто въ этомъ не видѣлъ ничего дурного. Напротивъ, слава о гостепріимномъ домѣ чеченца распространялась далеко за предѣлы селенія. Однажды задумалъ чеченецъ съѣздить на богомолье въ Мекку; обратился онъ къ своей дочери и сказалъ:—„Дочь моя! Я-бы желалъ поѣхать въ Мекку на богомолье, но не иначе, какъ съ твоего согласія". Дѣвушка подумала, подумала и отвѣчала: „Отецъ мой! согласіе мое въ твоихъ рукахъ: женись сначала, оставь жену вмѣсто себя и поѣзжай куда желаешь. Иначе мнѣ будетъ скучно жить безъ тебя". Какъ не старался отецъ убѣдить свою дочь, что женитьба его можетъ внести несчастье въ ихъ мирную саклю, что между ею и мачихой могутъ установиться дурныя отношенія, а онъ слишкомъ любитъ свою дочь, что-бы позволить даже женѣ дурное съ нею обхожденіе,—дѣвушка ничего не хотѣла слушать и стояла на своемъ. Отцу ничего не оставалось, какъ согласиться, но съ условіемъ, что-бы дочь сама выбрала ему невѣсту. Самая красивая дѣвушка въ селеніи охотно согласилась на предложеніе дочери выйти замужъ за ея отца. Вскорѣ отпраздновали свадьбу, а черезъ нѣкоторое время чеченецъ уѣхалъ въ Мекку.

Вначалѣ дѣло шло хорошо: обѣ женщины жили согласно и мирно. Молодая женщина была довольна, что вошла въ домъ богатаго и хорошаго человѣка; дочь радовалась, что въ лицѣ мачихи нашла себѣ подругу и въ отсутствіе отца не была одинока, усердно помогала мачихѣ въ хозяйствѣ и развлекала отъ скуки. Однако дружба женщинъ продолжалась не долго. Вскорѣ предсказанія отца стали оправдываться. Дѣло въ томъ, что дѣвушка по прежнему не отказывала ни кому въ своемъ гостепріимствѣ, еще привѣтливѣе прежняго встрѣчала и угощала всякаго, кто заходилъ въ ихъ саклю. Всѣ съ величайшимъ уваженіемъ относились къ дѣвушкѣ, еще больше восхваляли ее за гостепріимство, скромность и цѣломудріе. Такое отношеніе окружающихъ не могло понравиться мачихѣ. Въ ней пробудилась зависть. „Если всѣ будутъ такъ же восхвалять эту дѣвчонку и при отцѣ", думала она, „то отецъ, конечно, полюбитъ ее еще больше, будетъ оказывать ей во всемъ предпочтеніе, а я останусь на второмъ планѣ". И задумала злая женщина наклеветать на бѣдную дѣвушку, разсорить ее съ отцомъ. Она отправилась къ муллѣ и за хорошее вознагражденіе попросила его написать мужу, что дочь въ его отсутствіе ведетъ себя такъ скверно, что въ настоящее время больна, готовясь быть матерью.

Первый мулла былъ человѣкъ порядочный, хорошо зналъ дѣвушку и наотрѣзъ отказался возводить на нее клевету. Но мачиха не смутилась. Она отправилась ко второму муллѣ съ тѣмъ же предложеніемъ, а когда и второй отказался, нашла наконецъ третьяго муллу, человѣка подкупного, недобросовѣстнаго, который согласился и написалъ такъ, какъ желала мачиха. Вскорѣ пошла народная молва, что дочь честнаго чеченца оклеветана и что оклеветала ее мачиха. Дошелъ этотъ слухъ до дѣвушки. Она пришла въ такое негодованіе, что рѣшила не показываться живою на глаза отцу. Она знала, что отецъ занимался изготовленіемъ разныхъ лѣкарствъ, ядовъ и хранилъ все это въ своемъ сундукѣ. Разыскала дѣвушка ключъ, открыла сундукъ. Между разными склянками она увидала платокъ, концы котораго были завязаны въ узелки. Развязала она одинъ узелокъ, изъ него выпала небольшая скляночка, крѣпко закупоренная, а въ склянкѣ пепелъ. Принимая пепелъ за ядъ, дѣвушка опрокинула склянку въ ротъ, проглотила и стала ожидать смерти. Но прошелъ день, другой, третій, а желанная смерть не приходила. Вскорѣ она почувствовала, что вмѣсто яду приняла такого лѣкарства, отъ котораго дѣйствительно сдѣлалась беременной. Дѣвушка пришла въ отчаяніе и не знала, что съ собой дѣлать. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ отецъ изъ Мекки. Первымъ вопросомъ, обращеннымъ къ женѣ, былъ вопросъ о дочери: правду ли она писала о ней.—„Конечно, правду! Если не вѣришь иди и лично убѣдись", отвѣчала жена. Но чеченецъ не пошелъ къ дочери. Слова жены поколебали, наконецъ, его увѣренность въ невинности дочери. Чеченскій обычай жестокъ и немилосерденъ къ женщинѣ, погрѣшившей противъ нравственности. По обычаю, виновная безъ всякаго снисхожденія лишается жизни. Убить единственную и любимую дочь у чеченца не хватало силъ. Онъ рѣшилъ подождать, пока сама дочь разъяснитъ все. Разъ вышелъ онъ на улицу. Дочь увидала его въ окно и сказала:—„Отецъ мой! подойди къ окну, выслушай меня и тогда распоряжайся моею кровью". Отецъ только этого ожидалъ и охотно исполнилъ ея просьбу. Дѣвушка

разсказала все какъ было, какъ оклеветала ее мачиха, какъ съ отчаянія она хотѣла отравиться, но вмѣсто яда проглотила пепелъ, спрятанный въ его сундукѣ, отъ котораго и забеременила. Отецъ внимательно выслушалъ дочь и вмѣсто порицанія ласково сказалъ:—„Я зналъ, дочь моя, что ты невинна!" и разсказалъ ей о происхожденіи этого пепла. Очень давно, во время набѣговъ на враговъ, онъ случайно наткнулся на богатыря, на лбу котораго была надпись: „Этотъ богатырь обезглавитъ шестьдесятъ три человѣка". Богатырь крѣпко спалъ. Желая спасти шестьдесятъ три человѣка, онъ вынулъ кинжалъ и отрубилъ голову богатырью. Голова покатилась по землѣ, но отдѣленная отъ туловища, продолжала жить, бросаться изъ стороны въ сторону. Чтобы покончить съ головою онъ развелъ костеръ, бросилъ ее въ огонь, сжогъ, а пепелъ собралъ и спряталъ.—„Вотъ какой непелъ ты проглотила! Я зналъ, что смерть богатыря не пройдетъ мнѣ даромъ, но никогда не думалъ, что пострадаешь ты! „добавилъ отецъ, вернулся въ саклю и въ тотъ же день прогналъ изъ дому жену.

Черезъ нѣкоторое время дочь чеченца родила сына. Мальчикъ росъ быстро не по днямъ, а по часамъ и вскорѣ сталъ обнаруживать необыкновенную силу. Въ двухлѣтнемъ возрастѣ онъ свободно перебрасывалъ пудовые камни, растиралъ руками каменныя бусы въ пыль, чѣмъ приводилъ всѣхъ въ великое изумленіе, а когда подросъ,—сталъ обижать и притѣснять соѣдей, всѣхъ, кто имѣлъ неосторожность попасться ему на глаза. Выведенные изъ терпѣнія проказами мальчика-богатыря, односельчане цѣлымъ обществомъ подали жалобу отцу его матери и требовали, что-бы онъ или удалилъ мальчика изъ ихъ селенія, или переселилъ все общество куда нибудь на новое мѣсто. Не зная, какъ поступить, чеченецъ спросилъ дочь, что дѣлать съ мальчикомъ.—„Дѣлай, что хочешь, только не убывай его!" отвѣчала дочь. „Лучше всего, завези его куда нибудь подальше отъ селенія и оставь!" Чеченецъ такъ и сдѣлалъ. Онъ взялъ мальчика, сѣлъ на коня, и повезъ, куда глаза глядятъ. Ѣхалъ онъ день, ѣхалъ другой, ѣхалъ третій. Доѣхалъ до самаго синяго моря. На берегу моря онъ остановился и когда мальчикъ заснулъ, тайно покинулъ его. Проснулся мальчикъ, долго искалъ и звалъ дѣда, но послѣдняго нигдѣ не оказалось. Огорченный онъ сѣлъ на берегу и горько заплакалъ. Въ это время невольникъ великаго Гана.

который жилъ неподалеку отъ моря, привелъ на водопой кобылу. Увидѣвъ мальчика кобыла испугалась. Невольникъ разсердился и крѣпко ударилъ ее хворостиной по головѣ.—„Зачѣмъ ты бьешъ кобылу"? съ укоромъ замѣтилъ мальчикъ: „сегодня она ожеребится мертвымъ жеребенкомъ съ лысиной на лбу". Невольникъ посмотрѣлъ на мальчика, засмѣялся и повелъ кобылу домой. Однако скоро онъ убѣдился, что мальчикъ не лгалъ: кобыла дѣйствительно ожеребилась въ тотъ же день мертвымъ жеребенкомъ, у котораго на лбу была лысина. Пораженный справедливостью предсказанія, невольникъ разсказалъ обо всемъ Гану. Ганъ удивился и пожелалъ повидать необыкновеннаго мальчика. Мальчика тотчасъ разыскали. Ганъ обласкалъ его и нанялъ къ себѣ въ садовники.

У великаго Гана была дочь, извѣстная красавица и большая скромница. Она никуда не выходила изъ дому, никого не принимала и такъ оберегала свою честь, что кромѣ отца никому не позволяла входить въ свою комнату. Великій Ганъ и его жена радовались, глядя на скромность своей дочери. Иногда излишнее затворничество дочери заставляло безпокоиться мать. На замѣчанія ея по этому поводу, дочь всегда отвѣчала, что всякая другая жизнь противна ея скромности и цѣломудрію, что она совершенно счастлива и другого ничего не желаетъ. Въ одинъ прекрасный день около дворца великаго Гана собралась молодежь. Всѣ они жаждали взглянуть на красавицу дочь Гана, которая только изрѣдка показывалась въ окнѣ. Въ этотъ день юноши поймали необыкновенную рыбу съ золотою чешуею и долго спорили, кому она должна принадлежать. Одинъ изъ юношей предложилъ отдать ее красавицѣ дочери Гана: „затворница не выходитъ на свѣтъ Божій: рыба будетъ для нея забавой!"

Такой совѣтъ очень понравился товарищамъ. Они взяли рыбу и бросили въ окно красавицы. Увидала дочь Гана рыбу въ своей комнатѣ и пришла въ негодованіе.—„Кто осмѣлился бросить ко мнѣ рыбу, не предупредивъ меня—самка она или самецъ!" воскликнула она. Въ отвѣтъ на слова красавицы рыба вдругъ громко разсмѣялась. Прибѣжали отецъ, мать и другіе родственники дѣвушки, а рыба смѣется и смѣется.—„Не стану жить на свѣтѣ, если не узнаю причины смѣха рыбы!" злобно сказала отцу красавица дочь.

Великій Ганъ собралъ народъ и сталъ спрашивать не ви-

далъ-ли, кто бросилъ рыбу въ комнату его дочери и почему эта рыба смѣется? Но никто на вопросъ Гана не могъ отвѣтить. Вспомнилъ Ганъ о необыкновенномъ мальчикѣ садовникѣ и велѣлъ позвать его къ себѣ. Мальчикъ немедленно явился, но съ отцомъ не сталъ разговаривать, а попросилъ провести его прямо къ дочери.

- „Ты желаешь знать, почему смѣется рыба". Спросилъ онъ красавицу.

— „Да, желаю!" отвѣчала дочь Гана.

— „Смотри не пожалѣй впослѣдствіи"! предупредилъ ее мальчикъ, на что дѣвушка гордо отвѣтила, что жалѣть ей не о чемъ.

— „Пусть будетъ по твоему!" отвѣтилъ мальчикъ: „Ты испугалась за свою честь, когда увидала въ комнатѣ своей рыбу, такъ какъ не знала самка она или самецъ, а не стыдишься прятать подъ поломъ своихъ любовниковъ!"

Съ этими словами мальчикъ приподнялъ половицу, вытащилъ шестьдесятъ три человѣка любовниковъ и поотрубилъ имъ головы. Великій Ганъ собственными руками убилъ родную дочь, а мальчика усыновилъ.

2.

Жили мужъ и жена. Мужъ, трудолюбивый чеченецъ, каждый день съ утра уходилъ на работу и возвращался вечеромъ, жена же оставалась дома. Видитъ чеченецъ, какъ не старается увеличить благосостояніе своей семьи, а хлѣба у него не хватаетъ и не хватаетъ. Оказалась, что глупая и простоватая жена въ его отсутствіе раздавала хлѣбъ и муку каждому, кто-бы не попросилъ у нея. Задумался чеченецъ, какъ отучить жену отъ такой расточительности. Думалъ, думалъ и наконецъ надумалъ. Разыскалъ мѣшокъ, ссыпалъ всю муку, какая была дома и говоритъ женѣ: „Жена! Не трогай этой муки: она чужая"!... сказалъ и ушелъ на работу.

Узнала глупая жена, что въ домѣ есть чужая мука, сѣла на порогѣ сакли и стала спрашивать прохожихъ: „Послушай! у насъ есть чужая мука,—не твоя-ли?"

Прошелъ одинъ прохожій и отказался, прошелъ другой и тоже отказался. Наконецъ нашелся смѣльчакъ, который сказалъ:

„Да, у меня пропала мука; это, навѣрное, моя!" Взвалилъ мѣшокъ на спину и унесъ всю муку разомъ изъ сакли бѣднаго труженика. Приходитъ мужъ домой, а дома ни муки, ни хлѣба. Разсердился чеченецъ, бросилъ жену, домъ и сталъ скитаться по свѣту, разыскивая женщину, которая была-бы глупѣе его жены. Разъ забрелъ онъ въ одно селеніе. Идетъ по улицѣ и видитъ подлѣ одной сакли стоитъ женщина. Онъ даже не взглянулъ на нее и молча прошелъ мимо.

— „Откуда идешь, прохожій"? окликнула его женщина.

— „Съ того свѣта!" отвѣтилъ чеченецъ.

— „Съ того свѣта"? воскликнула женщина; „не видалъ-ли ты тамъ моего отца"!.. и отъ радости чуть не кинулась ему на шею.

Скиталецъ остановился. „Эта, пожалуй, будетъ глупѣе моей жены"! подумалъ онъ и отвѣтилъ: „Какъ-же видалъ, видалъ"!

— „Ну какъ-же онъ тамъ живетъ"? торопилась разспрашивать женщина.

„Да ничего, хорошо. Только мой отецъ не даетъ ему покою, требуетъ возвратить долгъ, который онъ сдѣлалъ, когда еще жилъ на этомъ свѣтѣ.

— „Сколько онъ занялъ у твоего отца"?

— „Пятьсотъ рублей".

Женщина задумалась и сказала: „Ты подожди здѣсь, а я посмотрю нѣтъ-ли у мужа пятисотъ рублей"! и побѣжала въ саклю.

— „Есть только четыреста"!... съ огорченіемъ сказала она возвращаясь, „но ничего! Возьми четыреста и зайди вечеромъ; вернется мужъ я отдамъ и остальные сто рублей. Пожалуйста передай эти деньги своему отцу и скажи, что-бы онъ не безпокоилъ моего отца".

Схватилъ скиталецъ деньги и что было мочи побѣжалъ отъ глупой женщины.

Вернулся мужъ глупой женщины домой, а жена къ нему съ просьбой дать ей сто рублей, и разказала, какъ черезъ прохожаго узнала о мученіяхъ своего умершаго отца за долгъ, который онъ сдѣлалъ когда жилъ на этомъ свѣтѣ и какъ она уплатила уже прохожему четыреста рублей. Отъ удивленія мужъ даже слова не вымолвилъ, сѣлъ на коня и поскакалъ догонять прохожаго. Заслышалъ скиталецъ за собою погоню, видитъ, что не уй-

ти ему отъ преслѣдователя, забѣжалъ на мельницу и говоритъ мельнику: „Я слышалъ тревогу! Какіе-то люди скачутъ на твою мельницу, навѣрное, думаютъ ограбить. Дай мнѣ твою одежду, а самъ спрячься; я съ ними расправлюсь"!

Перепугался бѣдный мельникъ, поблагодарилъ добраго человѣка, отдалъ ему свою одежду и спрятался. Прискакалъ мужъ глупой жены, соскочилъ съ коня и на мельницу.

— „Не забѣжалъ-ли сюда неизвѣстный человѣкъ"? спросилъ онъ мнимаго мельника.

— „Вонъ онъ спрятался"! отвѣтилъ скиталецъ и пока тотъ расправлялся съ мельникомъ, вскочилъ на его коня и ускакалъ. Когда несчастному мельнику удалось растолковать разсвирепѣвшему мужу глупой женщины, что онъ не прохожій, а настоящій хозяинъ мельницы и тоже обманутъ, скитальца и слѣдъ простылъ. Печально вернулся домой мужъ глупой жены и на вопросъ послѣдней, куда онъ такъ торопливо ѣздилъ, съ горечью отвѣтилъ: „Ты говорила, что обѣщала прохожему отдать еще сто рублей. Вмѣсто денегъ я отдалъ ему лошадь и сѣдло".

— „Ну хорошо, что ты такъ сдѣлалъ"! обрадовалась глупая жена:

„Я думала, что ты не хочешь дать прохожему ста рублей и мнѣ придется покраснѣть за свое обѣщаніе"!

Мужъ молча кивнулъ головой, не бросилъ ни дома, ни жены, а примирился съ своимъ положеніемъ.

3.

Одинъ богатый князь задумалъ построить на своей землѣ башню. Онъ разыскалъ старика каменьщика и за хорошую плату нанялъ его къ себѣ на работу. Старикъ, хотя и согласился, но долго не рѣшался итти къ нему на работу. О князѣ ходили дурные слухи. Бывали случаи, что нанятые имъ люди пропадали безъ вѣсти. Старикъ опасался какъ-бы и съ нимъ не случилось того-же и много думалъ прежде, чѣмъ рѣшился отправиться въ путь. У старика былъ сынъ, единственный наслѣдникъ. Никакой другой родни у него не было. Онъ женилъ его на дочери сосѣда и на третій день послѣ свадьбы отправился вмѣстѣ съ нимъ къ князю на заработки. Путь былъ длинный. Старикъ утомился и сталъ просить сына дать ему, старику, лошадь или сократить

дорогу. Сынъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца. „Отецъ! какъ могу я дать тебѣ лошадь, которой не имѣю и сократить дорогу, которую создалъ Богъ"?.. Старикъ разсердился и, не сказавъ ни слова, вернулся домой. Разсказалъ сынъ молодой женѣ о всемъ случившимся, а та и говоритъ: „Отецъ твой, вѣрно, одурѣлъ на старости лѣтъ"!..

На слѣдующій день отецъ спрашиваетъ сына, что сказала ему жена, кого изъ нихъ считаетъ правымъ? Сынъ откровенно передалъ слова жены. Старикъ разсердился еще больше, прогналъ невѣстку, а сына женилъ на другой. Прошли три дня и они снова отправились въ путь и снова повторилось все тоже, что и въ первый разъ; а когда на слѣдующій день старикъ узналъ отъ сына, что вторая невѣстка считаетъ его совсѣмъ дуракомъ, приказалъ сыну развестись со второй женой и женилъ его на третьей. Третья невѣстка оказалась умнѣе двухъ первыхъ. Когда вернувшись въ третій разъ мужъ разсказалъ ей о требованіяхъ отца, она не нашла въ нихъ ничего страннаго. „Вмѣсто лошади ты далъ-бы старику палку, а дорогу сократилъ-бы интереснымъ разсказомъ". Старикъ остался очень доволенъ отвѣтомъ невѣстки, расхвалилъ ее, оставилъ хозяйкой въ домѣ и окончательно ушелъ съ сыномъ къ князю. На этотъ разъ они безъ приключеній дошли до мѣста и приступили къ работѣ. По совѣту отца сынъ сошелся съ одной изъ работницъ князя и отъ нея узнавалъ всѣ намѣренія и тайны хозяина. Когда стѣны башни на половину были уже сложены, работница сказала сыну старика, что князь хочетъ убить его съ отцомъ, какъ только башня будетъ готова, тѣла ихъ зарыть въ землю и тѣмъ избавиться отъ уплаты обѣщанныхъ денегъ. Сынъ разсказалъ обо всемъ отцу. Старикъ ничего не отвѣтилъ, продолжалъ усердно работать, но со второй половины постройка шла все хуже и хуже: башня выходила кривою. Замѣтилъ это князь и сказалъ старику, что башня можетъ разрушиться, такъ-какъ стѣны сложены криво.—„Я забылъ гири, мнѣ нужно будетъ сходить за ними домой", отвѣтилъ старикъ.—„Зачѣмъ-же тебѣ ходить самому"? возразилъ князь: „я дамъ въ твое распоряженіе людей, которые и принесутъ тебѣ гири"! и прислалъ своего сына съ невольникомъ. Отправляя пословъ домой, старикъ далъ порученіе къ невѣсткѣ, что-бы она изъ двухъ птицъ, которыя находятся у него на привязи, сокола привязала-бы по крѣпче, а галку, какъ безполезную птицу, от-

пустила на волю. Пріѣхали посланные въ домъ къ старику и передали порученія. Невѣстка сообразила, что дѣло не ладно. Ея стараніями княжескій сынъ былъ арестованъ, а съ невольникомъ она послала сказать князю, что если черезъ три дня старикъ съ мужемъ ея не вернется, сынъ его будетъ разрѣзанъ на куски и брошенъ волкамъ на съѣденіе. Князь испугался и въ тотъ-же день отпустилъ старика съ сыномъ домой. „Вотъ для чего я выбиралъ тебѣ догадливую жену“! сказалъ старикъ сыну, вернувшись домой.

4.

Жилъ былъ одинъ молодой чеченецъ. У него было двѣ жены, которыя жили въ одной саклѣ. Черезъ годъ у каждой женѣ родилось по сыну. Въ одну ночь уложили женщины дѣтей въ люльку и полегли спать, каждая подлѣ своего ребенка. Въ полночь одна изъ женщинъ замѣтила, что ребенокъ ея мертвый. Не долго думая, она взяла живого ребенка сосѣдки, уложила въ свою люльку, а своего мертваго положила къ ней. На утро между матерями поднялся споръ: каждая женщина считала ребенка своимъ. Услыхалъ объ этомъ мужъ и не зная, какъ разсудить женщинъ, обратился къ старикамъ. Старики судили, рядили, но тоже не могли примирить женщинъ и передали это дѣло на разсмотрѣніе знаменитымъ въ то время судьямъ, которые жили въ селеніи Маисти. Пріѣхали судьи, потребовали женщинъ и живого ребенка. Одинъ изъ судій взялъ ребенка на руки и обращаясь къ женщинамъ спросилъ: „Чей это ребенокъ“? Обѣ женщины отвѣчали: „мой“. „Если каждая изъ васъ считаетъ ребенка своимъ, то, что-бы прекратить вашъ споръ, я разрублю его пополамъ“! сказалъ судья.—„Руби какъ хочешь, а ребенокъ мой“! сказала одна изъ женщинъ. Другая-же съ рыданіями бросилась къ судьѣ и умоляла его не рѣзать ребенка, а лучше отдать чужой матери. Судья передалъ ребенка послѣдней женщинѣ, т. е. той, которая была связана съ нимъ сердцемъ. Мужъ заявилъ, что онъ еще ни разу не видалъ своихъ дѣтей и не знаетъ кому какой изъ нихъ принадлежалъ.

5.

Два голодныхъ змѣныша рѣшили вступить другъ съ другомъ въ борьбу съ тѣмъ, что-бы побѣдитель съѣлъ побѣжденнаго. Шелъ мимо прохожій, видитъ, что змѣныши сцѣпились отъ голода, пожалѣлъ ихъ, отрѣзалъ кусокъ мяса и далъ имъ поѣсть. Наѣлись змѣныши и полегли спать. Приходитъ мать ихъ, старая змѣя, и спрашиваетъ: „Кто васъ накормилъ“? Змѣныши указали на прохожаго. Поблагодарила змѣя прохожаго и проситъ дозволить ей прикоснуться къ его губамъ. Прохожій не согласился. Змѣя взяла длинную, предлинную камышинку и дунула ему прямо въ ротъ. Съ этого момента прохожій сталъ понимать языкъ всѣхъ животныхъ, но змѣя предупредила его, что если онъ откроетъ кому нибудь тайну, какъ сталъ понимать языкъ животныхъ, немедленно умретъ.

Разъ ночевалъ прохожій у себя на хуторѣ, около баранты. Вдругъ ночью завылъ волкъ. Всѣ собаки страшно перепугались, кромѣ одной старой овчарки, которая не подпускала волковъ къ овцамъ. Слышитъ прохожій, что волкъ вступилъ въ переговоры съ собакой. „Пусти меня, собака, я возьму только одного ягненка“! упрашивалъ онъ овчарку, но она ни за что не хотѣла уступить даже ягненка.—„Смотри, всѣ собаки молчатъ. Почему ты такъ оберегаешь хозяйское добро. Вѣдь хозяинъ все равно тебя не кормитъ больше, чѣмъ другихъ“? продолжалъ убѣждать овчарку волкъ. „Что хозяинъ меня не кормитъ, это правда, но не допускать тебя до стада—моя обязанность. Пусть другія собаки поступаютъ, какъ хотятъ“! отвѣчала овчарка.—„Знай-же, упрямая собака, завтра, ночью на вашу баранту нападутъ грабители. Хозяева и собаки будутъ перебиты, а баранту заберутъ набѣжники“! со злостью проговорилъ волкъ и ушелъ. На слѣдующій день прохожій предложилъ сосѣднимъ хуторянамъ, перекочевать на другое мѣсто, но они не согласились. Онъ забралъ свою баранту, собакъ и ушелъ. Ночью на хуторянъ дѣйствительно напали набѣжники. Люди и собаки были перебиты, а стада угнаны, какъ предсказалъ волкъ.

Сидитъ разъ прохожій подлѣ своей сакли и слышитъ два воробья заспорили. Одинъ предлагаетъ клевать зерно изъ гумна, а другой—изъ мѣшка. Спорили, спорили воробьи и подрались. Прохожій понялъ весь ихъ споръ и разсмѣялся. На грѣхъ под-

вернулась жена. „Надъ чѣмъ ты смѣешься“? спросила она его. Мужъ отвѣчалъ, что этого онъ не можетъ ей сказать. Капризная жена расплакалась и сказала, что не будетъ съ нимъ жить, если онъ ей не скажетъ. Бѣдный мужъ, желая угодить женѣ, рѣшилъ открыть свою тайну пониманія языка животныхъ, хотя и зналъ, что умретъ послѣ этого. Поѣхалъ онъ на хуторъ, выбралъ нѣсколько штукъ жирныхъ молодыхъ барановъ и одного красиваго козленка для своихъ поминокъ и погналъ домой. По дорогѣ бараны вдругъ разыгрались, стали прыгать и бодать другъ друга.— „Чему вы радуетесь“? спросилъ козленокъ. „Хозяинъ нашъ умретъ, а насъ всѣхъ перерѣжутъ“!—„Ну что-же? Пусть себѣ хозяинъ умираетъ, если онъ такъ глупъ, что не можетъ выгнать сварливую жену палкой изъ дому и дать ей разводъ“! отвѣтили бараны. Услыхалъ этотъ разговоръ хозяинъ, пришелъ домой, прогналъ жену и тѣмъ спасъ свою жизнь.

Чеченскія басни.

1.

Соколъ, Ястребъ и Галка.

Голодный и исхудалый Ястребъ долго искалъ добычи, но безуспѣшно. Полетѣлъ онъ къ Соколу и сталъ просить помощи. Соколъ охотно согласился помочь голодному товарищу и полетѣлъ съ нимъ на новые поиски.—„Не поймать-ли тебѣ курицу“? спросилъ онъ Ястреба, когда они пролетали надъ селеніемъ.—Нѣтъ, Соколъ не нужно, мнѣ будетъ стыдно и непріятно, если изъ за меня ты попадешься въ людскія руки“! И они полетѣли дальше. Вскорѣ Соколъ поймалъ хорошую добычу. Ястребъ наѣлся и довольный улетѣлъ въ свое гнѣздо. Увидала Галка, что Ястребъ вернулся въ хорошемъ тѣлѣ и спрашиваетъ: „Ястребъ, гдѣ ты обѣдалъ“? Ястребъ разсказалъ, какъ помогъ и накормилъ его Соколъ“. Полечу и я къ нему. Прилетѣла Галка къ Соколу и проситъ помочь, отыскать добычу. Соколъ согласился помочь и Галкѣ. Летятъ они надъ селеніемъ, а Соколъ спрашиваетъ: „Не поймать-ли тебѣ, Галка, курицу? Ты, кажется, очень голодна“?— „Охъ, поймай пожалуйста, Соколъ“! взмолилась Галка: „цѣлыя сутки крошки во рту не было“!—Соколъ полетѣлъ за курицей и попалъ въ клѣтку. Несчастный завѣщалъ своимъ потомкамъ никогда не имѣть дѣло съ галками.

2.

Послали Коня ~~взять~~ звать въ гости Ежа. Ежъ Коню отказалъ. Послали за нимъ Собаку. Ежъ пришелъ въ гости. Хозяинъ спрашиваетъ Ежа: „Почему ты не пришелъ, когда за тобой прислали Коня“?—„Я собаку считаю выше коня: Конь слуга каждому, а собака только своему хозяину“!

3.

Случайно остался въ полѣ маленькій ребенокъ. Змѣя подползла къ нему и задушила. Приходитъ отецъ видитъ ребенокъ мертвый. Бросился за змѣей, но та такъ быстро скользнула въ нору, что онъ успѣлъ отрубить ей только хвостъ. „Выходи, змѣя изъ норы! Я знаю, какъ ты умна и хочу съ тобой подружиться“! сталъ упрашивать змѣю отецъ ребенка.—„Какая дружба между нами? Я задушила твоего ребенка, а ты отрубилъ мнѣ хвостъ“! отвѣтила змѣя и глубже зарылась въ землю.

4.

Увидала молодая лисица капканъ, прибѣжала къ старой и стала просить совѣта, какъ избѣжать опасности.—„Знаю я одну хитрость, да берегу для себя“! отвѣтила старая лисица, но молодая такъ усердно упрашивала помочь ей, что не устояла и сказала: „Если ты попадешься въ капканъ, притворись мертвой. Хозяинъ выброситъ тебя, а ты убѣги“!—Пошла молодая лисица домой и попала въ капканъ, притворилась мертвой, хозяинъ выбросилъ ее, она вскочила и убѣжала. На слѣдующій день въ тотъ же капканъ попала старая лисица, тоже притворилась мертвой; но на этотъ разъ хозяинъ не повѣрилъ обману и убилъ старую лисицу.—Передавай другимъ свои познанія, но часть приберегай для себя.

5.

Шли два юноши купаться на рѣчку и увидали стараго старика, который усердно работалъ въ саду.—„Для кого ты работаешь, старикъ! Вѣдъ все равно не нынче, завтра помрешь“!

насмѣшливо сказали они. Старикъ съ грустью посмотрѣлъ на нихъ и спокойно отвѣтилъ: „На своемъ вѣку я ни одного юношу вашихъ лѣтъ проводилъ на кладбище"! Юноши прошли на рѣчку и стали купаться. По неосторожности они попали въ бурное теченіе и оба утонули. На тревогу пришолъ съ багромъ старикъ, вытащилъ несчастныхъ и далъ знать родственникамъ.

6.

Жили, были семь богатырей. Каждый изъ нихъ съѣдалъ по цѣлому быку и то не всегда былъ сытъ. Пришли богатыри въ гости къ одной вдовѣ. Вдова замѣсила горсточку муки для галушекъ, достала одно бычачье ребро и стала приготовлять гостямъ обѣдъ.—„Для кого это ты готовишь"? смѣясь спросили богатыри: „развѣ мы будемъ сыты отъ такой ничтожной пищи"? Вдова ничего не отвѣтила, а когда обѣдъ былъ готовъ, подала и просила гостей кушать. Гости ѣли въ волю, наѣлись до сыта, а всего съѣсть не могли: часть пищи осталась. Удивились богатыри такому чуду и спрашиваютъ вдову: „Какъ ты ухитрилась накормить насъ, когда мы съѣдали по цѣлому быку и то не всегда были сыты"?—„Это мясо и эта мука остатки прежнихъ запасовъ, сдѣланныхъ еще до вашего рожденія, когда во всемъ и вездѣ былъ полный достатокъ. Родились вы и всего стало мало: достатокъ исчезъ навсегда", скромно отвѣтила вдова.

Чеченскіе анекдоты.

1.

Ѣхалъ одинъ чеченскій родоначальникъ съ своими приближенными. На дорогѣ приближенные спросили его куда заѣхать на ночь.—„Куда хотите", отвѣчалъ родоначальникъ: „не везите только меня туда, гдѣ есть люди сильнѣе меня". Приближенные завезли его къ одному богачу, у котораго были дѣти. Услыхалъ родоначальникъ плачъ ребенка и говоритъ приближеннымъ. „Просилъ я васъ не везти меня туда, гдѣ есть люди сильнѣе меня"! „Кто-же здѣсь сильнѣе тебя"? спросили приближенные.—„А дѣти сильнѣе меня, потому что я не могу отдавать имъ приказаній"!

2.

Одинъ трусливый воинъ на войнѣ всегда старался быть позади всѣхъ; во время же перемирія на пиры всегда являлся первымъ. Замѣтилъ это одинъ изъ товарищей и говоритъ: „Ты на войнѣ послѣдній, а на пиру первый"!—„На войнѣ я защищалъ свой животъ, который здѣсь проситъ пищи"! отвѣтилъ трусливый воинъ.

3.

Одинъ бѣдный праздношатающійся чеченецъ сильно проголодался, а поѣсть ему было нечего. Вотъ сталъ онъ ходить по ауламъ и громогласно объявлять: „Кто накормитъ меня, за того обѣщаю цѣлый день пасти табунъ"!*) Услыхала одна вдова и поспѣшила воспользоваться его предложеніемъ. Она зазвала чеченца въ саклю, наварила галушекъ и стала подчивать. Голодный чеченецъ съ жадностью набросился на галушки и съѣлъ всѣ кромѣ двухъ. „Что же ты? Доѣдай, да иди въ табунъ", сказала вдова.—„Нѣтъ, я лучше не пойду на пастьбу"! отвѣтилъ чеченецъ и ушелъ отъ вдовы.

4.

У одного чеченскаго родоначальника былъ единственный сынъ. До пятнадцатилѣтняго возраста отецъ держалъ его въ заперти и никому не показывалъ. Когда-же мальчику исполнилось пятнадцать лѣтъ, отецъ объявилъ, что выведетъ своего сына на показъ. Въ сопровожденіи отца мальчикъ поѣхалъ по селенію. Первый, кто попался ему на встрѣчу былъ старый сѣдой старикъ. „Кто это"? спросилъ мальчикъ. „Старикъ", отвѣтилъ отецъ.—„Былъ-ли онъ когда нибудь такимъ, какъ я"?—„Былъ". Поѣхали дальше; видятъ—несутъ мертвеца. „Кого это несутъ"?—„Мертваго человѣка", отвѣтилъ отецъ. „Развѣ и мы умремъ, когда нибудь"?- „Всѣ люди умираютъ", отвѣтилъ отецъ. „Зна-

---

*) У чеченцевъ существуетъ обычай общественный табунъ пасти по очереди.

чить есть что-то сильнѣе тебя, отецъ! Нужно бросить праздность и хорошенько подумать объ этомъ"! сказалъ мальчикъ.

Чеченская загадка.

Одна женщина шла съ десятью мужчинами. Встрѣтился ей одинъ знакомый и спрашиваетъ:—„Кто эти люди"?—„Одинъ мой мужъ, пятеро невольниковъ, четыре родныхъ брата, а всѣ вмѣстѣ рождены отъ одной матери", отвѣтила женщина. „Какъ-же это такъ", спросилъ знакомый. „А вотъ какъ: я купила невольницу съ шестью сыновьями (невольниками). За одного вышла сама замужъ, а мать невольниковъ—выдала за своего отца, отъ котораго мачиха родила четырехъ сыновей—моихъ братьевъ"!

А. Россикова.